

Данна Даксенова

КРАСНАЯ
РЯБИНА

25 К.

· СОВЕТСКАЯ РОССИЯ ·

АННА АКСЕНОВА

КРАСНАЯ РЯБИНА

Повести

МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1983

P2
A42

Художник В. Д. Руденко

A $\frac{4803010102-230}{M-105(03)83}$ **224-83**

КРАСНАЯ РЯБИНА

Ничего на свете нет прекраснее реки Вороны. И уж Митьке ли это не знать: ведь он побывал в самом Орле, где текут сразу три реки — Ока, Орлик, Цон. В кино видел всякие другие — даже Волгу, даже Миссисипи. Ну, где есть такие высоченные, выше Митьки, камыши, такие зори, а главное — такие караси? Вытащишь, аж дух захватит, словно золотой слиток трепыхается в руках. Митька готов не есть, не спать, только бы посидеть с удочкой часок-другой на Вороне.

Вот и сегодня, едва промычала корова, услышавшая в дальнем конце деревни щелканье кнута, Митька вскочил на своем сеновале, кубарем скатился вниз по приставной лестнице и полез под крыльцо, где с вечера припасены у него были в банке выползки, припрятаны удочки.

Туманное утро будто молоком залило деревню. Где-то в этом молоке пробовал голос молодой петушок. Звякнула подошником мать — пошла доить корову. Прогудел вдали скорый «Москва — Одесса». Митька развел руками, глубоко вздохнул и как в воду нырнул: стало прохладно и весело. Эх, до чего же хорошо!

Он нащупал в кармане горбушку хлеба, нарвал в огороде зеленых перьев лука, захрустевших в руке, и пошел к Вороне.

Поеживаясь, он пробирался сквозь мокрые кусты к

своему любимому месту, примеченному еще с прошлого лета... Никто здесь до него не бывал, да и теперь ни одна душа, кроме Вовки Мурманского, не знала, откуда носил Митька таких богатых карасей и здоровущих ядреных раков.

Зато как приятно было возвращаться под завистливыми взглядами мальчишек, слышать восхищенные возгласы девчонок. Однажды даже поймал краем уха, как тетя Катя выговаривала своему конопатому Петьке:

— И чего тебе даром на речку гонять. Все равно, сколь Митька, не принесешь. Удачливый, чертенок.

Сегодня Митька собирался ловить недолго: мать еще накануне вечером строго наказала вернуться, как прогудит симферопольский.

Он поплевал на выползка, надел его на крючок и бросил в темную, еще не проснувшуюся воду. И тут услышал треск веток. Митька насторожился: кто-то шел сюда. Вовка сегодня не собирался, а если кто другой — пропала тогда рыбалка. Все повадятся на это место.

Но из кустов вылез Мурец. Надо же, обыкновенный кот, а не хуже собаки след находит.

Вообще Мурец был не похож ни на какого кота в деревне. Взять хотя бы то, что он ел то же самое, что и люди. Даже сырые огурцы. А сильный был! Когда он прыгал Митьке на грудь, тот чуть не падал.

Ни одна собака его не трогала — боялась.

Зимой, когда Митька ходил в школу, Мурец будил его по утрам — трогал лапой за лицо. Если же Митька не вставал — сердито урчал, и Митька, опасаясь, как бы чего не вышло, подымался.

Такого кота ни у кого не было, и Митька не променял бы его ни на какую самую разлучшую овчарку.

Но сюда на речку Мурец пришел впервые. Сам нашел дорогу по следу, и за это Митька угостил его рыбой.

* * *

Натаскав штук пятнадцать карасей, Митька стал собираться обратно.

Уходить было обидно, потому что сегодня особенно хорошо клевало, но мать он слушался. Раз сказала прийти после симферопольского, значит надо идти.

Впереди бежал Мурец. Время от времени он оглядывался, идет ли Митька, а то и поджидал, если тот слишком отставал.

Солнце поднялось совсем еще не высоко, но спину уже припекало. Утренний ветерок ворошил волосы, ласкался у шеи. Под ногами мягко стелилась дорога. Так бы и шагал по ней хоть сто километров.

С одной стороны дороги расстиралось до самого горизонта малиновое клеверное поле. Оно гудело пчелами и пахло травой, медом, солнцем. С другой стороны бежал молоденький кленовый лес.

Митька на ходу срывал самые маленькие листочки и жевал их. Они были скользкие, безвкусно-приятные, и Митька удивлялся, почему их не додумаются солить или мариновать, как грибы.

Он подпрыгнул, чтобы сорвать ветку с едва проклюнувшимися листьями, но ветка упруго спружинилась и, вырвавшись, так хлестнула Митьку, что он упал.

Сзади кто-то засмеялся.

Даже не оборачиваясь, можно было сказать, что смеется Тайка. Ни у кого, наверное, в мире нет такого про-

тивного смеха. Если кто расшибся или захлебнулся, купаясь, если кто получил двойку или разорвал брюки, тот обязательно слышал довольный Тайкин смешок: «Хи-хи, хи-хи», — ну точь-в-точь треснутая тарелка.

Правда, когда ее прорабатывали на пионерском собрании, она сказала, что это у нее нервный смех и что, когда хоронили дедушку, она и то смеялась. Но ей не поверили, что смех нервный, а что на похоронах дедушки смеялась — поверили, потому что такая ехидня и на своих собственных похоронах смеяться будет.

Митька все-таки обернулся и сказал:

— Пошла вон.

— Что я тебе — собака?

— Хуже собаки, — ответил Митька.

Тайка хихикнула и плачущим голосом сказала:

— Вот и видно сразу, что безотцовщина.

Этого Митька никому не прощал. Он бросился к Тайке, а она завизжала и помчалась прочь, прямо в клевер.

Мурец увидел погоню и тоже помчался.

Так они и бежали втроем, топча клевер, задыхаясь, полные злобы.

Первым догнал Тайку Мурец. Он вцепился в босую пятку и крепко укусил. Тайка заорала таким истошным голосом, что Митька испугался. Из пятки брызнула кровь. Тайка села на землю и схватилась за ногу.

— А ну брысь, пошел, — стал отгонять кота Митька.

Кот сердито фыркал и не сводил хищных глаз с девочки. Митьке стало страшно. А вдруг вцепится в горло. Он поднял крепкий комок сухой земли и швырнул в кота. Кот погасил глаза, опустил хвост и медленно стал отходить.

— Вот погоди, скажу отцу — он твоего кота завтра

же утопит. Нашел защитника, дурак ненормальный,— стонала Тайка.

— А чего ты... сама ведь первая.

— Скажешь, неправду сказала?

— Попробуй скажи еще. Лучше совсем без отца, чем как твой, пьяница и лодырь...

Тайка на это промолчала, потому что это была истинная правда.

— Дай чем ни на есть ногу перевязать.

Митька пошарил по карманам. Вытащил замызганную тряпку, протянул.

Тайка завязала ногу и, прихрамывая больше, чем нужно, пошла к дороге.

— А кот что... видит — бежишь... а у него... инстинкт догонять, — пробовал защитить кота Митька.

— «Инстинкт!» Может быть, он бешеный, — твой инстинкт. Ходи теперь на уколы.

— И ничего не бешеный. Все бы такие бешеные были.

Кончилось тем, что за порванную пятку Митька отдал половину улова и за молчание обещал еще рыбы.

То-то удивились в деревне, увидев их вместе.

Тайка вечно одинокой рыскала по лесам, на речку. А тут она мало что не одна, вдобавок в руках у нее прут с нацепленными на него сверкающими рыбинами.

У своего дома Митька напомнил:

— Так смотри, обещала молчать. А не то...

— Не учи, — оборвала Тайка и, пройдя несколько шагов, обернулась.

— А все равно безотцовщина. — Но сказала так, чтоб Митька не услышал.

Когда года два назад Митька спросил мать, почему его зовут «безотцовщина», мать ответила:

— Потому что у тебя отца нет, без отца растешь.
— А почему без отца?

Мать уселась за стол против Митьки и вместо ответа спросила:

— А тебе нравится отец Тайки Лысухи?

— Чего тут нравиться — пьяница, дерется. Чего это ты про него?

— Да я к тому, что не хотела, чтоб у моего сына был такой отец. А хорошего, как у Вовки или у Симаковых, не встретила. Так что ж, надо было, чтоб я совсем одишеченькая жила? А тебе хорошо было бы, если тебя не было бы?

Митька вытаращился на нее.

— Как это — меня бы не было?

— А вот так. Испугалась бы, что тебя станут безотцовщиной дразнить, не родила бы.

Больше Митька ничего не стал спрашивать. Он только еще крепче привязался к матери. Ведь и правда — он у нее один, и она у него одна. Временами, особенно по вечерам, когда делать было уже совсем нечего, на него все-таки нападала тоска: хорошо, наверное, иметь отца. В шахматы можно сгонять или о рыбалке поговорить, а то и просто дров пойти вдвоем наколоть. Матери-то небось тяжело: мужская работа. А у Митьки одного пока на это силенок не хватает.

Но в общем-то Митьке жилось и так неплохо.

Была у него одна мечта — накопить денег на телевизор.

Второй год подряд носил он в железнодорожный по-

селом молоко. Носил через день. И мать ему за это давала с выручки по десять копеек. Ни мало ни много, он уже накопил двадцать пять рублей. Но до телевизора было далеко.

Как-то, отнеся постоянным покупателям молоко, он забежал на вокзал купить в ларьке йоду. На перроне увидел Тайку. Она прогуливалась с миской в руках, а в миске, рассыпанная по кулечкам, краснела земляника.

— Чего тут делаешь? — спросил Митька.

— Не видишь, что ли? Сейчас поезд подойдет. Накинутся.

В самом деле, как только подошел поезд, из вагонов повыскакивали люди. Кто бросился к киоску за газетами, кто встал в очередь за пивом, а кое-кто подбежал к Тайке.

— Почему ягоды?

— Двадцать копеек, ягодка одна в одну. Сегодня собирала, — бойко ответила Тайка.

— Дороговато.

— Дорого — не берите.

Но ягоды быстро порасхватили, и Тайка победоносно взглянула на Митьку.

— Три рублика как нашла.

— А чего ж ты врешь, что сегодня собирала? Ты сегодня и в лесу-то не была.

— А я вчерашние под низ, а свеженьких — стаканчик купила — сверху присыпала. — Она явно хвасталась своим умением так ловко обманывать покупателей.

— Обдирала, — с отвращением сказал Митька. — По двадцать копеек.

— Ух ты, «обдирала»! Попробуй целый день покла-

няться за каждой ягодкой. Да еще смотри, чтоб не раздавить. Это тебе не с удочкой сидеть.

Нетрудный Тайкин заработок запомнился Митьке. Эх, если б он мог так, как Тайка,— телевизор за лето можно было бы купить.

Он долго терзался сомнениями и наконец решил. Он знал, где в лесу хорошо росла малина, и однажды, набрав полкошелки, отправился на станцию.

На счастье, никого из своих деревенских не было, только несколько поселковых девчонок прохаживались по перрону, кидая в кошелки и миски друг друга завистливые взгляды.

Митька стал в сторонке, но, когда поезд подошел, протиснулся поближе и услышал, как одна из девчонок тараторила: «Пятнадцать копеек, пятнадцать».

Пассажиры с московского поезда охотно раскупали ягоды, и Митька сам не заметил, как стал торговать, так же бойко отвечая: «Пятнадцать копеек, пятнадцать». Только когда одна женщина заметила: «А не дорого ли?» — Митька смутился:

— А почему надо?

— По десять хотя бы.

— Берите по десять, — согласился Митька. Но женщина сама отказалась.

— Да ладно, раз все берут по пятнадцать, чего ж я одна буду.

Дома он долго не знал, как подступиться к матери. То, что сказать надо, он понимал: мать все равно потом спросит, откуда деньги. Только как она к этому отнесется?

Но мать неожиданно согласилась:

— Ну что ж, пока в колхозе не работаешь, ничего страшного нет и так подработать. Только грабить людей не надо. По пятнадцать-то ведь дорого.

— Так все по пятнадцать продают.

— Продают... Не сажил, не растил, только собрал. А пока собирал, совесть потерял? Нет, так не годится. Совесть в любом деле при себе держать надо.

Теперь Митька часто бегал на станцию. И продавал он уже малину по десять копеек. Станционные ребята сначала косились на него, а потом тоже стали продавать по десять. Не хотелось, наверное, хуже деревенских-то быть.

Митька подсчитывал заработки и радовался, что скоро на смену малине поспеет черника.

Однажды в окне вагона одного из поездов он увидел девочку лет двенадцати. На платформе стоял ее отец. По сравнению с белолицей девочкой он был совсем коричневым, загорелым. Одет он был в морскую тужурку с золотыми звездочками на черных погонах. Пуговицы тоже были золотые. И золотые были нашивки на рукавах.

— Я говорила, надо самолетом лететь, — говорила девочка.

— Ты же знаешь, мама не любит самолетов.

— Лучше промучиться три часа, чем трое суток, — рассудительно заметила девочка.

— Я с тобой согласен, но, увы, решаем-то не мы.

Девочка говорила спокойно, неторопливо, как взрослая. И отец отвечал ей тоже спокойно, как взрослой. И вообще они были какие-то такие... какие — Митька и сам не знал, просто он смотрел на них, как смотрел в кино на чужую, порой непонятную ему жизнь.

Он рассмотрел на девочке и банты в косах — красные, в белый горошек — и платье — тоже красное в белый горошек. Увидел за окном на столе бутылки с лимонадом, книгу в пестрой обложке.

Он посмотрел на табличку, прочел: «Москва — Со-

чи», — и понял, что они едут к морю, никогда им не виданному Черному морю.

— Купи мне малины, — сказала девочка, взглянув на Митьку.

Отец подошел, взял у Митьки три кулечка, протянул ей в окно.

— Мальчик, ты здесь живешь, на станции? — спросила девочка.

— Не, я в деревне.

— Далеко?

— Три километра отсюда. Зеленый Шум.

— Это деревня так называется? Зеленый Шум? Какое красивое название.

— Зеленый шум, — сказал отец девочки. — Что-то знакомое. Где же это я слышал?..

— Это стихи, папа, «идет-гудет зеленый шум».

— Да нет, по-другому знакомо. От кого-то я слышал название этой деревни.

Но он не успел вспомнить. Поезд дернулся и поплыл. Моряк не спеша поднялся на подножку.

— До свидания! — крикнула девочка.

Митька кивнул ей головой.

Девочка махала ему рукой, но Митька стеснялся ответить ей тем же: кругом были ребята, засмеют.

Ему пришло в голову, что если он каждый день будет ходить сюда, то, когда девочка будет ехать обратно, он сможет опять встретить ее.

Но мать скоро запретила бегать на станцию.

— Огородом займись. Ягодами зимой сыт не будешь.

Пришлось окучивать картошку, поливать грядки, полоть. Работы хватало.

Митька тащил с речки воду, навстречу ему вышла Тайка.

— Ты что ж думаешь, один раз карасей подкинул и все? У меня небось пятка по сей день болит.

— А я не хожу на рыбалку.

— Больно мне твоя рыба нужна. Коту своему бешеному отдай, чтоб на людей не кидался.

Ее острые, как буравчики, глаза сверлили Митьку. Такой ничего не стоит наябедничать. А ее отец... он по пьянке в прошлом году собственную собаку убил за то, что ночью спать не давала — выла, а уж чужого кота за просто уничтожит.

— Ягод хочешь?

— На что мне твои ягоды. Ты... как сегодня вечером будете на лугу играть — меня в игру примите.

— Один я, что ли, играю? Другие с тобой не захотят.

— А ты скажи, что и ты тогда играть не будешь. А то смотри...

— Ладно, — хмуро пообещал Митька.

Вечером ребята собирались на лугу за деревней. Играли в салки, лапту, прятки. Но Тайка всегда была в стороне, в игру ее не принимали: она либо жульничала, либо грозилась пожаловаться, либо ехидно хихикала над чьим-нибудь промахом.

Обычно Митька, как и все, отгонял ее прочь, но сегодня ради Мурца он пошел на унижение. Когда за ним прибежал конопатый Петька, он сказал ему:

— Тайка Лысуха просилась в игру. Может, примем?

— Чего придумал. Пусть себе просится. Про сено за был?

Неделю назад ребята играли в прятки и разворошили всю копну. Хотели все поправить сами, пока из взрослых никто не видел, но Тайка успела сбегать за бригадиром, и всем крепко досталось. Бригадир грозил ош-

трафовать родителей, отсчитать трудовни. Потом все обошлось, но кому приятно, что тебя ругают всякими словами.

На лугу уже собрались мальчишки и девчонки. Здесь был и Вовка Мурманский, и Ваня, а из девчонок — Шура тетя Папина, Люда Дачница. В сторонке сидела, пле-ла венки Тайка.

— Давайте в горелки играть, — предложил кто-то. — Нас как раз нечет.

Тайка, как всегда, не считалась.

Митька покосился на нее и поймал напоминающий взгляд.

— Давайте лучше в лапту.

— Так нас же семеро.

— Можно ее принять на пробу, — кивнул он в Тайкину сторону.

— Да ты что? Не узнал ее, что ли?

— Защитник нашелся!

— Тебе что, неприятностей захотелось? — загомонили ребята.

— Он на солнышке перегрелся, — объявил Петька. — Или втюрился.

— Смотри, конопатый, сейчас получишь! — крикнул огнем вспыхнувший Митька.

— А ну, попробуй!

— И пробовать не буду. Сразу дам!

— Ну дай!

— И дам.

— Иди-иди, не бойся, дай!

— Да вы что, ребята, нашли из-за кого, — пробовал утихомирить их Вовка.

— А что он весь вечер про нее?

— Чего врешь?

— А из дому шли. И сейчас опять.

— Дурак глупый!

— А ты пойдй поцелуйся с Тайкой.

Митька подлетел и дал Петьке затрещину. Тот наклонился и головой так боднул Митьку в живот, что он упал.

Девчонки заорали, накинулись на них, стали растаскивать.

И вдруг Ваня Горошек закричал:

— А Тайка-то, смотрите!

Все сразу замолчали, повернулись к Тайке.

Тайка уже вскочила, готовая к бегству, но ребята все же успели услышать, как она хихикала своим противным скрипучим смешком.

— Эх вы, — презрительно сказала Люда. — Спектакль для нее устроили.

У Митьки от ненависти к этой проклятой Тайке, от стыда, от злости слезы навернулись на глаза. Чтоб никто их не увидел, он вырвался из круга ребят и побежал к деревне.

Он не сразу заметил, что за ним бежит Тайка, а когда увидел, подхватил подвернувшуюся на дороге палку.

— Попробуй подойди.

— А я не за тобой, больно ты мне нужен.

И однако шла за ним, бежала, когда он бежал, снова шла. Он грозил палкой, поджидал, чтобы подошла, но она не подходила и не уходила, а соблюдала приличную дистанцию, так и следовала за ним до самого его дома.

Мурец кинулся к Митьке, но он ногой отпихнул кота.

— Все из-за тебя, урод.

Но Мурец не обиделся, словно понимал хозяина, он легко прыгнул ему на плечи, стал лизать ухо. Тогда Митька стащил его на руки, уткнулся в теплый пушистый бок и заплакал.

Ребята накинулись на Петьку.

— За что наклепал на человека? Тебе бы так, понравилось?

— А правда, может, ему жалко Тайку стало. Она все одна да одна.

— Сами же не хотели ее принимать, — оправдывался Петька.

— Прочить бы ее надо! Всегда из-за нее что-нибудь...

— Какая теперь игра, пошли по домам.

— К Митьке бы зайти, а то нехорошо.

— «Зайти». Пускай в другой раз рук не распускает.

— А ты как баран головой в живот. Это честно?

— Кто как, а я домой, — сказал Вовка Мурманский.

— И я, — сказала Люда.

— И я, — поддержал Ваня.

Дальше всех жили Шура тетя Пашина и Вовка Мурманский. Когда они остались одни, Вовка сказал:

— А может, она больная, Тайка эта?

— Не больная, а просто вредная. Гуси и те бывают добрые, бывают злые. А люди и подавно всякие есть.

— Надо бы у бабки про нее спросить.

— Спроси. Только, я думаю, и она тут ничего не скажет.

II

Вовку в Зеленый Шум отец привез три года назад, вскоре после смерти матери. Вовке тогда было девять лет. Бабка сразу ему не понравилась. Женщины в родном Мурманске жалели его, приносили вкусные вещи. А когда отец уходил в море, брали к себе по очереди в семьи. Ему — стыдно сейчас сознаться — даже было приятно чувствовать себя каким-то особенным.

Если его кто обижал, обидчику живо попадало: «Не знаешь, бессовестный, что он сирота?» Учительница в школе часто водила его к себе домой, помогала по арифметике. И отметки ставила ему всегда хорошие. И никто за это его не называл «любимчиком».

А бабка в первый же день, как отец уехал, а Вовка всадил себе гвоздь в ногу прямо через подошву, строго сказала:

— Чего развизжался? Эка невидаль, — дернула и вместе с сандалием вытащила гвоздь.

Потом она вылила ему в рану йоду и, пока Вовка орал, крепко держала за ногу и даже не дула на рану, как это делала мама. И тут же послала его за два километра в сельпо за хлебом.

В сельпо было полно народу. Вовка долго томился в духоте. Болела нога.

Дома он швырнул хлеб на стол:

— Нате ваш хлеб.

— Ты чего это, ты как разговариваешь? — цыкнула на него бабка. И вечером, когда он полез на полку за хлебом, она сурово отодвинула его.

— Научись с хлебом обращаться, потом ешь.

Вовка лег голодный. Простоквашу без хлеба он есть отказался, а бабка уговаривать и не подумала.

Она заставляла Вовку таскать воду, полоть в огороде, подметать в избе, стелить постели.

— Напишите папе, чтоб приехал за мной, — потребовал как-то он.

— Обойдется, — откликнулась бабка.

— Я ему потом все скажу. Что я... батрак у вас, да? У меня каникулы, отдыхать надо, я целый день работаю.

— Устал, поди-ка, от учебы, отдыхать ему надо. Другие работают и ты не младенец.

— «Не младенец». Мне девять лет всего.

— Вот я и говорю, парню девять лет уже. Я в твои годы стога вершила.

— Так то в ваше время.

— Распустил язык. Возьму хворостину, живо-два научишься бабку слушаться.

Вовка чуть не ревел от досады. И все-таки он решил добиться своего, сделать так, чтоб бабка сама захотела от него избавиться. Он взял новое ведро и пробил его в двух местах гвоздем насквозь.

Бабка больно отшлепала его, потом притащила откуда-то паяльник и заставила сначала прочистить песком на речке ведро, а потом и запаять. Он починил заодно старую бабкину кастрюлю, поржавевший эмалированный ковш. Но затею свою он все-таки не оставил. Он впустил козу в огород.

Бабка и на этот раз оттащила его за волосы, а на месте обгрызанной капусты заставила посеять редис.

— И ничего тебе, голубчик, не поможет. И жить со мной будешь, и слушаться будешь, а там гляди еще и полюбишь свою бабку.

Вовка только фыркнул.

Своему другу Митьке он пожаловался на бабку.

— Ха, — сказал Митька, — погоди что еще будет. Бабка-то твоя колдовка.

— Как — колдовка? — опешил Вовка.

— Самая обыкновенная. Она что хошь может сделать. Вмиг узнает, что ты думаешь. Шурка тетя Пашина рассказывала: идет раз мимо ихнего дома, поглядела на мать и говорит: «Кондрат-то — это отец Шурки — домой едет, с деньгами, с подарками, а ты, гляди-ко, плохое на него в мыслях держишь». И что ты думаешь — на другой день письмо пришло, а там он и сам приехал. А кузнеца

нашего кто вылечил от головы? Ездил-ездил человек по врачам, по докторам всяким с головой своей, да и отступился. А она враз вылечила. Пошптала-пошптала что-то, голову погладила — как рукой сняло.

— А что она еще может? — с замиранием сердца спросил Вовка. — Вот если... невзлюбит кого.

— Не знаю, — сплунул Митька. — Наверное, все может. Только побойтся, не те времена. Да, может, она и не вредная колдовка.

Вовке не стало легче от такого утешения. Шутка, что ли, жить вместе с колдуньей? Попробуй не угоди, так заколдует, ввек не расколдуешься.

— Сказки все это, — слегка дрожащим голосом сказал он. — Какие теперь колдуньи. Да и не было их никогда. Это все от безграмотности придумывали.

Митька пожал плечами: «Кто его знает, может, и так. Тебе-то виднее».

И хотя Вовка пытался успокоить себя: разве у отца может быть мать колдунья, — на всякий случай он решил быть с бабушкой поосторожнее. Мало ли что, всякое на свете бывает.

Перед сном он, притихший, пил молоко, робко поглядывая на бабуку. Бабка глянула раз, другой.

— Ты что такой смирный?

— Я ничего... Можно я к Митьке ночевать пойду?

— Еще чего удумал, места тебе мало?

— Да я так, вдвоем-то веселее.

— Какое ночью веселье. И нечего мне голову дурить. Вижу, почему так сразу удумал ночевать идти. Городской парень, а в глупости всякие веришь. — Бабка с сердцем хлопнула заслонкой в печи.

Теперь Вовка и сам увидел, что бабушка и впрямь в мыслях читает. Только почему же она сказала глупости, если и вправду сразу узнала, что Вовка думал. Он ре-

шил: раз бабка обозлилась, то лучше не спать, караулить, чтоб она чего с ним ночью не сделала.

Часа два лежал он, слушал густой сочный храп бабки на печи и незаметно уснул.

В следующие дни бабка по-прежнему обращалась с ним сурово, но ничего плохого не делала. И Вовка перестал остерегаться ее. По вечерам бабка долго звала его, когда он с ребятами играл в прятки, футбол.

Он научился огрызаться, когда она точила его за порванные штаны, утерянную панаму. Но днем делал всю работу, которую бабка велела, потому что иначе она не давала ему есть.

— Обойдется, не заработал,— говорила она, если он «забывал» принести воды, натаскать сучьев для печки.

Вовка никак не мог понять, как относится к нему бабка: ни разу она не пыталась приласкать его, ни разу не поцеловала.

Он теперь бегал босиком, как все ребята, ноги были в цыпках. Время от времени бабка на ночь смазывала их ему сметаной. Ноги моментально краснели, в трещинах выступала кровь. Боль была жгучей и невыносимой. Вовка прыгал то на одной ноге, то на другой, орал... А бабка смотрела на него и смеялась. Если он орал, по ее мнению, слишком громко, она сердилась, приказывала молчать.

— Нашел чего надрываться.

— Вам бы так,— заметил как-то сквозь слезы Вовка.

— Мне? — удивилась бабка.

Она подошла к печи, голыми руками достала из загниетки раскаленный уголек и положила на внутреннюю сторону кисти. Вовка, ничего не понимая, таращился на бабушку. Но когда в избе противно запахло горелым мясом, он кинулся к ней, сшиб уголек с руки.

— Зачем вы? Больно ведь. — Он увидел обугленную ранку. Вокруг нее покраснело, вздулось.

— Чтоб ты не орал по пустякам, — спокойно заметила бабка. — Человек ты, а не глупая скотина: коль надо терпеть — терпи. — И впервые ласково тронула за чуб. — А за меня не бойся, я всякого натерпелась, и будет тебе выкатать на меня, не чужой чай.

После этого случая Вовка совсем перестал бояться бабку. Уважение, смешанное с теплым чувством родственной близости, заставило его по-новому взглянуть на нее. Он увидел наконец, какие загрубевшие от многолетней работы руки у бабки, заметил грустные морщинки у рта, какие у нее бывают не только строгие, а и озорные порой глаза. Он стал видеть, как много бабка трудится: и в колхозе поспевает, и по дому, и в огороде. Заметил даже то, что бабка ходит чище и опрятнее других старух.

— Сколько тебе лет? — спросил он однажды.

— Да уж седьмой десяток на размен пошел.

— Это сколько же? — не понял Вовка.

— Шестьдесят один на днях стукнул.

— Когда на днях, чего ж ты не говорила?

— А зачем?

— Ну... подарок бы принес.

Бабка невесело усмехнулась.

— Чему радоваться-то.

Совсем незаметно они подружились. Вовке даже нравилось, что бабка не церемонится с ним, как с маленьким, разговаривает на равных. И он с ней мог поделиться своими сомнениями, огорчениями.

Летом они несколько раз ходили за ягодами, за травами. Бабка показывала ему целебные травы, учила.

— Смотри, подорожник. Вот как нарвет где, эти листочки на рану приложи — за ночь все вытянет. Он хо-

лодный, и боль успкаивает и грязь высасывает. Полезный листок.

В лесу она была как у себя в огороде: каждая травинка, каждое дерево были ей знакомы.

То выкопает какой-то корешок — калган, говорит, от живота, то объяснит, что девясил потому и называется девясилом, что он от девяти болезней силу имеет.

Из большой муравьиной кучи вытащила бутылку, наполненную муравьями.

— Зачем? — спросил Вовка.

— От ревматизма. Видишь сколько за два дня набегало: я им туда сахарку подсыпала.

— И все-то ты знаешь.

— Никто всего не знает, — весело откликнулась бабка. — А я-то уж и вовсе на грядке выросла, откуда мне что знать.

Она стала рвать и складывать в мешочек ромашку без венчиков, что росла вдоль дороги.

— А это для чего?

— Для запаха. Ее всякая нечисть в доме боится — клопы, тараканы.

Вовка вспомнил:

— Баб, а как ты кузнеца вылечила?

— Какого кузнеца?

— Да вашего. Он все головой мучился, по врачам ездил, а потом ты вылечила.

— О господи, я уж и забыла. Надо ж как помнят люди. — И по голосу ее чувствовалось, что она этим довольна. — Да как вылечила... Сам видишь, что с травами я знакома. Мать моя знахарка была, вот и выучила меня. А кто верит, того и совсем легко лечить.

— А он врачам не верил, что ли?

— Тут другое. Врачи лекарствами лечили, ну а коли лекарства не помогли, я и смекнула: надо верой ле-

чить. Травки хорошей на воде настояла: «Пей, — говорю, — через три дня все пройдет». Ну, а как колдовке не поверить, — усмехнулась бабка, — поверил. А раз поверил, так и прошло.

Вовка засмеялся.

— А как ты узнала, что тетя Паша про мужа думала? Узнала, что он с подарками придет?

— Ну это уж совсем пустяк. Смотри глазами, примечай, сам все знать будешь. Иду я это, смотрю, она белье на плетень навешивает, а взяла мужнюю рубашку и призадумалась. Лицо темнеть стало. Понятно чего: муж-то ее красавец, не то, что она. А я-то его сызмальства знаю, на плохое не пойдет. Ну и сказала: «Муж-то, поди, домой едет, а ты невесть чего про него в мыслях держишь». Глядь, а он и в самом деле приехал.

За эти годы Вовка совсем деревенским стал, и силы прибавилось, и никакая хворь его не берет. Отец, когда приезжает, не нарадуется.

— А я, мать, боялся, что сын у меня кисляем будет. Спасибо тебе, направила хлопца.

— Да уж, спуску ему не давала.

И бабка с гордостью смотрела на Вовку.

Вовка степенно помалкивал.

Отец у Вовки был рыбак. Настоящий, не то что те, которые с удочками. Он работал на рыболовном траулере в Мурманске. Работа нелегкая. Вовка это знал. И отец подолгу не бывал на суше, подолгу не виделся с Вовкой.

Пока мать была жива, жили, как и другие семьи рыбаков, ожиданием встречи. Но когда мать умерла, отец отвез его сюда и сам приезжал только в отпуск. Он приезжал уже два раза и этим летом тоже должен был

приехать. Но телеграммы от него все не было и не было. Обещал приехать в июне, а уже пошла вторая половина июля.

— Ты чего это сегодня до звезд прибежал? — удивилась бабка. — Не заболел часом?

— Не-е... Из-за Тайки все переругались.

— Эвона. Чего бы это?

Вовка рассказал, как все было.

— Кто ее знает, отчего она такая, — выслушав его, сказала бабка, — может, и в самом деле нервная — отец у нее... сам знаешь. А может, в деда пошла. Ох и колкий мужичишка был, царствие ему небесное.

— А что нам с ней делать?

— Меня чего спрашивать? Сами и разберитесь. Даром, что ли, шесть зим в школу бегали?

Вовка решил завтра же поговорить с Митькой. Он не мог понять, почему тому приспичило заступаться за Тайку, втягивать ее в игру. Совсем недавно он первым врагом ее был. Тут что-то есть. Только что — надо узнать.

С этим он и уснул.

III

Утром, полив грядки, он побежал к Митьке. Но тетка Наталья — мать его — сказала, что он ушел на рыбалку. Она всегда приветливо встречала ребят и тут тоже угостила Вовку пирожком с морковкой, спросила:

— Батяня пишет?

— Ничего нет. Обещал приехать, а сам все не едет.

Он охотно разговаривал с ней: тетка Наталья нравилась ему не только потому, что никогда не ругалась

на ребят, охотно пускала в избу. Она расспрашивала про жизнь, про отметки, и видно было, что это ей интересно. А еще она правилась и потому, что, по Вовкиному разумению, она была красивой женщиной. Хотя по сыну вроде немолодая, а как пойдет в кино, в клуб, не отличишь от девчат, такая же стройная, легкая. И глаза у нее, как и у Митьки, удивляющие всех — светлые-пре-светлые, а от густой каемочки черных ресниц словно даже и совсем прозрачные.

— С бабушкой-то как, не ссоритесь?

— Всяко бывает, — улыбнулся Вовка.

— Она у тебя хорошая, ты ее не обижай, — тоже улыбнулась Наталья. — А ты, часом, не знаешь, Митька чего со вчерашнего пасмурный такой?

— Не знаю, сам спросить хотел. Вчера из-за Тайки ему попало. Так вы говорите — он на Вороне?

— Там. Сбегай к нему, если хочешь. Пирожков снеси, пока теплые. А мне пора.

Она повязала платок, сразу сделавший ее старше, и вместе вышли.

Вовка знал, где искать друга, и не ошибся. Митька сидел, пригнувшись над удочкой, и вид у него был нахоленный. Рядом сидел и тоже глядел в воду, следил за удочкой Мурец. Оба они враз оглянулись на подошедшего Вовку.

— Ну, чего тебе? — неприветливо спросил Митька.

— Нельзя, что ли? Вот мать пирожков прислала.

Он сел рядом, поинтересовался, как клюет. Заводить разговор про вчерашнее пока не стал, сказал:

— Вот у нас на севере в озерах гольцы водятся, форель, слышал?

— Слышал.

— Самая лучшая рыба. Раньше ее царской называли.

— Почему царской? — удивился Митька.

— Наверное, ее только цари ели.

— Ух ты. А чего, интересно, они еще ели, цари те?

— Не знаю. Где-то я читал — языки какие-то птичьи ели.

— Ха! Языки. А молока птичьего не пили? А вот, как думаешь, хлеб, сало, лук они ели?

— Кто его знает. Может, для интересу пробовали.

— Я бы помер без хлеба.

Незаметно разговор перешел на север, на моряков.

— Вырасту, как отец, — морячить буду. Приедешь тогда ко мне?

— Чего делать-то? — небрежно, но с завистью в душе спросил Митька.

— Чего? Вместе плавать будем. Рыбодобытчиками станем. Треску, окуня, селедку в море добывать будем. Знаешь, ее сколько ловят? Тоннами. Закинут трал в море — сеть такую громаднейшую и тащат потом. А на больших траулерах ее и разделявают, и солят, и консервы варят. Фабрика настоящая.

— Прямо в море?

— Ага. Ведь до берега она стухнет. Они знаешь по сколько в море — по четыре, по пять месяцев. Далеко ходят.

— Здорово! — уважительно заметил Митька.

— У нас рыбаков очень уважают. Тяжелая работа. Песен знаешь сколько про них сложено! Передачи по радио для них специальные. Голоса родных передают.

— Как голоса передают? — не понял Митька.

— А так. Приходит на радио мать или жена чья-нибудь и разговаривают: «Дорогой Вася, когда ты приедешь?» Или дитенок какой пищит: «Папочка, здравств-

вуй. Я тебе сейчас прочту стишок». Я и то, когда маленький был, один раз с отцом разговаривал:

— Ну да?

— Честное слово. Я тогда первый раз в школу пошел. Рассказывал. Мне мама подсказывает, а я повторяю.

Митьке стало грустно, что у него никогда ничего такого не было. У Вовки жизнь была как в книгах пишут. А у него все просто, обыкновенно. Как несправедливо все на свете. Вспомнилась ему черноглазая девочка из поезда. Живут же люди!

Он с досадой дернул удочку и вытащил пустой крючок.

— Пока мы тары-бары, рыба и сожрала приманку.

— Ну, подумаешь, одна рыбешка.

Но Митька обозлился.

— Тут тебе тоннами не таскают. Для меня моя рыбина может дороже всех твоих...

Вовка понимал, что если сейчас, обидевшись, ответит резко, то ссора неизбежна. Он промолчал.

И вдруг Мурец упал в воду. То ли он увидел рыбу, то ли просто зазевался. Но он с сильным всплеском шмякнулся и отчаянно забарахтался в воде.

— Утонет! — крикнул Вовка.

Митька протянул руку. Но кот сам выплыл на берег. Мокрый, жалкий, с длинным тонким хвостом, он был похож на огромную крысу.

— Ну и чудище, — сказал Митька и засмеялся. А Мурец стал встряхиваться, обрызгивая ребят холодными противными каплями.

— Давай искупаемся, — предложил Вовка.

— Давай. Раков половим.

Дружная охота за раками, неожиданные находки развеселили ребят. Они хохотали, когда Вовка вытащил

невесть откуда здесь взявшийся старый, прогневивший лапоть.

— Это, наверно, рачье гнездо, — догадался Митька.

— А может, карета, в гости ездить.

— Скажешь!

— А что! Одни впрягутся, а другие едут.

— Царица едет, да?

— Может, и царица. Мы же не знаем, как они живут. У пчел ведь есть царица, матка.

— Интересно бы все узнать про них. И вообще про все на свете. Правда?

— Да-а.

Когда они лежа обсыхали на берегу, мирные, немножко уставшие, Вовка все-таки спросил:

— Чего это к тебе Тайка привязалась?

— А что? — сразу насторожился Митька.

— Да я же знаю, что она тебе как смерть нужна, а ты защищать ее стал. Не иначе чего-то вышло у вас.

— Вышло, — неохотно согласился Митька. И рассказал все как было.

— Дела-а. Если она нажалуется, плохо Мурцу придется. Ее отец как пить дать кота изничтожит.

— Чего теперь делать? Ведь она сама не отвяжется.

— Не отвяжется, — согласился Вовка.

Они призадумались.

— А что, если припугнуть ее? Набить? — предложил Митька.

— Девчонку-то?

— А что ж, что девчонку? Это ж змей, а не девчонка.

— А и правда. Давай поймаем, спросим: если молчать не согласится — набьем и еще пообещаем.

— Такой кот! А она ишь чего надумала. Найди такого кота попробуй.

А Мурец словно понимал, о чем разговор, внимательно смотрел на них, слушал.

Тайку они увидели, когда возвращались вдоль речки домой. Она, ни о чем не подозревая, полоскала белье и даже что-то напевала своим скрипучим голосом. Подол платья она засунула в трусы, и видны были ноги, длинные, худые, как у цапли.

— Давай?

— Давай. — Переглянулись ребята.

— Иди-ка сюда, — позвал Вовка.

— Зачем это? — недоверчиво спросила она.

— Выйдешь, поговорим.

Она посмотрела на него, на Митьку.

— Некогда мне.

— Успеешь. А то смотри, мы сами к тебе в воду пойдем, хуже будет.

— А я кричать буду.

Ее птичьи круглые глаза смотрели без страха, скорее даже с вызовом.

— Не услышат, — пообещал Митька.

— Это меня-то?

И завизжала так пронзительно, так громко, что галки сорвались с деревьев и с шумом полетели прочь от опасного места, а Мурец трусливо поджал хвост и скачками понесся наутек.

Ребята зажали уши.

— Это еще что, — перестав визжать, сказала Тайка. — Я еще громче могу. В городе услышат.

— Пока к тебе прибегут, мы тебя отлупим как следует.

— А чего я вам сделала?

— Не знаешь? — Вовка шагнул в воду.

— Это вы из-за Мурца? — сразу догадалась Тайка. — Так я ж никому-никому не скажу. Столько молчала, неужто теперь буду. И пятка давно зажила.

Она вытащила из воды ногу, показала пятку.

— Видите?

— А чего Митьке все время грозишься?

— Я не грожусь.

— А приставать к нему будешь?

— Больно надо.

— Дай честное пионерское, — потребовал Вовка.

— Чего привязались? — И вдруг обрадованно закричала: — Теть Паша!

Мальчики увидели мать Шуры. Она тоже шла сюда, к реке, несла на коромысле мокрое белье.

— Теть Паша, они меня бить хотят! — закричала ей Тайка.

— Стало быть, заслужила, — спокойно ответила тетя Паша и прошагала дальше.

— Что, — съехидничал Митька. — Вот сейчас будет тебе, чтоб не ябедничала.

И он стал закатывать брюки.

Тайка принялась руками и ногами брызгать на них водой. Это словно подхлестнуло ребят, и они бросились к ней. И хоть она отбивалась как могла — брыкалась, кусалась, плевалась, но они все-таки словчились ухватить ее и посадили так, что вода ей стала по горлышко.

— Ну, будешь, будешь?

— Не буду, — заревела Тайка. — Никого мне вас не нужно. Сама проживу-у-у.

Ребята отпустили ее. Молча вышли на берег, молча подобрали удочки, рыбу и пошли. Друг на друга старались не смотреть.

Первый заговорил Митька.

— Так и надо ей! Может быть, научится уму-разуму.

- Нехорошо только, что мы вдвоем...
- Разве один с ней справится?
- Один не справится. Но все равно...
- А зато лезть не будет. И чего ты теперь... Сам говорил — проучить.
- Да я не так думал.
- Не били же, обмакнули только.
- Все равно, — упрямылся Вовка.

IV

Отец приехал неожиданно, когда Вовка уже спал.

Не проснулся он ни от громкого на радостях разговора, ни от ярко горевшей под потолком лампы. Даже когда бабка, суетясь, грохнула с лавки пустое ведро и звон пошел по всей избе, он только сладко чмокнул во сне и перевернулся на другой бок.

Зато утром, хорошо выспавшись за ночь, он проснулся раньше всех.

Проснулся и сразу почувствовал: что-то произошло. Он окинул глазами комнату и замер: на полу у стены стоял чемодан.

Вовка вскочил, выбежал на двор, полез на сеновал. Отец, как всегда в отпуске, спал здесь. Раньше бы Вовка сразу бросился целоваться, тормошить отца, теперь же он знал, как важно выспаться человеку, да и не маленький — нежничать.

Он сидел и глядел на отца, с нетерпением ждал, когда отец сам проснется.

И может быть, от пристального Вовкиного взгляда или оттого, что сквозь щели крышки упали на него лучи солнца, отец, как будто он и не спал вовсе, а просто лежал задумавшись, открыл глаза.

— Здорово, сынок.

— Здравствуй. Ты чего это так долго не ехал?

— Так вышло. План выполняли.

— Ну и выполнили?

— Выполнили. Иди поцелуемся.

Вовка стеснительно поцеловался с отцом.

— Может, с утра пораньше махнем на речку? — предложил отец.

— Махнем. С удочками?

— Да нет, дай отдохнуть от рыбы. Вот искупаться — хорошо. Сам знаешь, у нас некупаешься.

Да, с Баренцевым морем шутки плохи. Если, по несчастью, свалился кто за борт — больше десяти минут не выдерживает: судороги — и ко дну. И никакой Гольфстрим не помогает.

Не заходя в дом, пошли на речку. Еще было прохладно, и потому долго задерживаться в воде не стали.

На обратном пути встретили колхозников. Отец со всеми здоровался, разговаривал, а кое-кого пригласил к себе вечером домой. Позвал он и тетку Наталью, Митькину мать.

Вовке нравилось, как уважительно разговаривают с его отцом. И хотя единственное, что огорчало Вовку — небольшой рост отца, в общем он своим отцом был доволен. Никогда тот без дела не ругал его, не видел его Вовка и пьяным вроде Петькиного или Тайкиного отцов. Да и то, что он был моряком, немалая причина была им гордиться.

После дождя в лесу полезли грибы. Их было так много, что даже весь склон, который вел к лесу, был весь усеян ими. Их топтали коровы, скашивали вместе с травой. Колхозницы, возвращаясь с работы, носили их полными фартуками.

Вооружившись ножами и плетеными корзинками, Вовка с отцом отправились в лес.

По дороге прихватили Митьку. Потом отец позвал еще и Тайку Лысуху, которая обирала смородину в своем огороде.

— Да ну ее, пап, не надо, — сказал Вовка.

Но Тайка живо откликнулась:

— Сейчас, сейчас. Идите, я вас догоню.

И скоро догнала с Юрочкой и большой корзиной в руках. Юрочку навязала мать, и Тайка, злясь на него за это, то и дело подталкивала его в шею.

— Ну чего раззявился? Иди, как люди ходят.

А Юрочке, как нарочно, все было нужно, все было интересно. И какой-нибудь жук с зеленым металлическим отливом, и корешок, изогнутый пистолетом, и серебряный крестик самолета в небе.

Из-за него приходилось отставать, тащиться позади всех.

В лесу быстро разбрелись по сторонам, только изредка перекликались, чтоб не растеряться. Но как ни караулила Тайка братишку, все-таки он где-то да отстал.

Тайка изодрала себе горло, пока кричала его, а когда нашла ничего не слышащего, увлеченного дятлом, сорвала крапиву, чтобы хорошенько отстегать неслуха, но тут появился дядя Никифор, Вовкин отец.

— Не тронь, малый еще.

— Житья мне от него, постылого, нету, только и гляди за ним. Думаете не надоело?

— Ну хочешь, я за ним глядеть буду?

— Кому охота с таким глупым связываться, — проворчала не поверившая Тайка, — за ним глаз да глаз нужен.

— Не беспокойся, мы с ним вместе будем. Вон тут

сколько интересного, — повел он кругом головой. — А грибы успеются, наберем. Правда, Юра?

— Правда, — кивнул мальчик.

Тайка, довольная, что избавилась от мороки, убежала.

А когда собрались все вместе, чтоб идти домой, дядя Никифор еще и похвалил ее:

— Вон каких маленьких да крепких набрала. Да и корзина больше всех. Давай понесу, тяжело небось.

Тайка стеснялась, не отдавала корзину, но дядя Никифор отобрал, понес две — свою и ее.

— А ты у Юры возьми.

— Я сам, — не захотел тот.

— Сам так сам. Правильно, по-мужски, — похвалил дядя Никифор.

Вовке не нравилась отцовская забота о Тайке, а Митька и совсем скис: он был уверен, что набрал грибов лучше всех и больше всех, а нахвалили Тайку. Ишь как радовалась!

И никто из них не заметил — ни Вовка, ни Митька, — что, когда дядя Никифор поскользнулся у ручья и, чтоб не упасть, смешно замахал руками, Тайка не засмеялась, а, наоборот, кинулась, чтоб помочь ему.

Дядя Никифор любил петь. Он то и дело командовал:

— Запевай!

И сам запевал какую-нибудь песню. Ребята петь стеснялись, и только Юрочка подхватывал своим тоненьким слабым голоском. Он знал много песен, которые передавали по радио. Одну песню подхватила и Тайка. Но только потому, что дядя Никифор и Юрочка неправильно запели ее.

— А как правильно? — спросил дядя Никифор.

Тайка негромко запела.

— Верно, молодец.

И Тайка повела песню, чтоб они не сбивались.

Митька с Вовкой, хмурые, топали сзади. Они натужно пытались завести какой-нибудь разговор, чтоб не думали, что им плохо. Но разговор, как нарочно, не клеился.

Дома Вовка сказал отцу, что Тайка вредный человек, что с ней никто не дружит и что он не понимает, чего отец нашел в ней.

Отец внимательно посмотрел на него.

— Человек как человек, никакой вредности в ней не заметил. А вот в тебе, по-моему, малость есть.

Вовка обиделся и не стал больше разговаривать.

А Тайка, словно ей здесь медом намазали, то и дело теперь прибегала к ним. И каждый раз у нее была какая-нибудь забота.

— Бабань, мамка наказала спросить, вам куда завтра велел бригадир?

— Дядя Никифор, я завтра на станцию бегу, вам папиросок не надо?

И не сразу уходила, все чего-то выжидала.

А потом и вовсе осмелела, приходила, спрашивала:

— Дядя Никифор, вы сегодня песни играть не будете?

Отец иногда вечерами вытаскивал старую дедову гармонь, наигрывал, сидя на крыльце. Тайка стояла в створке, слушала.

— Садись, — приглашал отец.

И Тайка скромненько садилась на краешек ступеньки, рядом с отцом. Вовка в таких случаях демонстративно уходил в избу или шел к ребятам. Он никак не мог понять, чем приворожила отца Тайка. Вдвоем с Митькой они пытались честно разобраться в этом: искали хоро-

шее в этой ехидне. Поет, что ли, хорошо? Да нет, голос противный, скрипучий. Смирная? Так неужели отец не видит, что она только перед ним такая?

В общем, сумела Тайка непонятным образом влезть в душу к человеку. Хитрая проныра. Как бы от нее беды отцу не было. Ребята отпугивали Тайку, дразнили ее, пробовали не пускать к дяде Никифору. Но Тайка плевала на них, ни стыда, ни совести, и продолжала свое — таскалась за дядей Никифором и в лес, и на рыбалку, да еще не одна — со своим Юрочкой, хотя дяде Никифору и приходилось с ним возиться.

А сам дядя Никифор только сердился на них, когда они говорили про то, какая Тайка есть на самом деле. Не верил ничему, их же еще и стыдил.

— Человек как человек, не хуже вас, а может, в чем и лучше.

И тогда Митька предложил:

— Давай разоблачим ее.

— А как? — уныло поинтересовался Вовка.

— Придумаем что-нибудь. На то и голова на плечах, чтоб придумать.

И в один из вечеров «песни и пляски», как прозвал Вовка Тайкины с отцом посиделки, они явились во двор таким образом: Митька деликатно поддерживал Вовку, а тот громко охал, хромал, и вид у него был самый несчастный.

По всем правилам Тайка должна была обрадоваться этому. И тогда бы отец сразу увидел, какой вредный человек есть на самом деле эта Тайка. А она и вправду вскочила, подбежала к ним, быстро оглядела Вовку за блестящими глазами.

— Ногу, что ли, сломал? Где тебя угораздило?

Отец заспешил к ним. Вышла из коровника и бабушка.

Вовку бережно усадили на ступеньку. Бабушка одернула рукава, сняла фартук.

— А ну, дай погляжу. Я в молодости хорошей костоправкой была.

Вовка почувал неладное, когда бабушкины руки стали оглаживать его ногу.

— Здесь болит? Или здесь? Говори, не бойся, не укушу.

— Да вроде бы... и не очень болит.

— Как не болит? — заспешил Митька. — Еще как болит, не слушайте вы его. Прыгнул с сараюшки и — раз — вывихнул, поди, ногу-то.

Сказал и зорко посмотрел на Тайку. А та юлой крутилась вокруг Вовки.

— Больно?

— А тебе-то что? Смотри, папа, какая она: человеку плохо, а ей удовольствие.

Тайка поджала губы, сказала:

— Мне, может, еще больнее было, когда вы меня в речке топить хотели.

— Хватит, — прервала их бабушка. — Скажешь наконец, где болит? Или соврал?

— Конечно, соврал, сам уже и охать забыл, — сунулась опять Тайка.

Отец строго посмотрел на нее.

— Что это с тобой, Тая? Зачем он будет врать, какая в этом корысть?

Вовка с Митькой быстро переглянулись.

— Вот видишь, папа... — начал было Вовка, но бабушка опередила его:

— Стало быть, есть корысть. Ору было, словно все руки-ноги переломал, а у самого, поди, ни одна жилочка с места не стронулась.

— Что я говорила? — подхватила Тайка.

Митька на всякий случай отодвинулся подальше.

Отец нахмурил свои светлые пушистые брови. Вовка молчал.

Отец подождал, потом крепко шлепнул его по затылку:

— Ну?!

Вовка едва сдержал слезы обиды.

— Это мы... пошутить хотели...

— Шутники! — презрительно сказал отец и ушел в избу. Тайка как ни в чем не бывало, похлестывая себя хворостинкой по ногам, направилась к калитке. Вид у нее был независимый и вполне довольный.

— Ничего, — шепотом стал утешать друга Митька. — Мы что-нибудь другое придумаем. А эту смолу все равно отдерем. Прилипла тут...

— Отдерем, как же, — невесело сказал Вовка. — Прежде чем мы ее отдерем, отец меня и в самом деле драть начнет. Видал, как он?

Отец после этого случая долго сердился на него. А Тайка продолжала ходить к ним как ни в чем не бывало. Вовка не знал, как отвадить ее. То он думал насыпать ей за ворот горсть муравьев, то подстелить крапивы, когда она будет садиться. Но мечты оставались мечтами: он знал, что отец не простит ему этого.

— Баушк, — пожаловался он как-то... — чего отец так за Тайку? Кто ему родной — она или я?

Бабушка на его слова непонятно усмехнулась.

— Могла и она родной быть.

Вовка захлопал глазами:

— Как это могла родной быть?

— А так вот.

Но сколько Вовка ни допытывался, объяснять не ста-

ла. Они с Митькой чуть не сломали себе головы, пытаюсь понять эти ее слова, но так ни до чего и не додумались.

В один из дней за обедом отец объявил:

— Хватит, наотдыхался. Завтра на работу выхожу. Договорился уже.

— И то верно,— подхватила бабка,— что за отдых — бездельно болтаться.

Работу себе отец выбрал в ремонтных мастерских и ходил теперь в спецовке — незнакомый и капельку чужой. И вечерами он уже сидел не с ребятами, теперь его компанией были взрослые. Сидели, постепенно покуривали, отец рассказывал про север, про море. Колхозники — о своих делах и заботах. Вспоминали и старые годы, когда отец жил еще здесь.

— Возвращался бы к нам. Хватит тебе по морям. Наплавался уж, поди, вволю,— сказал как-то отцу бригадир.

— Я уж подумывал, да море — оно крепко держит.

— Вот-вот,— подхватил бригадир,— тебя море держит, других завод, третьих наука. Одна земля-матушка только никого удержать не может.

— Не шуми,— сказал отец. — Кончится контракт — подумаю.

Вовка слышал этот разговор и, когда легли с отцом на сеновале спать, сказал:

— Конечно, папа, какой из тебя колхозник. Ты моряк. Они и моря-то никогда не видели, думают, рыбу добывать — все равно что здесь с удочкой сидеть. Ты не слушай никого, пап... ничего они не понимают.

Отец помолчал немного.

— Главное — человеком быть, неважно, колхозник ты или моряк. Вырастешь — поймешь это. А пока спи.

— Но ты же не останешься здесь? — тревожно и настойчиво спросил Вовка.

— Сейчас и не могу: контракт.

Контракт у отца кончился через год. Вовка это знал и успокоился: за год много воды утечет, многое изменится.

Иногда отец, тщательно вымывшись после работы, надевал свежеглаженую рубашку, звал Вовку.

— В кино пойдем, на станцию. Беги, зови дружка своего.

Вовка бежал к Митьке. А тот уже сидел прилизанный, в ботинках, ждал собиравшуюся мать.

— И вы в кино? — удивлялся он. — Вот здорово! Мы с мамкой тоже собрались.

Почему-то каждый раз совпадало так, что, когда Вовка с отцом думали идти в кино, и Митька с матерью шли туда же. Как по уговору. Вовка радовался этому не только из-за Митьки, ему нравилось, что с ними шла тетя Наталья.

С ней было весело: по дороге в кино и обратно она любила пошутить, умела ловко и неожиданно остановить их с Митькой, если спор их после фильма того и гляди готов был перейти в ссору.

— Кто знает, что такое ВМД?

Ребята не сразу догадывались, что это шутка, пытались подсказать ей:

— Военно-морское дело?

— Нет, не то.

— Весенне-майское...

— Мери... Мелиративное...

- Не то, не то. Это значит — Вовка, Митька...
- Дурни? — подхватывали ребята. — Друзья?
- Долгоносые.
- Почему долгоносые?
- А вот потому, догадайтесь.

Ребята, забыв про спор, щупали носы, разглядывали друг друга и никак не могли понять, почему они долгоносые, когда носы у них были обыкновенные, даже скорее курносые. А тетя Наташа уже разговаривала с дядей Никифором о чем-то своем, взрослом, и оба шагали в ногу, оба были одного роста, и оба одинаково улыбались, когда смотрели друг на друга.

— А правда, папа, тетя Наталья красивая? — немножко стесняясь, сказал однажды Вовка.

— Правда, — серьезно ответил отец.

И Вовка был рад, что отец не засмеялся, согласился с ним.

V

Был выходной день. Вовка с отцом возвращались с рыбалки. Тайка с ними не ходила: почему-то сегодня ее нигде не было видно.

Когда же шли мимо ее дома — низенькой от старости, полуразвалившейся избы, — слышали приглушенные крики.

Отец тоже остановился. У плетня стояли две женщины, слушали.

— Что это?

— Лысаковы воют, — охотно откликнулась одна из женщин.

Отец кинул на них злой взгляд.

— Нашли забаву. — И быстро зашагал к избе. Вовка ухватил его за руку.

— Пап, не ходи, не надо.

Отец вырвал руку. Лицо у него побелело, губы вытянулись в ниточку.

— Не ходи, пап!

— Отойди! — как чужому, сказал отец.

Он рывком распахнул дверь и крикнул:

— Пожар!

В избе сразу стихло. На Никифора уставились обезумевшие от ярости глаза мужчины и женщины.

— Где пожар? — спросила, приходя в себя, Тайкина мать.

— Я думал, у вас пожар. Ошибся, значит.

Женщина торопливо пригладила волосы, мельком взглянула в зеркало.

— Проходи, чего на пороге стоишь. Не вовремя только пришел.

— По-моему, в самый раз, — недобро усмехнулся Никифор.

Пьяный мутно глядел на него, еще не сообразив, продолжать ли драку или попросить денег на водку.

— А дети где? — спросил, оглядываясь, Никифор.

Под кроватью зашуршало. Никифор подошел, наклонился.

— Не бойтесь, выходите.

Красные, заплаканные, грязные от пыли вылезли Тайка с Юрочкой. Тайка бочком проскользнула мимо, за ней выскочил из избы Юрочка.

Пьяный наконец разглядел, кто к ним пришел, полез целоваться.

— Никишка, дружок.

Но его быстро сморило, он улегся на лавку и уснул.

— Ну и жизнь у тебя — смотреть страшно, — сказал Никифор женщине. — А ведь было время — самой красивой девкой в районе считалась.

Женщина негромко заплакала.

— Думала ли я когда такое. Все подружки от зависти лопались, когда он посватался. И тебе, дура, из-за него отказала.

— Что об этом теперь говорить,— сурово оборвал Никифор.

— Сколько слезами умывалась, тебя вспоминая,— продолжала женщина.

Никифор еще более сердито прикрикнул:

— Хватит, незачем старое ворошить! Теперь думать надо, что с ним делать, — кивнул он на пьяного.

— А что думать. Одно осталось — в пеглю.

— Лечиться пробовал?

— И слушать не хочет. Единственная, говорит, отрада. С тех пор как руку ему оторвало, так все прахом и пошло.

Женщина продолжала плакать.

Тайка сидела под дверью с той стороны, слушала. Новость, что мать когда-то отказала дяде Никифору, не вышла за него замуж, ошеломила ее. Она живо представила себе, что было бы, если бы дядя Никифор был ее отцом. Тайка даже застонала от обиды на мать.

Совсем маленькой Тайке откуда-то попался журнал с яркими красивыми картинками. На одной из них была нарисована роза. Она была совсем как настоящая — красная в середине, бледная по краям. Капельки росы на ее лепестках, казалось, вот-вот упадут. Тайке очень захотелось нарисовать такую же. Но она никак не могла взять в толк, чем же нарисовать красную розу: цветных карандашей или красок у них в доме не водилось.

Тогда она нарвала спелых вишен и алым соком, прямо на своей коленке вывела цветок. Цветок, высохнув

на солнце, стал синим, со странными острыми лепестками. Таких цветов Тайка в жизни не видела, и от этого он казался особенно удивительным и красивым.

Когда она пошла в школу и у нее появились тетради, карандаши, краски, в ней снова вспыхнула потребность рисовать что-то свое, никогда не виданное, но что очень хотелось когда-нибудь увидеть.

Птицы у нее были с зелеными и синими перьями, у людей золотые, как солнце, глаза. Листья на деревьях были красные, и от этого они казались по-праздничному нарядными.

Как-то она придумала и нарисовала целый поселок. У жителей этого поселка было по четыре руки. Поэтому никто не ленился, и все работали дружно.

Жизнь в поселке была хорошей: там никогда не бывало пьяных, а все были веселые, добрые и сильные.

Посреди поселка стоял дом, самый красивый, с окнами круглыми и лучистыми, как звезды. Великан с золотыми глазами, двумя руками чинил крышу, а третьей обнимал девочку. Четвертой руки у великана не было: он был инвалид.

Из окна дома выглядывала женщина. Она смеялась, а волосы у ней были голубые и кудрявые.

В поселке росла разноцветная трава, а по речке плыли белые лодки. Люди ходили через речку по мостам из радуги. И коромысла у женщин тоже были из полосок радуги — у кого синие, у кого оранжевые.

Лучше всего, конечно, было в поселке детям. Им всем-всем жилось хорошо, и даже платья у них были одинаковые, в горошек — все равно, девочка это или мальчик. Это чтобы никому не было завидно. Только горошки на платье у мальчиков были желтые, у девочек — розовые.

Тайка прятала тетрадку под матрас, и, когда ей ста-

новилось грустно, она доставала ее и отправлялась в свой поселок. Она придумывала детям новые игры, строила новые дома, и грусть ее проходила.

Грустно же ей бывало часто. Особенно когда отец напивался пьяным. В трезвом виде он был незаметный и тихий, в пьяном же — становился буйным и страшным.

— Кто здесь хозяин? — орал он, вваливаясь в избу.

Тайка с Юрочкой привычно забирались под кровать, а мать сразу же принималась визгливо кричать:

— Опять надрызгался, пес паршивый! Ирод проклятый, сдох бы скорее!

— Цыд! А то... я вам покажу, кто такой есть Глеб Лысуха. Р-р-разойдись!

Со стола летели миски, падали с окон банки с цветами. Вскрики, всхлипы, топот ног... Качалась под толчком лампа, и от этого становилось то темно, как в погребе, то слишком ярко, как на пожаре. Дом дрожал, и казалось — еще немного, и он рухнет, завалит их своими обломками.

Вместе с домом дрожало сердце у Тайки. Она ждала того момента, когда раскосмаченной матери удастся свалить отца на пол.

— Тайка, веревку!

Тайка вылезала из-под кровати и тащила моток веревки, висевшей за печкой.

Мать, стоя коленом на груди отца, прижимала к полу его единственную руку. Тайка помогала ей обмотать отцовские ноги, потом туловище и руку к туловищу, и отец ворохом грязного тряпья валялся в углу. Ворох шевелился, дергался и хрипло ругался:

— Головы всем поотрываю, застрелю из поганого ружья. Народил щенков, отца родного не жалеют.

Крик переходил в плач. Отец бился головой об пол,

и Тайка, обливаясь слезами, тащила ему подушку, поддерживала тяжелую, непослушную голову.

Раньше она кидалась в драку, цепляясь за одного, другого.

— Мамочка, отступись от него, мамочка, оставь. Папочка, родненький, ложись спать.

Ей доставались удары, ее толкали, но она перебегала от матери к отцу, плакала, просила.

— Папочка, золотой, миленький, перестань. Я тебе за это что хочешь буду делать — волосики твои буду подстригать, ботинки шнуровать.

— Мамочка, не тронь его, он безрукий, отступись.

Но однажды ее так толкнули, что она ударилась головой о печку, потеряла сознание. Когда очнулась, увидела — мать с отцом все еще дерутся. Она хотела встать, подойти, но все у нее закружилось перед глазами. Она ощупью едва выбралась на улицу, и там ее стало тошнить.

Больше Тайка не лезла к родителям, когда они дрались.

Мать, озлобленная жизнью, походя била ее, дергала за волосы и всегда только кричала. Тайка, битая ни за что ни про что, вымещала свою злость на братишке.

— Ирод постылый, сдох бы скорее, — больно пихала она его в спину.

Юрочка ревел и пытался своими слабыми кулачками отомстить обидчице.

Порой Тайка мечтала, что отец бросит пить, станет работать что сможет — и мать перестанет кричать, драться. И в доме будет не хуже, чем у других, — чисто и прибрано. Отец с матерью станут шутить, смеяться, кто-нибудь погладит ее по голове, когда она принесет хорошую отметку. Конечно, Тайка бы тогда училась по-другому,

из четверок и пятерок не вылезала бы. И в кино ходили бы.

Но время шло, в доме ничего не менялось, и Тайка стала думать, что мать права: хорошо, если бы отец умер. Додумавшись до этого, она представляла мертвого отца на столе, обряженного в белую рубашку, умытого, выбритого, и начинала плакать, потому что такого его ей жалко было хоронить. Она бежала к отцу, вертелась возле него, пыталась разглядеть в нем черты того, умершего.

— Ну чего тебе, что тут вынюхиваешь? — угрюмо спрашивал отец.

— Я так, папань. Может, тебе помочь чего?

Но помогать, она и сама видела, нечего, потому что отец, если и делал что, делал лениво, нехотя, мечтая только где бы раздобыть глоток вина.

Матери Тайка боялась больше, чем трезвого отца, и потому старалась к ней близко не подходить. Но мать сама вспоминала о ней.

— Тайка, хватит бездельничать, иди козу пригони! — Или: — Рубахи пойдя на речку постирай. Мохом скоро порастешь от безделья.

И вечно была недовольна, все ей было не так. Юрочку еще иногда жалела, ласкала, и Тайке было обидно, что ей не перепадает ни одна из этих крохотных ласк. В такие минуты она горько завидовала брату и, улучив момент, когда мать не видела, больно щипала его или давала тумака по голове. Хорошо хоть Юрочка никогда не жаловался, а то бы Тайке несдобровать.

А в своем нарисованном поселке Тайка была доброй. Самой доброй. Она защищала маленьких, играла с ними, приносила им подарки — цветные мячики, конфеты размером с бревно. Эти конфеты рубили топорами, и каждый рубил сколько хотел.

Однажды, когда мать отдыхала после работы в огороде, Тайка пожалела ее, уставшую, не видевшую никакой радости, и решила показать ей свою заветную тетрадь.

Мать хмуро улыбалась, глядя на смешных четверо-руких человечков, а когда увидела запряженную в телегу курицу, даже засмеялась.

— А это ты, мамань.

Мать долго глядела на веселую молодую женщину с голубыми кудрявыми волосами.

— А это кто же? — спросила она про великана.

— Папка. Видишь, у него одной руки нет.

Неожиданно мать рассердилась.

— Глупости это все. Выдумала невесть чего. Увидит кто — дурочкой звать будет.

— Так я только тебе показала, — обиделась Тайка.

А вскоре случилось несчастье.

Тайка пришла с огорода, принесла накопанной картошки и только стала мыть ее в чугунке, как вернулась из магазина мать. Она достала из кошелки бутылку масла и пакет, от которого вкусно запахло селедкой.

Обрадованная Тайка подбежала к столу, стала разворачивать пахучую ржавую селедку. У нее слюнки текли — так захотелось самый маленький ломтик, хоть пустой хвостик пососать. И вдруг сердце ее словно сорвалось со своего места, куда-то покатилося вниз, вниз... На жирном, промасленном селедкой листке она увидела свой поселок. Узнала ребят... Она не закричала, не заплакала. Мертвея, подошла к кровати, глянула под матрас... Тетради не было. Не веря себе, она на ощупь стала шарить в постели. А в груди у нее, в животе словно все подергивалось тоненькой корочкой льда...

Она посмотрела кругом и увидела грязное, засиженное мухами окно, закопченную, давно не беленную печь, нескобленный пол.

Взглянула на мать и вместо привычной, усталой или злой матери заметила спующую по избе неопрятную некрасивую бабу.

Тайка отчетливо поняла, что в этом мире всяк сам по себе и всяк сам за себя и потому никто не виноват, если ты промахнулся. И она промахнулась — поверила.

Теперь ей было приятно, если у кого что не ладилось, случалась неприятность: это как-то уравнивало ее с другими, и жить было легче. Но за это ее постепенно невзлюбили все ребята, а за ними и взрослые.

Пробовала взяться за нее воспитательница. Оставляла после уроков, пыталась разговаривать нарочно молчавшую Тайку.

— Разве хорошо жить одинокой? Смотри, от тебя все ребята отвернулись, а ведь твоя жизнь еще впереди.

«Сама бы рада меня отлупить, да закон не разрешает», — про себя думала Тайка, а вслух только вздыхала.

— Неглупая девочка, а учишься плохо. Так можешь и на второй год остаться.

«Своему любимчику Алешеньке небось четверочки да пятерочки ставишь, в отличники норовишь вывести».

— Может, тебе помощь нужна — ты скажи.

— Не нужно, — вздыхала Тайка опять, — сама справлюсь.

— Отец все пьет?

«За собой смотрела бы. Вон пуговица — второй день оторвата».

— Пьет.

— Ну иди, — тоже вздыхала учительница,

Передразнивая ее, Тайка вздыхала в последний раз и скромненько выходила из класса.

Нет, Тайку не проведешь. Подумаешь, какая заботливая. Положено беседы с отстающими проводить — вот и проводит. А самой-то ей что — все равно свою получку будет получать, останется Тайка на второй год или не останется. Но тут Тайка задумалась: «А вдруг за второгодников меньше платят?» Интересно узнать. Тогда не так жалко и на второй год остаться. Хотя какая-никакая, да польза государству от Тайки.

VI

Вовка с Митькой шли на станцию. Шли, говорили о каких-то пустяках. День был теплый, солнечный. Тропинка проходила лугом. В воздухе, сладковато пахнущем сеном, гудели тысячи шмелей, пчел, так что воздух, казалось, звенел и весь дрожал от трепетания тысяч маленьких крыл. Парящий в небе ястреб вдруг камнем полетел вниз. Но мальчики ничего не замечали. Сейчас их волновало одно — бросит свою морскую службу дядя Никифор или не бросит?

— Здесь, что ли, не люди живут? — Митька явно был настроен за то, чтоб дядя Никифор, а стало быть, и Вовка навсегда остались в Зеленом Шуме.

— Может, скажешь — там не люди? — горячился Вовка. — Еще какие люди... Вот приезжай, как восьмой окончишь, вместе в мореходку поступим.

— Как же... поступим. Ты еще, может, и поступишь, а я... Да и как я мать брошу? Одна...

— Почему бросишь? Пойдешь работать, тогда ее к себе позовешь.

— Брехня это все. Никуда я не поеду. Будто люди

одну только рыбу едят? Хлеб тоже кому-то добывать надо. Еще не известно, где тяжелее.

— Конечно, в море тяжелее, — твердо сказал Вовка.

— Ну ладно, пусть тяжелее, — согласился Митька. — Зато деньги хорошие получают, по курортам ездят.

Вспомнилась девочка из поезда, золотые пуговицы на тужурке ее отца.

— Чего сейчас говорить об этом. Поживем — посмотрим. Дядя Никифор может и здесь жить, если захочет. А в мореходку мы сами захотим и поедем. Не маленькие. Примут так примут. А нет — обойдемся.

— Договорились? — обрадовался Вовка. — Значит, поедем?

— Там видно будет.

— Нет, ты слово дай, что поедем.

— Не знаю, какое слово тебе надо. Знаешь меня: раз сказал — кончено.

— Тогда давай пообещаем, что всю жизнь дружить будем.

— Ладно.

— Нет, не так. Давай как-нибудь... ну вроде клятвы что-нибудь...

— Чудной ты, — засмеялся Митька. — Землю, что ли, есть будем?

— Да ну тебя, — обиделся Вовка. — С тобой серьезно, а ты...

— Ну, а как клясться-то?

— Что никогда не будем врагами, всегда помогать друг другу, не обманывать друг друга. А если кому плохо придется — выручать. В общем, как братья будем. А если кто обманет другого, тот враг и предатель на всю жизнь.

Взволнованная речь пробила Митьку.

— Ну что ж, можно, — сказал он.

— Навсегда?

— А то как еще. Не на неделю же.

Они остановились посреди поля под жаркими лучами полуденного солнца. Крепкое пожатие скрепило их договор.

Неожиданно к ним на руки опустилась бабочка, словно не было ей другого места.

— Не шевелись. — Вовка хотел накрыть ее свободной рукой, но Митька быстро выдернул свою, и встревоженная бабочка улетела.

— Зачем она тебе? Пусть летает.

— Красивая была. Да ладно, пусть живет. Интересно, а ссориться мы с тобой будем?

— Наверно, будем. Я упрямый.

— Правда, упрямый, — согласился Вовка.

Клятва как цементом соединила их. Теперь они почти не разлучались.

Бабка то и дело пилила Вовку:

— Мало вам вечеров, уже и днями шаландаете. Делов, что ли, в доме не стало?

А отец ничего не говорил, и Вовка чувствовал, что ему нравится эта дружба. Ну, а если отец ничего не говорит, бабку можно и не очень слушать.

Тетя Наталья, как и прежде, хорошо относилась к Вовке, даже вроде еще больше привыкла к нему.

Все было бы отлично, если бы не эта язва — Тайка. Нельзя сказать, что она приставала к Митьке или Вовке, задирала их. Наоборот, она вела себя так, словно их вообще не существовало. Но регулярно каждый вечер являлась на Вовкин двор и сидела на крыльце как своя.

Отец не позволял гнать ее, и Вовка все сильнее ненавидел эту рыжую чучелу. Из-за нее ему не хотелось

вечерами бывать дома, а ведь только вечером отец и бывал свободен, когда же еще поговорить с ним.

Отпуск быстро пролетит. Заметить не успеешь, как он уедет.

Ночью Тайка, еще днем придумавшая выйти поглядеть на падающие звезды и, если удастся, шепнуть свое желание, потихонечку встала и вышла на улицу. Говорят, у того, кто успеет шепнуть свое желание, пока звезда падает, оно обязательно сбудется. Тайка верила и не верила, но почему бы и не попробовать, за это денег платить не надо.

Она вышла к ограде, чтоб не мешали яблони, села на перекладину и уставилась в небо. Как нарочно, хотя по чистому небу и раскатились крупным горохом звезды, ни одна не падала и, наоборот, даже казались крепко застрявшими каждая на своем месте. Тайка вздохнула и стала устраиваться поудобнее на своей перекладине. И тут скатилась звездочка, но так быстро, что Тайка и рот раскрыть не успела, не только что. Досадуя на себя, она стала разглядывать звезды, пытаюсь угадать, какая из них плохо держится. И скоро с удивлением обнаружила, что все звезды разные. Вот одна — мохнатеенькая, как шмель, и такая же по-шмелиному желтая. А вот другая. Свет у нее колючий — ледянисто-синий. А рядом три подряд в линеечку выстроились и стоят красуются чистенькие, умытые... «Ух ты, какие мы», — радуясь за них, улыбнулась им Тайка. Она поискала хорошенько и прямо глазам своим не поверила: одна звездочка, та, что справа, была малинового цвета. Тайка закрыла на минуту глаза, открыла и сразу опять увидела ее, только дивное дело: из малиновой она стала зеленой. Ну такой зеленой, как... как, ну, как ничего другого такого зеленого не бывает. Тайка от радости негромко засмеялась. Вот же какое чудо на свете, а она прожила целых двенадцать лет и

знать не знала о такой красотище. И от знобкого предчувствия того, что в мире много такого, чего она не знает, но узнает обязательно, у Тайки защипало в носу и глазах. И тут случилось чудо: все небо, словно желая утешить Тайку, заиграло, замигало, задвигалось... Ей даже показалось, что оно шуршит. Ну да, шуршит — все громче, ближе... Тайка соскочила с перекладины и за-таилась. Кто-то шел сюда. Вот и голос послышался.

— Может быть, ты сам скажешь? Я просто не знаю, как к нему подступиться.

Тайка узнала голос тети Натальи. С кем это она среди ночи беседы ведет?

— Да я уж пробовал заводить разговор — ничего не понимает, — ответил мужской голос, от которого у Тайки замерло дыхание.

— А Вовка?

— Что Вовка? Вовка рад будет, я же вижу, что он тебя любит. Только и слышишь: «Тетя Наталья сказала то, тетя Наталья сказала се».

Женщина счастливо засмеялась. Негромко засмеялся и мужчина. И от этого их смеха у Тайки мелко-мелко задрожало под коленками: точно так смеялись молодые парочки, прячась где-нибудь подальше от людских глаз.

Шаги и голоса удалялись. Тайке сразу стало скучно и не интересно все, и никакие звезды ее больше не интересовали: брехня это — загадывать желания. Уж кому на роду написано без счастья жить, так, значит, тому и быть. И никакие тебе звезды не помогут, никакие другие глупости.

Она вернулась в избу. На ворчанье матери «носи́т тебя леший по ночам» отмолчалась и забралась в жаркую постель, где, раскидавшись, весь в поту спал Юроч-

ка. Спать не хотелось. Тупо стучали ходики на стене. Постанывала во сне мать, сопел Юрочка, а в ушах звенел смех женщины, заглушая привычные ночные звуки. Вспомнилось, как однажды встретила их выходящими из леса, как сразу пошли в разные стороны, заметя Тайку. И то, как в кино ходили все четверо — с Митькой и Вовкой, ну ровно семья. Как она только не замечала этого раньше? Ослепла, что ли? И даже то вспомнила, как разговаривали женщины: «Ну и дай им бог, оба одинокие, нестарые». Теперь ясно было, про кого они. Тайка лежала с широко открытыми глазами и видела неясные тени на потолке, которые покачивались, и было похоже, как будто это ходит кто-то по улице, ходит долго, всю ночь...

Никифор шел с работы, с наслаждением вдыхая уже прохладный августовский воздух. Из сельпо с хлебом в руках выскочила Тайка. Увидела дядьку Никифора и шмыгнула вбок от дороги. Но он успел заметить ее.

— Тайся, ты что же это знакомых не узнаешь?

Тайка остановилась, носком поковыряла землю.

— Узнаю, — прошептала она.

— А коли узнаешь, отчего не здороваешься?

— Здравствуйте, — еще тише прошептала она.

Дядя Никифор подошел, поднял за подбородок ее вспыхнувшее лицо.

— Или случилось что? Дома все в порядке?

Тайка кивнула.

— А что же ты такая... какая-то?

Тайка промолчала.

— Ну, ладно, иди, — отпустил ее дядя Никифор, — а я сегодня все-таки загляну к вам. Поужинаю и приду. Разрешить?

Домой Тайка влетела так, словно за ней гнались волки.

— Сдурела? — крикнула мать и разом погасила Тайкино желание сказать о госте. Она молча схватила вееник и стала подметать пол. Расставила стулья вокруг стола, сбегала в поле за огородом и нарвала пучок ромашек. Но посуды подходящей для них не нашлось, и Тайка заткнула их за зеркало на стене.

Мать удивленно наблюдала за ней.

— Не иначе картошка хорошо уродится, — довольно мирно сказала она. Тайка воспользовалась этим.

— Ты б, мамань, причесалась хоть, а то ходишь шишигой лохматой. Да фартук бы скинула, эвон засалился весь, глядеть тошно, — без особой надежды сказала она.

А мать вдруг ни слова на это не сказала, скинула фартук и подошла к зеркалу. Тайка, затаив дыхание, следила за ней. Вот она сняла платок, взяла в руки гребень и задумалась.

— Сразу красивше сделаешься, — подстрекая ее, сказала Тайка. — А то придет кто — стыдобушка.

— Кто к нам придет, кому мы нужны, — вздохнула мать.

— А хоть бы и дядя Никифор. Возьму, говорит, сегодня и зайду. У тебя, говорит, мать очень даже хорошая женщина, — и чувствуя под ногами целую пропасть, словно кинулась в нее: — Красивая, говорит.

Мать наклонила голову, и легкий, едва заметный румянец окрасил ее щеки.

— Брешет и брешет, прости господи. Когда ты с ним говорила, во сне, что ли?

— И ничего не во сне. Из сельпо когда шла.

— И что ему надо? Или отец что натворил? — забеспокоилась мать. — И где его черти носят, не вида?

Она небрежно повязала платок на голову, так и не притронувшись гребнем к волосам.

— Ты ж причесаться хотела, — заняла Тайка.

— Делать мне больше нечего, как среди дня причесываться. Ступай луку нарви.

Тайка так громыхнула дверью, что мать выскочила за ней на крыльцо и долго поносила ее всякими черными словами.

— Разоралась, — ворчала про себя струхнувшая Тайка, — гляди лопнешь оравши-то.

И в избу вошла тихонькая, присмирившая. Но и мать уже отошла. Она перебирала какие-то бумажки на столе, на Тайку не смотрела.

Когда, дождавшись отца, сели ужинать, и правда пришел Никифор.

— Садись, — пригласила мать и поправила на голове платок. Тайка порадовалась, что хоть фартука на ней не было.

— Садись, — пригласил и отец.

— Я уже ужинал, — отозвался дядя Никифор, — спасибо. А вот посидеть с вами — с удовольствием.

Но разговор не клеился.

Тайка громко причмокивала вчерашним, чуть прокишшим борщом.

— Уж и стряпаешь ты, мамань, хоть в ресторане тебе поваром быть.

— То-то ты у нас по ресторанам привычная, — засмеялась мать. — А что это борщ вроде бы прокис маленько?

— И нисколько не прокис, вкусный.

Тайка с отвращением закинула себе ложку в рот и причмокнула.

Дядя Никифор поговорил с отцом о каких-то делах и стал прощаться.

— А ты что ж это, Таисья, к нам не ходишь, обидел тебя кто?

— Не-е, — протянула Тайка.

— Так приходи, я новую песню подобрал — «Колокольчики». Знаешь?

Тайка засветилась.

— А когда — сегодня?

— Давай завтра. Сегодня уже поздно.

Митька увидел Тайку еще издалека. Ага, опять тащится к дяде Никифору. Как раз сегодня они с Вовкой надумали просить дядю Никифора помочь сделать подводную лодку, а тут опять эта цапля идет.

Митька сделал вид, будто не замечает девчонку, но как только она подошла, стал посреди дороги.

— А ну, поворачивай назад.

— Пусти. — Тайка попыталась обойти его. Но Митька не пускал.

И когда Тайка силой хотела прорваться, он так пихнул ее, что она едва удержалась на ногах. Конечно, можно было пройти огородами, но Тайка не хотела и не любила сдаваться.

Они стояли друг против друга и с ненавистью обматывали друг друга глазами.

— Сделай еще шаг, не обрадуешься. Нечего тебе к дяде Никифору ходить. Ходит, только людям мешает.

— А тебе какая забота? — прошипела Тайка. — Твой он, что ли?

— И не твой. Давай-давай, поворачивай.

— Может, думаешь, он на твоей матери женится? Как же, дожидайся. У него таких, как твоя мать, в Мурманске тысячи.

Митька секунду стоял ошарашенно, а когда до него

дошел смысл Тайкиных ядовитых слов, он взревел и корпусом кинулся на нее. Ребята покатались по земле. Тайка пиналась ногами, кусалась, но Митька заломил ей руки, прижал к земле. Было больно, но еще обидней лежать вот так вот беспомощной, видеть над собой яростное лицо врага и быть не в силах ничего с этим поделать. И Тайка в голос заплакала. Митька сразу скис, отпустил ее. Тайка села, размазывая по лицу грязь и слезы.

— А все равно он мать твою не возьмет.

— Болтай! — прикрикнул Митька. — Мало получила.

Но Тайка знала, что лежачего не бьют, а она была все равно лежачей.

— Больно ей надо замуж, — сказал Митька. — К ней весной агроном сватался. Отказала. Пускай вон кому делать нечего замуж выходят, а нам и так неплохо.

— То агроном, — не смирясь, сказала Тайка. — А то в городе пожить, на каблуках да в крепдешине.

— Дура, — плюнул Митька. — Чего несет...

— А ты баб поспрошай. Вся деревня только про них толкует. А про мать твою так прямо и говорят: мол, денежками чужими хочет попользоваться. У моряков их много, это тебе не агроном.

Митька ничего ей не ответил. Он посмотрел куда-то сквозь Тайку чужими незнакомыми глазами и побрел прочь.

Тайка медленно встала, отряхнулась и, хоть дорога была свободна, повернула обратно.

VII

Вовка никак не мог понять, какая муха укусила Митьку. Когда б он ни зашел за ним, тот все ссылался на то, что занят. Вовка отлично видел, что это одни отговорки, но заставить его сказать правду не мог.

Сегодня он пришел звать его на Ворону ловить рыбу. Это любимое Митькино занятие, и не может быть, чтоб какое другое дело ему помешало.

Митька сидел на крыльце, постругивал палочку.

— На речку пойдем? — спросил Вовка.

— Некогда.

— Чего делаешь-то «некогда»?

— А то и делаю.

— А там, глядишь, рыбы наловили бы. Ваня Торосек штук семь сегодня принес.

Мурец сидел тут же, прислушивался к разговору. При слове «рыба» он поднял голову, мяукнул. Ребята невольно улыбнулись.

— И Мурца бы взяли.

— А на что он ловил? — почти сдаваясь, спросил Митька.

— Без ничего, на дрожание.

Вот этого Митька спокойно снести не мог. Его способом, им самим придуманным, ловят рыбу, а он сидит тут даром.

— Ладно, пошли.

— А тетя Наталья дома?

— А тебе что? — грубо отсек Митька. — На что она тебе сдалась?

— Да я так просто, — не показывая обиды, сказал Вовка. — Поздороваться хотел, давно не видел.

И, легкая на помине, во двор вошла тетя Наталья.

Она мимоходом встрепнула волосы Вовки.

— Что это тебя не видно давно? Поссорились?

— Никто не ссорился, — буркнул Митька. — Картошку я там в чугушке начистил.

— Ну прямо золото, а не сын стал, — заулыбалась Наталья. — Целую неделю, как барыня, живу, никаких мне забот.

Она села на крыльцо и стала разуваться.

— И смороду пообрал, в клетки поставил.

Наталя только руками всплеснула.

— Мы на речку, — хмурясь, чтоб скрыть улыбку от похвал матери, сказал Митька.

— Иди-иди, а то все дома да дома. Лето, не успеешь оглянуться, кончится.

Мурец бежал впереди, свечой подняв хвост.

— Давай спрячемся, — предложил Вовка. Они любили эту игру — играть в прятки с Мурцом. И как только поравнялись с деревом, стали за него.

Мурец оглянулся, не увидел ребят и стал красться обратно: он знал, что это игра. Он крался потихоньку, заглянул в неглубокую яму у дороги, крадучись обошел куст и подошел к дереву. Увидел ноги и поднял голову, и как только его глаза встретились с глазами Митьки, скачками понесся от дерева прочь, вперед. Ребята пробежали немного за ним, чтоб доставить ему удовольствие, и снова спрятались за стожком сена. Просто хорошо играть с Мурцом: он никогда не отказывается водить.

День был солнечный, теплый, Вовка такой верный, ни в чем не виноватый друг, а клев на дрожание такой и в самом деле удачный, что Митька все на свете забыл и хохотал с Вовкой над Мурцом и над каждым пустяком как сумасшедший, как будто хотел отхохотаться за всю эту невеселую неделю.

Совсем неожиданно подул ветер, откуда-то срочно нагнал туч.

— Дождь будет.

— Будет, так недолгий, — заметил Митька. — К ненастью рыба не клюет.

Митька встал, раздвинул кусты, и там обнаружилось сухое песчаное местечко. Над ним густо и непроницаемо для дождя и солнца сомкнулись ветки.

— Здесь можно переждать.

— Хорошо как! — восхитился Вовка.

Видно, Митька не первый раз прятался здесь, потому что он пошарил в кустах и вытащил оттуда батог. Этим батогом он подпер сплетенные над головой ветки, и стало уютно, будто в шалаше.

И только они устроились, как полил дождь — крупный и бойкий. Мурец сел у самого входа и с любопытством смотрел за дождем.

— Как гвозди в землю вбивает, — сказал Вовка.

— Ага. А к нам ни одной капельки.

И оттого что в их укрытии было так надежно, и оттого что куст, под которым они сидели, и другие кусты вокруг шумели вместе с дождем так, что шум казался не просто шумом, а особенной, ни на какую другую не похожей музыкой, под которую хотелось помолчать и только обязательно слышать рядом человечье тепло, Митька посмотрел на Вовку и улыбнулся ему по-старому впервые за эту неделю. Вовка обрадовался этой улыбке и заерзал, как будто устраиваясь поудобнее. На самом деле ему просто захотелось придвинуться поближе к Митьке, чтоб плечом ощущать его плечо.

— Придешь сегодня к нам? — спросил он.

— Там видно будет.

— Приходи, а то Тайка опять повадилась. Сидит и сидит, спасу нет.

— Моя бы воля, я бы ее из деревни насовсем выгнал.

— И я.

Ребята примолкли.

— И косы-то у нее, как пруттики, — ни с того ни с

сего сказал вдруг Митька. Вовка так и покатился со смеху.

— Ты что? С чего это ты?

— А-а, — засмеялся и Митька, — просто вспомнил, где-то я читал, что в Китае в древности наказание такое было — за косу подвешивать. А Тайку разве подвесишь — у нее и кос-то порядочных нет.

Над рекой горбатым мостом перекинулась радуга.

— Видишь, какая красная полоса, шире всех? — спросил Вовка.

— Ну?

— Бабка говорит, что это к хорошей погоде. А вот если синяя широкая, то к ненастью.

— Жалко, я своей бабки не помню, тоже, наверное, всякого добра знала.

— Наверное, — искренне посочувствовал Вовка другу и стыдливо порадовался, что у него-то есть бабушка.

После дождя удилось плохо, да и время уже близилось к вечеру. Стали собираться домой.

Митька резвился сегодня, как маленький. Честно говоря, наскучал он без Вовки, да и мысли были всякие нехорошие. А сейчас все было, как раньше, и то, что говорила тогда Тайка, казалось не больше как брехней, вредным делом рыжей чучелы. Забыл он, что ли, какая она?

Он нацепил на крючок рыбину и стал поддразнивать Мурца: как только Мурец прицеливался схватить ее, он дергал удочку высоко вверх, и Мурец делал утомительные прыжки вслед за ней. Он изгибался, как заправский акробат, как дрессированный морской лев, и время от времени поглядывал на Митьку — так ли я делаю?

И вот, когда он волчком стал кружить за вращающейся удочкой, Митьке пришла одна удачная мысль.

— Ну, чучелка, держись.

Он поделился ею с Вовкой. Тому эта идея тоже пришлась по вкусу, и ребята, довольные, принялись обсуждать ее.

* * *

Чтобы их не было видно с дороги, они спрятались в кустарнике, ограждающем тетя Папин участок. Длинная капроновая леска, прозрачная и слегка припорошенная пылью, совсем незаметно протянулась от них к дереву по ту сторону дороги. Пока что она лежала на земле, ждала своего часа.

По леске, не заметив ее, проехал велосипедист, протопал со станции машинист Павел. И наконец показалась Тайка. Шла быстрым, очень подходящим шагом.

Когда она подошла совсем близко, мальчишки рванули леску, и Тайка по-цирковому перекувыркнулась и шлепнулась на землю. Ее разинутый рот, вытаращенные в испуге, ничего не понимающие глаза рассмешили ребят. И хотя они договорились скрыться потихоньку, чтоб она не знала, на кого ябедничать, они все-таки не выдержали и расхохотались.

Тайка увидела их и первое что она сделала — торопливо одернула задравшееся платье.

Митька поразился — она это сделала точь-в-точь как его мать, когда однажды при нем нечаянно поскользнулась на глинистой дорожке. И сразу стало не смешно. Даже кисло. Он толкнул в бок еще хохотавшего Вовку: «Пошли».

Тайка ли пожаловалась, или видел кто — рассказал матери, — только вечером она накинулась на него. Он и не помнит, чтоб видел мать когда-нибудь такой злой.

— Что тебе сделала эта несчастная девчонка? За что

ты ее мучаешь? Возьму вот хворостину да, как маленького, отстегаю.

Митька аж задохнулся от такой несправедливости.

— А ты знаешь, что она про тебя болтает? Знаешь? Знала бы, так не заступалась. Она говорит, что ты замуж за дядю Никифора выходишь, вот!

С матери сразу слетел злой вид. Она стихла, сникла. Повернулась, стала убирать на столе.

— Разве я такая старая, что мне замуж нельзя? — вдруг негромко спросила она.

Значит, это правда! У Митьки закачалось все перед глазами. Значит, не зря люди болтают, и Тайка совсем не виновата?

— В город захотела, на чужие денежки прельстилась? — не помня себя, закричал он.

— С ума сошел? — закричала и Наталья. — Какие деньги? Опомнись!

Митька знал, что это неправда, но остановиться не мог.

— Можешь куда хочешь ехать, раз ты такая, а я никуда отсюда не поеду. Сам себе заработаю.

Он выскочил из избы, так грохнув за собой дверь, что в избе тонко и жалобно заныли окна. Наталья побежала за ним, но его уже не было видно. Напрасно она кричала, звала его; Митька не отзывался.

Он лежал в самом углу сеновала и захлебывался от мучительного плача. Митька сдвигал глаза кулаками, щипал себе щеки, но горе было так велико, что ничто не могло помочь отвлечься от него.

Его мать, которую он так любил, которой гордился, оказалась самой простой обыкновенной женщиной. Плохо ей было с ним, с Митькой? Ей еще муж понадобился. А люди-то что скажут? Кто знает, может, Тайка и не соврала на этот раз, может, правда разговоры ходят, что

его мать на легкий хлеб прельстилась. Да и с Вовкой как теперь быть? Был просто другом, а теперь кто? Брат?

Зачем ему какой-то брат пужен? Мать, глядишь, еще его и любить больше станет: муженьку угодить захочется — смотри, мол, как я твоего сыночка люблю. Митька, представив себе все это, заревел прямо в голос. И тут на него навалилось теплое, мягкое, и материнский голос что-то забормотал, зашептал, а такие знакомые шершавые и родные руки стали вытирать ему лицо, гладить волосы. Митька заплакал еще громче, но уже с облегчением, с отрадой, чувствуя, как со слезами отходит его горе. А мать, как девочка, шмыгала носом, роняла ему на лицо горячие слезы и прерывающимся голосом уговаривала его.

И когда оба отплакались, мать сказала:

— Сам знаешь, что дороже тебя никого у меня нет. Раз ты не хочешь, — тут мать опять заплакала, — так и буду одна. Все равно скоро старухой стану, недолго уже осталось.

Они еще тихонько поплакали каждый про себя — редкими последними слезами и умиротворенные, по-особому ласковые друг с другом пошли в дом.

И вроде бы жизнь потекла по-прежнему. Только мать притихла, не слышно было песен, которые она последнее время распевала с утра до ночи. Только Вовка ходил грустный, потому что отец скоро должен был уезжать. Только дядя Никифор был задумчив, не собирал по вечерам ребят возле себя. Да и Митьке что-то не было радостно, хотя надо было бы радоваться: ведь он добился своего, и все сделалось так, как хотел он.

Митька проснулся ночью. Что его разбудило — непонятно. Он стал прислушиваться. Что-то в тишине избы

пасторожило его. И вдруг понял: не слышно дыхания матери. Митька подождал немного и встал.

Светила полная луна, и все вокруг было далеко видно, Митька с крыльца огляделся — ни души. Тогда он побежал за огорода к речке.

Он не ошибся. Сердце его забилося больно и громко: у реки, почти по пояс скрытые туманом, стояли две фигуры. Голова женщины склонилась на плечо мужчины. Это были они — мать и Никифор.

А он, дурак, поверил ей, этой обманщице, плакал вместе с ней, как маленький.

Он медленно побрел к дому, сел на мокрое от росы крыльцо. Что ему теперь делать? Уйти из дому? А куда? Работать не возьмут, скажут, мал. Уехать в Сибирь? Денег нет, да и снимут с поезда. Конечно, можно не говорить адрес и фамилию, но тогда отправят в интернат или детский дом, а хорошо ли там, кто его знает. Когда в кино показывают, так прямо завидки берут, а мать, когда сердится, грозитя: «В интернат отдам».

Митька так глубоко задумался, что не заметил, как подошли к крыльцу те двое.

— Ты что, Митек? — виноватым голосом сказала мать.

Митька, ни слова не говоря, поднялся и направился в дом.

— Постой, — приказал дядя Никифор. Митька не остановился. — Кому говорят?

Дядька Никифор вошел за ним в избу.

— Поговорить нам с тобой надо, завтра я уезжаю.

Митька, не отвечая, стал раздеваться.

— Не слышишь, что ли, а еще недавно вроде друзьями считались, — с горечью сказал дядя Никифор.

— Мало ли, — буркнул Митька.

— Ну вот что, — дядя Никифор встал. — Предлагаю тебе разговор мужчины с женщиной. Речь идет о женщи-

не — твоей матери, и кому думать о ней, как не тебе. Согласен?

— Согласен, — оробело сказал Митька. Неожиданно взваленная на него ответственность испугала.

Он снова оделся, и они вышли. Наталья все еще стояла на крыльце, прислушиваясь, что происходит в избе.

— Мы погуляем, — сказал дядя Никифор. — Не ходи с нами.

Они шли тихой по-ночному деревней и молчали. Квакали вдали бессонные лягушки. Еще дальше, видно в деревне Чупахино, надсадно лаяла собака. Митька пожегся от легкого холодка с реки.

— Замерз?

— Не-е.

— Тогда давай начнем. Ты, пожалуй, думаешь, что я о себе и твоей матери хлопочу? Нет, браток, не только. Еще тебя хочу уберечь от ошибки. В свое время сам такую допустил, до сих пор грузом на душе лежит.

Митька хмуро молчал. «Пойте, пойте, так я теперь и поверю чему».

— Ты, конечно, знаешь, что я у Настасьи Кузьминичны приемыш?

— Как приемыш? — невольно вырвалось у Митьки.

— Не знал? — удивился дядя Никифор. — Я думал, у нас в деревне все и всем известно. Значит, забыли уже. Да, так вот и приемыш. Неродной, значит. Мужа ее и сына кулаки убили. Сына-то по ошибке: ему всего год был. В нее метили, когда с ним на руках шла. Камнем. Наповал.

Слышно было, как поскрипывают дядь Никифоровы ботинки, шлепают о пятки его, Митькины, расхлябанные сандалии.

— Не смогла она больше в тех местах жить, уехала. Сюда прибилась. Как в тумане, рассказывала, годы прошли. Десять лет. А в тридцать втором меня подобрала.

Митька не мог не поддержать разговора: все-таки не о пустяках каких речь шла.

— Как это подобрала?— спросил он.

— А так. У нас в Поволжье голод сильный был. Отец от истощения умер, сестра, а мы с матерью взяли котомки и пошли кусочничать. Небось не знаешь, что это такое? Побираться по миру, милостыню просить. Только что люди голодные могли подать? Все, что за день соберем, мать старалась мне отдать. Это я теперь понимаю, а тогда и не думал — оставляет себе что мать или нет.

Никифор помолчал. А когда снова заговорил, голос его вроде бы немного охрип.

— Пришли однажды вечером в деревню. Попросились в самую крайнюю избу. Женщина жила одинокая, ну и пустила нас. «Утром ранехонько уйдем», — сказала мать. Только никуда уйти не удалось: утром она не проснулась.

Он снова замолчал, и уже надолго.

Митьке хотелось выразить свое сочувствие, но он не знал, как это сделать, поэтому он просто вздохнул и сказал:

— Да-а.

Луна стеклянно посвечивала сверху, посвечивала обманно, как-то по-нарочному: все виделось совсем не таким, как днем. Митька никогда не гулял еще об эту пору, и он как бы заново смотрел на ночную деревню, поля, лес вдалеке. Речка казалась широкой, глубокой, хотя на самом деле была она здесь маленькой — только малышам купаться. Лес казался густым и страшным. А на самом деле он был молодой, весь в солнечных полянах.

Но на все это он смотрел невсерьез, как-то вполгла-

за: история чужой горькой жизни захватила его. Что же дальше-то? Но он не смел спрашивать, понимал, что дядя Никифор переживает рассказанное, да и чувствовал себя виноватым: из-за него, Митьки, ворошил старое дядя Никифор.

Помолчав, сколько ему надо было, дядя Никифор продолжил:

— И стали мы жить вдвоем. Конечно, ей повеселее со мной стало, и я к ней привязался: никого у меня, кроме нее, не было. Прошло так года два. Мне уже лет десять было. И вот приехал к нам в деревню фельдшер. Человек, как я сейчас понимаю, большой души. Наши колхозники в нем отца родного нашли: простой, никому он в помощи, ни в совете каком не откажет. По каждому случаю к нему бегали: жена с мужем поругаются, до дела дело дойдет — к нему, дочка в город задумала уехать — опять к нему. А уж по медицинской части и говорить нечего: фельдшер, а его лучше всяких докторов уважали.

Стал он к нам в дом заглядывать. Вижу, радуется Настасья Кузьминична его приходам. Ждет. То бусы, глядишь, наденет, то платочек беленький повяжет. А была она в молодые годы высокая, стройная, как говорится, царица, да и только. Правда, очень уж молчаливая. А тут и разговор появился, и пошутит когда. Я-то, хоть и мал был, живо смекнул, в чем дело, да и добрые люди помогли понять, что к чему. Добрым людям всегда есть дело до этих дел, — мимоходом заметил дядя Никифор. — Ну вот, однажды пришел он, я, как всегда, стал здесь же крутиться возле дома: когда он приходил, я далеко не отлучался. Прошло немного времени, зовут меня. Стоит она вся розовая, глаза блестят, никогда я ее такой красивой не видел.

— Ну вот, Никиша, говорит, я за Петра Григорьев-

ча замуж выхожу. Будем втроем жить. Что скажешь на это?

И тут меня всего затрясло, кинулся я к ней да орать благим матом:

— Маманька, милая, не ходи за него, не ходи!

Чего я тогда испугался — толком не знаю. Наверное, боялся, что не один у нее буду. Что меньше тепла ее на мою долю достанется.

В общем, кричал что-то и все маманькой звал. А ведь до того только тетей, не поворачивался язык матерью звать: свою хорошо помнил. А тут само вырвалось. А она-то, как услышала это «маманька», кинулась ко мне, побелела вся, обхватила руками.

— Не плачь, — говорит. — Раз не хочешь — твоя воля, так оно и будет. — И Петру Григорьевичу: — Не прогневайтесь, Петр Григорьевич. Видите, сынок не велит.

Так и осталась. А я лет через пять-шесть убежал в мореходку. Меня один парень подбил, в Мурманск. Потом война. В общем, встретились мы, когда мне уже двадцать два стукнуло. Дай, думаю, посмотрю, как там моя старушка живет. Приехал в сорок седьмом... — Дядя Никифор с трудом выталкивал из себя слова, — а тут одни печи. Встретила меня и в самом деле старуха. Одинокая. Словом, сирота. И ночью, когда я один лежал, дал себе клятву: обездолил я ее, хоть и по глупости, по малолетству, а все-таки обездолил, так теперь будет она у меня самый первый человек. Мать. Когда своей семьей обзавестись собрался, ее, конечно, к себе вызвал, а там возьми и скажи:

— Я тебе когда-то в жизни помешал, теперь твоя воля: скажешь — не женись, не нравится, мол, невеста или еще что, — не женюсь.

Она — ох и хитрая — даже удивилась как будто: «Чем же ты мне помешал, уж не фельдшера ли вспомнил? Так

это я сама за него не схотела: слишком умный для меня. Я-то ведь на грядке выросла». Поняла, чем я мучаюсь, успокоить захотела. Только не успокоила Нечиста моя совесть перед ней.

Дядя Никифор кончил свой невеселый рассказ. Он ждал теперь, что скажет Митька.

А Митька молчал, не знал, что сказать. С одной стороны, конечно, плохо, что дядя Никифор помешал Вовкиной бабушке, когда она молодая была, с этим фельдшером. Мало у нее горя было? А с другой стороны, при чем тут мать? У матери-то ведь никакого горя не было, так чего ей? И сын у нее не приемный, а свой собственный. И немолодая уже, скоро сорок лет. А будешь спорить — эгоистом назовут, скажут, что жизнь матери испортил...

— Так как же? — напомнил дядя Никифор. — Давай начистоту. Мы с твоей матерью любим друг друга, хотим пожениться. И главное тут препятствие — ты. А сам тоже лет через пять учиться уедешь или в армию пойдешь.

— Ее дело, — угрюмо сказал Митька. — Как хочет, так пусть и делает. Только я никуда пока не собираюсь. Пусть одна, если хочет. Мне и здесь хорошо.

Так ходили они и говорили часа два, а когда вернулись домой, мать все так же сидела на крыльце, ждала.

Она взглянула на Митьку, на дядю Никифора и все поняла. Улыбнулась виноватой, счастливой улыбкой, обняла одной рукой Митьку, другую протянула дяде Никифору.

— Спокойной ночи.

— Он парень умный, я это давно знал.

Дядя Никифор растрепал ему вихры. Митька не отодвинулся, хотя сейчас, когда рядом такая теплая, такая

своя стояла мать, ему больно было подумать, что ее придется делить с кем-то.

— Пошли спать, — позвала мать. И оттого, что голос у нее был счастливый, Митьке стало еще больнее, и он поскорее забрался в постель, спрятал голову под одеяло.

VIII

Отец вторую неделю лежал в больнице. Дома стало приветливее, чище и уютнее. Мать меньше ругалась, а один раз так даже вместе с Тайкой чуть не до слез хохотала над Юрочкой, как он воевал с петухом. Петух все норовил прыгнуть Юрочке на голову, а Юрочка прутом отгонял его. Не сдавались ни тот, ни другой, пока мать наконец не подняла Юрочку на руки. «Ах ты, аника-воин», — и понесла в избу.

Тайка эти дни ходила присмирившая и то и дело думала об отце, представляла, как он придет совсем-совсем другой. Иногда она представляла про себя, как отец с матерью разговаривают ласковыми добрыми голосами, как вместе все ходят в кино. Тайка даже была согласна, чтоб ее не брали, пусть бы только вместе сами ходили.

Ее мечты шли еще дальше. Вернется отец, сядут они как-нибудь с Тайкой на крыльцо и разговаривают по душам. «А что, — скажет Тайка, — сидеть нам здесь, что мы, грибы, что ли, какие, чтоб всю жизнь на одном месте. Взяли бы да и поехали, ну хоть бы в тот же Мурманск. А то и еще куда. Ездят же люди. Целые поезда народом набиты».

«А что ж, — скажет отец, — чего и не поехать, вот поговорю с Никифором и махну с ним в Мурманск, потом и вас выпишу». — «Нет уж, — скажет Тайка, — ты нас сразу бери, а то мало ли чего, глядишь, без нас еще

выпивать начнешь». — «Н-но, — скажет отец, — поговори...» А потом подумает и скажет: «А что ж, может, и вместе». Выйдет мать, он и ее спросит: «Как смотришь, чтобы в Мурманск махнуть?» А мать, наверное, сначала испугается, а потом заплачет от радости.

Тайка ходила по деревне и чувствовала, какая она легкая, как ноги ее едва касаются земли, и ей казалось, что ходит она здесь последние деньки: почему-то представлялось, что жизнь ее должна круто перемениться, а что за перемена, если здесь оставаться.

Встреча с Митькой произошла неожиданно. Тайка лезла на яблоню, чтоб обобрать последние яблоки. Яблоня стояла на их участке, но почти все ветки перевесились на улицу, и поэтому Тайка, кончив свое дело, прыгнула прямо на дорогу. Спрыгнула и испугалась: лицом к лицу оказалась с Митькой. Тайка струхнула, но вида не подала.

— Хорошо, на голову тебе не слетела.

Она придерживала фартук, наполненный яблоками, и Митька вдруг попросил:

— Дай яблочка.

Тайка развела концы фартука.

— Выбирай.

Собственно, яблока ему вовсе и не хотелось — своих некуда девать, и Митька сам не знал, зачем попросил, как-то так само получилось. Наверное, от неожиданности: ни с того ни с сего и бац — перед ним Тайка. Он даже не сразу узнал ее. Может быть, потому, что никогда так близко не видел? Глаза у нее были зеленые и блестящие, как трава после дождя. И голос, когда она заговорила, был совсем не скрипучий. А в общем-то, наверное, очень одиноко было последнее время Митьке.

Они постояли, помолчали немного и, так и не найдя, о чем поговорить, пошли каждый в свою сторону. Прой-

дя несколько шагов, Митька оглянулся, и в этот же момент оглянулась и Тайка.

Митька шел и думал, как все здорово изменилось: и деревня стала какая-то тихая, и люди — озабоченные, торопливые, даже Тайка и то другая совсем.

Невесело эти дни было и Вовке. Отец уехал, а перед отъездом у них состоялся разговор: отец сообщил ему, что хочет жениться на тете Наталье. Вовке она всегда нравилась, и он даже в первую минуту обрадовался, что все они будут жить вместе и в Мурманск поедут вместе, но потом, пораздумав, понял, что в этом кроется причина Митькиного охлаждения к нему, — раз; что отец не так, как всегда в важных случаях, посоветовался с ним, а как будто Вовка посторонний какой-то: сообщил, и все — два; бабушка тоже ходила вроде бы задумчивая, и это было — три. В общем, достаточно, чтоб взяться за ум, тем более что через пару дней в школу. А седьмой класс это не шуточки.

Случалось ему не раз столкнуться на улице с Митькой, но оба здоровались и проходили, как чужие. И почему-то Вовка чувствовал себя виноватым. Вообще-то ему очень хотелось подойти к приятелю, заговорить, но он не знал, как тот к этому отнесется, вдруг так отошьет — он это умеет! — что надолго запомнится. И не подходил. И не знал, что Митька мучительно ждет, чтоб Вовка подошел, потому что больше всего ему сейчас не хватало друга. Но первым подойти ему не позволяла гордость: как-никак, дядя Никифор берет их, а не они его. Так и расходились, каждый думая, что именно другой не хочет прежней дружбы.

* * *

В школу Вовка пришел одним из первых. Он вошел в пустой класс, выбрал парту в колонке у окна и сел с

краю. Расчет его оказался верным: скоро все места у окон были заняты и осталось только одно, охраняемое Вовкой.

Митька вошел, огляделся и направился к нему.

— Свободно?

— Конечно, кто займет, — заспешил Вовка.

Митька сел, стал тщательно копаться в портфеле, перекладывая зачем-то тетради из одного отделения в другое. Помалкивал.

— Расписание видел? — спросил Вовка.

— Ну?

— Ох и достанется нам этот год! По шесть уроков каждый день.

— На то и седьмой класс, — солидно сказал Митька.

Мир, кажется, был восстановлен.

На первом уроке было тихо, никто не шептался, не заглядывался в окно, никто никого не щелкал по затылку, не перекидывался записочками.

Митька тихонечко оглядывал ребят, и они казались ему повзрослевшими за лето, вон у Кольки Лобанова вроде даже усики пробились. Правда, Колька постарше их всех, но все-таки... Взглянул и на Тайку и удивился, какой у нее деловой вид.

Он и не подозревал, что Тайка дала себе клятву получить в этой четверти столько четверок и пятерок, чтоб отец, когда вернется после лечения, сразу бы увидел, что у него семья ничуть не хуже других. Юрочка и так хороший, только надо его почаще умыть и рубашонки менять. Ну, а мать... Тайка вздохнула. Глядишь, за это время, может, и мать вспомнит, что когда-то красивой была.

Она так погрузилась в свои думы, что не замечала,

как весь второй урок Митька не сводит с нее глаз. Случилось же вот что: ко второму уроку во двор школы приплыло солнце, оно заглянуло в их класс и прикоснулось к Тайкиной голове. Как будто кто чиркнул спичкой — волосы у Тайки вспыхнули, и голова стала большим золотым шаром. Был виден каждый волосок в отдельности и каждый казался золотой проволочкой.

Митька рассматривал Тайку, и все в ней казалось ему сегодня странным: и то, как она макает ручку в чернильницу — изгибает руку, как утка шею, и то, как она поворачивает голову — на затылке получается ровная бороздка, и видно маленькое ухо. Глядя на это ухо, становилось понятным, почему говорят «ушная раковина». Действительно, Тайкино ухо было похоже на розовую ракушку.

Митька повернулся посмотреть, кто еще смотрит на Тайку, но почему-то никто не смотрел.

После уроков Вовку попросила задержаться библиотекарша, и как-то так получилось, что когда Митька вышел из школы, то никого из своих ребят не увидел. По дороге далеко впереди шла одна только Тайка. Митька не думал ее догонять, но она шла так медленно, что вскоре он поравнялся с ней. Пройти молча мимо, как сделал бы это день-два назад, он сегодня уже не смог и потому небрежно спросил:

— Ты чего это как на похоронах бредешь?

— А куда торопиться, — словно они никогда не ругались, не дрались, ответила Тайка. — Когда бежишь, ничего не услышишь, не увидишь.

— А чего тут слышать, чего видеть?

— Послушай, а тогда и говори.

Тайка остановилась. Остановился и Митька, стал слушать.

Где-то далеко урчит трактор. Просвистел в воздухе

самолет. Кто-то крикнул у школы. Слова были непонятны, но голос длинный, звонкий...

Митька на минуту представил, что было бы, если бы не было никаких звуков. Он даже поежился, так стало неприятно. А ведь раньше и внимания никогда не обращал, сколько их вокруг...

— Ну как? — спросила Тайка.

— Ага, — сказал Митька.

— Правда, как в кино?

— Правда.

Ребята сами не заметили, как оказались в лесу. Домой обычно ходили другой дорогой — полем. А этой, по которой возили сено из лесу, ходили только зимой, да и то, когда в поле был сильный ветер. Сегодня же в лесу не колыхался ни один листок. Птицы по-осеннему молчали, и от этого лес казался таинственным, незнакомым.

Они шли, и время от времени кто-нибудь из них наклонялся, чтоб сорвать сыроежку или волнушку, умудрившуюся выскочить к самой дороге. Деревенские дети не так приучены, чтоб проходить мимо добра, и скоро у Тайки был полон портфель, потому что Митька тоже отдавал ей свои находки.

— Давай я разберусь, — сказала Тайка.

Она подошла к широкому пню, высыпала на него грибы, вытащили книжки, тетради.

— Грибы сложи в портфель, а книжки я понесу, — предложил Митька.

Вокруг того места, где они стояли, алела рябина.

— Гляди-ка, красная, — ахнула Тайка.

— Пора уже, — заметил Митька.

— Не-е, я не о том. Такой красной, может, во всем лесу нет больше. Попробуй найди.

Митька не поверил, стал смотреть, сравнивать. И правда, больше такой не было. Были желтые, оранже-

вые, багряные, еще какие-то... А красной — нет, не было.

— А все равно красиво, — рассмотрев это разноцветье, признал он.

— А хочешь я тебя на свою поляну сведу? — предложила Тайка. — Там еще лучше.

— С чего это она твоя поляна?

Тайка смутилась.

— Ну... я туда часто хожу. Это недалеко. Пойдем?

— Пойдем, — Митьке стало интересно. Видали, какая помещица отыскалась.

Они миновали одну поляну, другую, и, когда вступили на третью, Митька сразу сам догадался, что это и есть Тайкина. Она была такой веселой, такой празднично-радостной, что невольно рот расплывался до ушей, хотелось петь, кричать и кувыркаться, как маленькому.

— Вот это да-а! — восхитился он.

Тайка гордо молчала.

— И как это ты такое отыскала? Я ж, наверное, тут не раз бывал, а ничего не видел.

— Когда ж тебе видеть, ты все компаниями ходишь. Поди, никогда в лесу один не был?

После того как вволю налюбовались жаркими осенними красками, она показала ему пригнувшуюся к земле, искореженную временем березу.

— Скажешь, не похожа на лешака?

Со ствола березы сбегал к земле длинный седой мох — борода, да и только, а большущий наплыв на нем был как шляпа.

— Он здесь за остальными приглядывает. Молодые...

Она говорила о деревьях непривычно, словно они были живые. И Митьке захотелось увидеть все ее глазами. Он внимательно стал присматриваться и увидел, что группка тоненьких пожелтевших березок похожа на их деревенских девчонок. А приземистый куст, усыпанный

красными ягодами, — на малыша. Кому-нибудь другому про эти свои открытия он ни за что бы не сказал. Даже Вовке не сказал бы, а Тайке... Тая сказал.

— Точно, — обрадовалась она, — совсем ребяенок. Наш Юрочка маленьким точь-в-точь такой румянький был.

Они подошли к ручью, протекающему по окраине поляны. Ручей был такой чистый, прозрачный и спокойный, что в нем, как в зеркале, отражалось все с мельчайшими деталями и всеми оттенками цвета. Митька даже увидел свои пыльные ботинки, а рядом коричневые туфли Тая, увидел глаженные утром и уже измятые на коленях брюки и рядом ее ноги без чулок... Коленки острые, худые, и одна ободрана. Даже красный цвет царапины виден. Митька смотрел на эту царапину, и будто не на чужой ноге ее увидел, а на своей. Или нет, не как на своей, а как если бы у сестры, которой у него никогда не было. И оттого что он подумал о ней как о сестре, стало до боли жаль эту столько раз битую им девочку, и он тут же дал себе слово никогда в жизни не обижать ее, а, наоборот, если кто захочет обидеть, так проучить, чтоб навсегда отбить охоту приставать к ней.

— Пошли домой, поздно. Мать ругаться будет, — позвала Тая.

Митьке не хотелось никуда уходить отсюда, но теперь он не смел уже думать только о себе.

— Ладно, пошли.

И когда подходили к деревне со стороны огородов, Митька испугался, что их увидят. Испугался за нее.

— Ты иди, а мне тут по делу еще надо.

Он круто свернул в сторону, шагая через свекольные ряды. И только один раз оглянулся ей вслед. В коричневом школьном платье, с тяжелым портфелем в руках, она совсем затерялась среди грядок с ботвой. Глядя на

нее, такую издали маленькую, Митька еще раз дал себе слово никогда в жизни не обижать ее.

— Не глаза у тебя — картошины! — сердито прикрикнула бабка на Вовку.

Кричала она так потому, что Вовка принес дрова и шваркнул их прямо на чугунок с похлебкой, который бабка только что выставила из печи на пол.

Вовка в самом деле не соображал, что делал. Все потому, что, набирая возле сарая дрова, он увидел Тайку с Митькой. Все уже давным-давно вернулись из школы, а эти только еще идут. И почему-то из леса. Неужели Тайка опять что-то придумала, опять грозит чем-то Митьке? И Вовка понял, как можно восстановить настоящий полный мир со своим другом.

На другой день он пришел к школе пораньше и стал поджидать Тайку. Он решил узнать, что замыслила та против Митьки, и уж если опять какую-нибудь гадость, то пускай пеняет на себя.

Но все получилось совсем не так, как представлял себе Вовка. Тайка не захотела ему отвечать, а когда он пригрозил, что отлупит ее, она презрительно усмехнулась и повернула прочь. Вовка дернул ее за рукав. Что-то треснуло. И тогда Тайка размахнулась и залепила ему оплеуху. Тут Вовка рассвирепел, тем более что краем глаза заметил подбегавшего Митьку. Но не успел он даже рук протянуть к Тайке, как подлетел Митька, толкнул его и оба покатались по земле.

Ничего не понимающий Вовка плохо сопротивлялся и скоро лежал на лопатках, а Митька сидел на нем верхом, смотрел на него и не знал, что делать. Он медленно встал, отряхнулся и медленно пошел в школу.

— Вот здорово дал!

— Вот это дружки-приятели!

— За что он тебя? — набросились на Вовку ребята, свидетели драки.

— Эх ты, он тебе раз-раз, а ты как баран вытаращился и хоть бы что, — больше всех беспокоился Петька Конопатый. — Я бы ему так дал, живо с копыток долой.

— Отстань, — попросил Вовка.

— Может, из-за матери чего, тетки Натальи, а? — не унимался Петька.

— Уйди, говорю.

— А то что — ударишь, может?

— Будешь приставать — ударю.

— Ха. Один такой ударил, потом целый день косточки собирал.

Вовка нехотя двинул Петьке в скулу.

Теперь уже Вовка был наверху, когда они с Петькой, наволтузив друг друга, лежали на земле.

— Пусти, — сказал Петька.

— А будешь еще?

— Не буду.

— То-то.

Вовка отпустил его, но радости от победы не было, хотя ребята и поздравляли его: Петьку не любили.

Все уроки он просидел как пришибленный: ни разу ни к кому не повернулся, ни разу ни с кем не заговорил.

После уроков он увидел, что хоть и по отдельности — впереди Тайка, за ней на приличном расстоянии Митька — но оба идут к лесу, хотя все нормальные люди ходят через овраг. Припомнил Вовка и вчерашнее, и то, как сегодня полез Митька с ним в драку из-за Тайки. Припомнил даже, что на уроках Митька вертел головой в ее сторону... И вдруг его ошеломила мысль, что Митька влюбился. Еще немного... и Вовку обуяла зависть. Да-да, он прекрасно понимал, что зависть. Стало быть, Мить-

ка способен на такое, а он, Вовка? Ну нетушки, он докажет Митьке, что и он тоже не лыком шит. Подумаешь, дело большое — влюбиться.

Наскоро пообедав, он выскочил на улицу и первой, кого увидел, была Шура тетя Пашина. И хотя она была на целых два года старше его, Вовка понял, что именно в нее он сейчас должен влюбиться, а то не дай бог влюбится кто другой, и кто тогда ему достанется? Или, еще не хватало, в чужую деревню бегать?

Он подошел к Шуре и, хотя спина у него вся взмокла, с небрежным видом предложил:

— Пойдем прогуляемся. В... в лесочек.

Шура с удивлением посмотрела на него.

— Гуляй себе, если делать нечего, а мне некогда.

Чувствуя, что его планы рушатся, в последней степени отчаяния он подхватил палку, валявшуюся у дороги, и дрожащим голосом сказал:

— Не пойдешь — отлуплю.

Шура засмеялась и пошла домой. Вовка чуть не заревел от досады, но, к счастью, увидел Катю.

— Кать, ты куда торопишься? — заискивающе спросил он.

— В МТС. Там, говорят, дрожжи привезли.

Дорога в МТС шла лесом. Вот это повезло, так повезло.

— Возьми меня с собой, я тоже пойду. Бабка жаловалась, что дрожжей нет у нее.

— Пойдем. Дорога не купленная, — сказала Катя.

Она была маленького росточка и совсем не похожа на тех, в которых влюбляются. Но ведь умудрился же Митька влюбиться в Тайку, чем она лучше Кати. А Катя не хуже, вот только что маленькая очень, даром что в одном классе учатся.

— Давай с тобой дружить, — сказал Вовка.

Катя порозовела: она правильно поняла это предложение.

— Давай, — согласилась она. — А ты мне портфель носить будешь?

— Зачем?

— Как зачем? Я какой-то фильм видела, там девчонка с мальчишкой дружили, и он за ней портфель носил.

— Вот еще не хватало.

— Тогда какая это дружба? И еще цветы ей в комнату кинул. Ты в комнату не кидай, а то мама заругается, а ночью тихонько, чтоб никто не видел, положи на крыльцо. Я утром встану и сразу догадаюсь, что это ты положил.

— За-зачем? — обалдел Вовка.

— «Зачем-зачем», — удивилась Катя. — Ясно, зачем.

Но Вовке совсем не было ясно, и он приуныл. Одно дело — быть влюбленным, и другое — быть посмешищем для всей деревни.

— Ты... чтоб ни с кем без меня не ходила, — рассчитывая, что это ей не понравится, сказал он.

Но она покорно кивнула головой.

— Хорошо.

— Ни с кем. Ни с ребятами, ни с девочками.

— Хорошо.

— И в школу идешь — жди меня. Хоть я на целый урок опаздываю, ты все равно жди.

— Хорошо.

Вовка обозлился.

— Что ты все «хорошо» да «хорошо». Других слов не знаешь, так молчала бы лучше.

— Хорошо, — испуганно заморгала Катя.

— Тьфу, — сплюнул Вовка. — Ну попугай и попугай.

— А чего ты ругаешься? — пискнула Катя.

— Ничего не ругаюсь.

- Нет, ругаешься.
- Не ругаюсь.
- Ругаешься.
- Говорю тебе — нет! — заорал Вовка.
- Ругаешься, — совсем разнюнилась Катя.

Вовка опомнился, замолчал. Через несколько шагов, успокоившись, Катя сказала:

— А в кино держи меня за руку.

Ни слова не говоря, Вовка что есть духу рванул назад.

Катя что-то кричала ему вслед, но он все бежал и бежал. И когда выбежал из леса, оглянулся и не увидел ее, то весело засмеялся и, насвистывая, вприпрыжку поскакал домой. На душе у него давно не было так легко. Словно груз какой свалил.

«Пусть другой какой дурак влюбляется, а я погожу», — уже нисколько не завидуя Митьке, думал он.

IX

По утрам, просыпаясь, Митька чувствовал себя счастливым, что день еще только начинается, что все впереди. Иногда он даже ловил себя на том, что мурлычет под нос какую-нибудь песенку. Прямо чудеса с ним стали твориться последнее время: все делалось как-то легко, словно играючи. Ему никакого труда не составляло наколоть поленницу дров, целое воскресенье, не разгибаясь, копать с матерью картошку, чистить хлев, таскать воду... Даже наоборот, если ничего не делал, ему вроде бы было труднее дышать, тело становилось неуклюжим, непослушным.

— Это тебя сила распирает, растешь, — говорила мать ласково. И с грустью добавляла: — Тебе расти, мне стариться. Что поделаешь — жизнь.

Митьке становилось жалко ее, он не хотел, чтоб мать была старой, пусть всегда бы такой оставалась. Он украдкой внимательно разглядывал ее и видел, что она красивая. Не потому, что мать, а вообще... У нее такие светлые глаза, каких он ни у кого не видел. В черной каемочке ресниц они казались совсем прозрачными. Интересно, а какие у самого Митьки глаза?

Он зашел в избу и, пока матери не было, осторожно подкрался к зеркалу. Он увидел круглое лицо, нос... не курносый, не длинный, а обыкновенный нос, не хуже других, и светлые-светлые глаза в темной каемочке ресниц. У Митьки жарко вспыхнули щеки.

Он поскорее отошел от зеркала. Видел бы кто, как он любит себя, — вот стыдобушка.

Однажды за ужином мать как бы между прочим сказала:

— От Никифора письмо пришло.

— Что пишет? — охотно откликнулся Митька.

— Зовет к себе, — не сразу сказала мать.

У Митьки по-нехорошему забилося сердце. Вот оно!

Мрачный, он вышел на улицу и стал оглядываться кругом, как будто в последний раз видел все это.

Деревня Зеленый Шум расположилась на пригорке, и отсюда хорошо было видно все до самого горизонта: и подступающий со стороны огородов фиолетовый в сумерках лес и смолистая лента реки, текущей внизу. Даже шоссе Москва — Симферополь. Вернее, не шоссе, а бегущие по нему машины. Они, как жуки, сновали там вдали.

Все было хорошо знакомо, привычно с самого детства, и Митьке трудно было представить, что вдруг он не будет видеть этого. Вместо всего этого будет... а что бу-

дет? Мурашки любопытства заползали у него по спине. А чего в самом деле он боится? Не в чужую же страну уедут. Здесь дом, сюда всегда можно вернуться. И подумав об этом, Митька повеселел. Он не будет спорить с матерью. Ехать так ехать.

С пастбища возвращались коровы. Они еле-еле плелись, наполненные молоком. Митька издали узнал свою Кукусю. Она вечно тащилась где-то сбоку, заглядывала в чужие дворы. Вот и сейчас она приостановилась у дома Лысаковых, словно провожая свою подружку Чернуху.

Со своего места Митька видел, как Тая загоняла Чернуху домой, как крутился Юрочка с маленьким прутиком в руках. На Tae было какое-то светлое платье, и потому она в сумерках была хорошо видна. Митька не знал, видит ли она его, а ему хотелось, чтоб видела, и он стал громко кричать: «Кукуся, Кукуся!»

Корова тихонько направилась к дому, а Тая еще стояла за воротами, и голова ее была повернута в Митькину сторону.

И оттого что таких вечеров у него больше не будет, что Тая одна будет выходить встречать свою корову, что туман над рекой, предвещающий хорошую погоду на завтра, не он будет видеть, Митьке снова загрустилось.

А вечером к ним пришла Вовкина бабка. Мать засутилась, схватилась за самовар, но Настасья Кузьминична строго сказала:

— Сядь, я к тебе за делом пришла, а не чаи распивать.

— Митюшке выйти? — робко спросила мать.

— Пусть останется, разговор к нему есть.

Мать присела на краешек табурета, положила руки на стол, потом убрала на колени. Митька с независимым

видом сел на лавку у окна, стал перелистывать какой-то старый журнал. Ему хотелось показать, что его не слишком интересует, какие такие дела привели к ним в дом Настасью Кузьминичну. Она сама заговорила с ним.

— Ты что ж это не заходишь? Я уж все глаза высмотрела, тебя дожидаясь.

Митька никак не ожидал такого и воззрился на старуху, не зная, что сказать. А она усмехнулась, будто всешеньки до капельки про него знала.

— Володька тот аж повысох весь. То водой не разлить было, а то на тебе... хуже врагов сделались. Враги те хоть ругаются, друг без друга прожить не могут, а тут и зпаться не хотят. За что это мы к тебе в немилость попали, а?

— И ничего не менило... и ничего в мило... — и чувствуя, что запутался, и от этого рассердясь на себя, буркнул: — Уроков много, не до гулянок.

— А-а, уроки — это понятно, это дело, — как будто поверила она. — Значит, завтра зайдешь, завтра воскресенье.

Митьке ничего не оставалось, как согласиться:

— Зайду.

— Ну вот и хорошо, я специально для тебя пирог поставлю, так уж ты смотри не обмани. А теперь оставь нас с матерью, поговорить нам надо.

— Чего она приходила? — ложась спать, спросил он все-таки у матери.

— Советовались, что с домом делать. Решили заколотить.

Значит, все. Значит, едут. Митька лежал и думал о том, что сюда они вернутся теперь, если только захочет дядя Никифор. А вот захочет ли он? Вовка, тот начнет отговаривать... Правда, не такой человек дядя Никифор.

Вот как тогда с Тасей. Уж как они, два дурака, старались убедить его, что Тая плохая, а он разве послушал их?

А все-таки почему они тогда так ненавидели ее? Неужели трудно было приглядеться к человеку внимательней? Теперь он почему-то может, а раньше где был?

Он лежал, припоминая их разговоры: что сказала она, что ответил он. До чего ж интересно с ней. Не хуже, чем бывало с Вовкой. Говорили обо всем на свете. О прошлом, о будущем.

— Ты кем хочешь быть? — спросил он как-то.

— Портнихой, — не задумываясь, ответила Тая. — Мне хочется, чтоб все люди красиво одевались.

Сорвала на ходу ромашку, показала ему.

— Вот такой бы воротничок для девочки.

Митька представил себе маленькую девочку в платье с таким воротником. Ну настоящая ромашка.

— Хорошо, — согласился он.

И она, ободренная похвалой, кивнула ему на желто-лиловые свечечки иван-да-марьи.

— Я когда вырасту, обязательно себе такое платье пошью. Для больших праздников.

И Митька тут же увидел ее взрослой. Волосы коронной уложены вокруг головы и длинное, до полу, желто-лиловое платье.

А Тая все собирала и собирала новые цветы и в каждом, самом простом находила что-то особенное: то цвет, если попадались ей, например, розовые незабудки, то строение лепестков — и заставляла и Митьку видеть это особенное. И вообще заставляла его видеть все, что она хотела.

Вырубленная для тригонометрической вышки прямоугольная площадка в лесу представлялась ей театром. Она находила и места для зрителей — длинный плоский камень. Камень лежал в густой влажной тени и весь

был покрыт толстым слоем бархатистого зеленого моха. Сидеть на нем было мягко и удобно, и залитая солнцем площадка действительно казалась сценой. Они сидели, как в театре, смотрели, ждали, и Митька, забывшись, удивлялся, почему так долго не выходят на сцену артисты.

Теперь, если случалось ему увидеть или услышать что-то интересное, он обязательно думал: «Не забыть бы Тае рассказать». И всегда, как только они расставались, он тут же вспоминал, что не успел или забыл рассказать что-то очень важное. Почему-то всегда это было очень важным, и поэтому хотелось сейчас же немедленно увидеться. Но после школы они виделись только издали, а если приходилось встретиться на деревенской дороге, то оба проходили мимо не останавливаясь, может быть, только чуть-чуть замедляя шаг.

Митька улыбнулся в темноте, вспомнив, как вчера в магазине он, увидев ее, стал поблизости, как будто рассматривая мотоцикл, а она тоже стояла, смотрела на что-то, хотя в руках у нее уже был хлеб, за которым она пришла в магазин.

Он вспомнил и свое состояние в этот момент: как будто они были связаны невидимой ниточкой. Стоило ей пошевелиться, он обязательно это чувствовал, хоть и не смотрел на нее. На душе у него стало томительно-грустно и в то же время сладко. На память пришли стихи, которые слышал недавно по радио: «Мне грустно и легко, печаль моя светла, печаль моя полна тобою». Откуда было известно Пушкину, что испытывал Митька? Неужели такое было и с ним самим? Эх, если бы он был сейчас здесь, Митька обязательно поговорил бы с ним, спросил его, отчего так бывает.

Он закрыл глаза и уснул.

На другой день мать напомнила ему:

— Обещал к Настасье Кузьминичне.

Он и сам помнил об этом, но надеялся, что как-нибудь обойдется.

Верно, Вовка не знал, что он должен прийти, потому что заметно растерялся. Митька тоже не знал, как себя вести со старым приятелем, и потому спросил первое, что пришло в голову.

— У тебя английский есть? А то я куда-то засунул свой, найти не могу.

Вовка охотно подхватился, побежал в дом.

Вышел он вместе с бабкой.

— Митюшка пришел? — обрадовалась она ему. — А я ведь пироги уже поставила. Ну садись, гостем будешь. — И первая уселась на ступеньку крыльца.

Вовка отдал учебник.

— Это что ж, и в воскресенье все уроки? — сказала бабка. — Ай да молодец. Скоро ученым станешь.

— Да нет, — смутился Митька, — это я за английским, свой затерял где-то.

— Не люблю я английский, — сказала бабка. — Будто камни во рту ворочают.

— Какие камни? — спросил Вовка.

— Послушай по радио, так услышишь. Я всегда узнаю, когда англичанин говорит.

— А немца узнаешь?

— Также не хитро. Немцы говорят — как, овечку стригут. Щелк, щелк.

Заинтересовался и Митька.

— И французский узнаете?

— Ну этот и совсем легко. А больше всего мне латышский нравится.

— А какой он?

— Легкий такой, слушать приятно. Как детишки говорят. Дети эвон как мяконько да нежненько слова вы-

говаривают. А латыши и до старости все одинаково, как дети. Очень мне нравится. Я, когда в Острове жила, у нас латышей много было.

И бабка действительно, как ребенок, что-то легко и певуче проговорила.

Митька с Вовкой рассмеялись. Засмеялась и бабка.

— Думали, я уж так совсем ничего и не знаю? А я и по-английски могу.

— Ну да, ты уж, бабушка, не привирай.

— Ит из эн дзе тэйбул, — вдруг сказала бабка.

Мальчики разинули рты, а потом так и покатались со смеху.

— Откуда ты это знаешь?

— Ну? Еще хотите? Пожалуйста: «Гуд монинг чил-дрен».

Это было страшно смешно, как бабка вдруг ни с того ни с сего заговорила по-английски.

— Ну, бабушка, ты даешь. Послушала бы тебя Нель Ивановна.

— А что, я бы с ней поговорила. — И вдруг подскочила: — Пирог-то!

Вовка с Митькой похохатывали, как в старые добрые времена.

— Это она тебя наслушалась, — сказал Митька.

— Наверное. А ведь никогда и виду не подаст, что слушает. Ох, и хитра у меня бабка.

— Хитра, — согласился Митька. Но с восхищением.

А бабка уже вынесла им пироги на чисто выскобленной дощечке.

— Здесь на вольном воздухе вкуснее будет, — пояснила она.

Вовка по ее приказу принес из погреба холодного молока, и ребята быстренько уписали душистый бабкин

пирог с яблоками, запивая его густым, как сливки, молоком.

Бабка сама не ела, только пододвигала и пододвигала им куски.

А когда пирог был съеден, как о само собой разумеющемся сказала:

— Вот как соберетесь сюда приехать, так заранее отпишите, кому какие пироги готовить.

— Мне мясные, — подхватил Вовка.

У Митьки легко вырвалось:

— А мне такие вот, с яблоками.

Сказал и испугался: этим он словно дал согласие на отъезд и на все остальное.

Но бабка будто ничего и не заметила, продолжала:

— А мне зато рыбки соленьенькой привезете. Уж больно я ее люблю, особенно с картошкой горяченькой. Ты уж, Митюха, не забудь, на тебя надежда, а то у Вовки память что решето.

Митька кивнул.

— Ну ладно, — поднялась бабка. — У меня дела, вы тут без меня обойдетесь. Ехать через неделю намечено, посидите, подумайте, что брать с собой, в чем Наталье помочь.

Бабка все проделала так ловко и незаметно, что ребята и не заметили, как остались вдвоем, и словно и не было у них длительной размолвки.

— В поезде ехать интереснее, лучше, чем самолетом, — там ничего не увидишь, кроме облаков.

— Конечно, поездом интереснее, — согласился Митька не очень уверенно, он никогда не летал самолетом.

— Ты удочки обязательно возьми. Там знаешь сколько рыбы!

— Удочки-то я возьму, а вот как быть с Мурцом. Я с ним ни в жизнь не расстанусь. А в поезд пустят?

— Если и не пустят, все равно спрячем. Он умный,— похвалил кота Вовка, — не выдаст себя.

— А куда его там спрячешь?

— Э-э, придумаем. В чемодан или еще куда.

И пока ребята решали вопрос, брать ли им все учебники или хватит по одному на двоих, калитка отворилась, и во двор — легок на помине — вошел Мурец.

Он мяукнул, как будто поздоровался, подошел к Митьке и стал крутиться возле его ног.

— Чего это он? — озабоченно сказал Митька. — Взял вдруг пришел...

А Мурец все крутился возле него, заглядывая ему в глаза и явно чего-то ожидая.

Митька встал, и Мурец бросился к калитке.

— Пойду узнаю, в чем дело, — сказал Митька.

— Я тоже? — спросил Вовка.

— Пошли.

Все стало понятно, когда они подошли к дому. Во дворе на крыльце сидел незнакомый мужчина, и тут же пристроилась собака. Увидев Мурца, собака вскочила, но Мурец, выглядывая из-за Митькиных ног, угрожающе вздыбил шерсть и зашипел. Собака отступила и даже отвернулась, как будто вдруг заинтересовалась воробьями на застрехе.

— А где хозяйева? — спросил мужчина.

— Мама на работе.

— Стало быть, ты хозяин, поскольку ты сын своей мамы, — мудроно сказал мужчина. — Говорят, уезжаете отсюда?

— Уезжаем.

— Дом продавать будете или как?

— Не будем продавать. Мы скоро опять сюда приедем.

— А мне говорили — совсем уезжаете.

— Нет, не совсем.

— Не совсем... значит, продавать не будете?

— Не будем.

— Та-ак. А зачем я приехал тогда?

— Не знаю, — сказал Митька. — Мы дома не продаем.

— Ну и неверно. Сейчас бы продали, а вернулись бы — купили. Дом без хозяина гниет.

— А мы не надолго.

— Когда мать вернется? С ней бы поговорить.

— Вечером. Только все одно.

— Обожду, поговорим, мать-то, наверное, с понятием, — сказал мужчина и полез в карман за папиросами.

Оставлять чужого человека, да еще почему-то приехавшего с собакой, Митька не захотел, тем более был уверен, что мать за это не похвалит, и потому пошел в дом с Вовкой и Мурцом.

Там он достал старый журнал «Техника — молодежи», и вдвоем стали разбирать схему транзисторного приемника. Обоим хотелось иметь маленький, так чтоб помещался в кармане, приемничек.

Но среди разговора у Митьки нет-нет да и мелькала мысль: «Вдруг мать послушает дядьку, захочет продать дом». И потому, когда слышался голос матери, Митька, а за ним и Вовка быстренько вышли во двор.

— Я сказал, мам, что мы не продаем, что опять сюда приедем.

— Конечно, приедем, что за разговор.

— Когда приедете, тогда и купите, а я за ценой не постою, — уговаривал мужчину. — В дороге деньги пригодятся.

Но мать решительно сказала:

— Не будет дома — и возвращаться не к чему, как в чужое место приезжать.

Митьке так и хотелось подойти, как маленькому, прижаться к матери. Вот она какая у него. Другая бы польстилась на деньги, поддалась уговорам, а она нет.

Проводив Вовку, он спокойно возвращался обратно. Шел мимо дома Лысаковых.

А вдруг Тая выйдет или в саду возится — заметит его. Ему очень хотелось повидаться с ней, сказать, что они скоро уезжают. После примирения с Вовкой он не только был согласен, он уже сам хотел поскорее ехать, потому что разве не здорово вместе с другом долго-долго ехать в поезде, приехать в новый незнакомый город, который и на карте-то расположился не как все — на самом верху, на самом краю земли. Как говорил дядя Никифор, «в краю полуночного солнца». Посмотреть, что это за полуночное солнце.

Но Тая не было видно, и Митька приуныл, а приуныв, подумал о том, что вот он уедет, а она возьмет да и забудет его. И ему еще нужнее показалось увидеть ее, чтоб выяснить этот срочный вопрос.

Он наклонился и стал шнуровать ботинки, косясь на окна ее дома, потом стал отряхивать брюки, потом что-то искать на земле, потом свистеть воробьям. Но все было напрасно: Тая не вышла.

Х

Вещи были собраны, билеты куплены. Завтра уезжали. Митька, не находя себе места, бродил по дому, по саду, по улице.

Так как поезд уходил ночью, то мать, чтобы лишний день не пропал, велела завтра с утра идти в школу. И он был рад этому, потому что это было похоже на отсрочку.

Из школы вышли втроем: он, Вовка и Тая.

— Пошли лесом, — угрюмо сказал Митька.

— Да ну еще чего... — начал было Вовка, но Митька так глянул на него, что он прикусил себе язык. Незвестно почему, всегда все выходило по-Митькиному.

Лес уже потемнел, был не такой праздничный и нарядный, как еще неделю назад. С деревьев пооблетели почти все листья, только на некоторых особо упорных они еще держались, но и то было видно, что держались последние деньки. Зато под ногами их скопилось столько, что ступать было мягко и пружинисто, как по матрасу.

Не слышно было пения птиц, не перекликались голоса сборщиков ягод, грибов. Лес словно притаился в ожидании зимы.

Все трое молчали. У Таи был грустный, задумчивый вид, Митька жмурился, а Вовка нетерпеливо оглядывался по сторонам, ему хотелось скорее домой. Он знал, что бабушка ждет не дождется его. Кроме того, он никак не мог вспомнить, положил ли с собой конверты с картинками от отцовских писем или они так и валяются на чердаке в его ящике.

Они вышли на «веселую» поляну, которая сегодня никак не выглядела веселой, постояли у ручья, и все так же молча пошли на дорогу. И только здесь, на подходе к деревне, Митька наконец сказал:

— В восьмой класс сюда приеду.

— А... мать как? — спросила Тая.

— Что ж она не понимает, что ли: здесь начал учиться, здесь и выпускной надо кончать.

— Так-то так. — Тая никак не решалась сказать, что ее мучило. А мучило ее не то, как отнесется к этому тет-ка Наталья, а как дядя Никифор. Слышала она в свое время, что он хотел по окончании контракта снова сюда возвратиться, так вот не передумает ли, если у него теперь семья завелась. Одному там плохо было, а теперь столько народу, где уж скучать. Но она не знала, как спросить про все это, потому что знала, что Митька еще не привычен иметь отца, а назвать «дядя Никифор» — может обидеться, вроде бы она не признает Митькиных прав на него.

И совсем уже на виду у деревни Митька, чтоб Вовка не догадался, как бы между прочим сказал:

— Хоть бы кто письмо туда написал, все ж интересно, как тут без нас будет.

— А чего, — откликнулась Тая, — я очень даже просто могу. Подумаешь, трудов-то — перышком по бумаге.

Первым был дом Таи. Ребята остановились, надо было прощаться. Митька поколебался и протянул руку. Она подала свою — шершавую, огрубевшую за лето. Но Митька взял ее, и она показалась ему маленькой, теплой, как мышка.

И опять стало невмоготу больно уезжать.

— Питши обязательно.

— Ага, — кивнула Тая.

— А ты знаешь, она ничего стала, на человека похожа, — сказал Вовка, как только они отошли от ее дома.

— «На человека похожа», — озлился Митька. — Да она здесь, может, лучше всех,

Вовка испугался, как бы они снова не поссорились.

— Так я и говорю, что не хуже других, — миролюбиво подхватил он.

— Не хуже, а лучше, — запальчиво поправил Митька. Вовка промолчал.

Кое-какие вещи перетаскивали к Настасье Кузьминичне и стали заколачивать дом. Доски и гвозди были припасены давно, но мать это дело откладывала до последнего. Наконец час наступил.

Митька никогда не слышал, как заколачивают гроб с покойником, но стук по доскам, закрывающим окна, навел именно на эти мысли. Он взглянул на мать и увидел, что она плачет. Плакала она молчаливо. Колотила обухом топора по гвоздю, а у самой нескончаемым ручейком катились по щекам слезы.

— Хорошо, что не продали дом. В любое время вернуться можно. — У Митьки сердце надрывалось от материнских слез. И он искал, что бы еще утешающее сказать ей, и, как нарочно, ничего не находил.

— А новые места всегда интересно посмотреть. Что мы, грибы какие — на одном месте сидеть!

Мать все так же молча работала, но слезы не останавливались ни на минуту.

— И дядя Никифор ждет. Надеется... — У Митьки задрожал голос.

Наталья тотчас перестала плакать, опустила топор.

— Да что ты, сынок. Это я просто давнее вспомнила. Мать, отца. Никуда они отсюда не уезжали. Здесь родились, здесь и померли. А я вот отправляюсь счастья по свету искать. Хорошо хоть не одна, ты у меня есть. И Вовка теперь еще у нас появился.

— Вовка хороший, с ним нетрудно жить, — стараясь скорее унять слезы, поддержал разговор Митька.

— Ты уж его не обижай, — попросила мать, — Отца

нет — полсироты, матери нет — круглая сирота. И не сердчай, если я его иной раз приласкаю, сам говоришь, хороший парнишка. Не хочу ему матехой быть.

Митьку передернуло от слова «мачеха». Его мать — мачеха? Мачеха — это что-то злое, вредное. Разве его мать такая? Просит «не сердчай», как будто он не понимает.

— Как приедем, форму бы ему надо новую, говорил, в плечах жмет.

— Обязательно купим, — откликнулась мать. — Тебе вроде бы не надо пока?

— Нет, и эта хороша.

— Ты уж приглядывай за ним, сынок. Что понадобится — говори. Он-то сначала стесняться будет, пока привыкнет.

— Ладно.

И они снова принялись за работу. Но теперь уже дело спорилось веселее.

Мурца пришлось оставить у бабки, потому что он ни за что не хотел прятаться ни в корзину, ни в чемодан. Он шипел, царапался, и видно было: понимает, что его хотят увезти, но уезжать не хочет.

Промучившись, ребята оставили его, тем более что дорога была трудная, да еще с пересадкой, и кот мог убежать, затеряться в чужом городе.

— Ладно, — сказал Митька. — Не хочет, не надо. Может, ему в самом деле здесь лучше: привык.

И Мурец, словно остерегаясь, чтоб ребята не передумали, на всякий случай держался подальше и только смотрел на Митьку долгим немигающим взглядом.

Было совсем темно, когда они прибыли на станцию. Пока ждали поезда, пока бабка с Натальей вспоминали,

что забыто и что придется высылать посылкой, Митька с Вовкой прошли в вокзал, постояли у газетного киоска. Как один, так и другой нетерпеливо ждали отправления. Хуже нет этих последних томительных минут, когда ты весь уже в дороге, а сам стоишь на месте. И говорить неохота, да и не о чем, и не знаешь, как убить время, а главное — нельзя показывать свое нетерпение, потому что либо прослывешь бездушным, либо пустельгой, которому все равно где быть, лишь бы плыть.

Наконец ожидание кончилось. Подошел поезд, бабушка и мать засуетились, потому что поезд стоял здесь всего две минуты. Добежали до своего вагона, быстро покидали вещи и уже со ступенек стали прощаться с бабушкой. Она поцеловала Вовку, Митьку, Наталью и снова прижала к себе Вовку и стояла смотрела вслед уходящему поезду. Ни руки не подняла, ни шагу вдогонку не сделала.

— Тяжело ей одной оставаться, — сказала Наталья. — А смотрите, до чего крепкая — слезинки не пролила.

На другое утро приехали в Москву. Перебрались на Ленинградский вокзал, с которого уходил поезд на Мурманск, и тут выяснилось, что ждать им до самой ночи.

— Эх, — досадовала Наталья, — целый день теряем.

— А мы за это время Москву посмотрим, — сказал Митька.

— А Москва — это вам не Орел, заблудитесь. Сидите здесь, целее будете.

Полдня проторчали на вокзале. Но к счастью, появился человек с трубой, в какую на пароходах капитаны отдают приказания на берег, и стал уговаривать пассажиров поехать на экскурсию по городу. Мать по-

дошла поближе, стала расспрашивать. Узнала, что отсюда поедут на специальном автобусе и на нем же приедут обратно на вокзал. Узнала, что и цена подходящая. И после этого, решившись, отпустила ребят посмотреть Москву.

Сначала оба ахали, охали, толкали друг друга локтями в бок, но потом примолкли и только смотрели, не отрываясь от окна. В глазах мельтешило от людей, машин, домов. С неба сыпал и сыпал серый, нудный дождь. Чувствовалось, что за окном холодно. Лица у людей были некрасивые, замерзшие. Митька смотрел на бесконечные толпы торопливых людей и жалел их: живут тесно, как в муравейнике, никто никого не знает, все чужие. Вон какая-то тетка уронила сверток с пакетами, наклонилась, и сразу вокруг нее возник водоворот: толпа разделилась и, изгибаясь, обтекала ее, не останавливаясь. К маленькому стеклянному ларьку выстроилась длинная очередь, а в ларьке, кроме газет, ничего не было видно. «Ну и ну», — дивился про себя Митька.

Красная площадь, где остановился автобус и где им предложили выйти, показалась совсем не такой, как представлялась. Когда ее показывали в кино или на фотографиях в журналах, она выглядела огромной и пустой. А на самом деле была не длиннее их улицы, и на ней тоже двигались машины, шли люди...

Понравилось им только на Ленинских горах, потому что было там мало народу и много зелени. Но и то было все чересчур аккуратненько, по-нарочному: деревья, как солдатики — все одинакового роста и толщины, дорожки — асфальтовые, ни одна травиночка не пробьется.

А в общем оба были рады, когда экскурсия окончилась. Оба были как глухонемые: ничего не слышали, и говорить тоже не было сил.

С трудом боролись они с дремотой, чтоб не уснуть и не опоздать на поезд.

Зато, когда наконец в первом часу ночи объявили посадку и ребята, нагруженные вещами, дотащились до вагона, они забрались на свои верхние полки и мигом засопели, не слыша ни шумящих пассажиров, ни криков сердитого проводника. Вовка, тот аж даже начал похрапывать.

Перед самым отходом поезда в купе вошел в морской форме молоденький лейтенант. Он вежливо поздоровался с Натальей. Та не понимала в воинских званиях, но отделанная золотом форма, погоны и кинжальчик на боку внушили ей уважение, и она стеснительно подумала о своем негородском виде.

— До Мурманска едете? — спросил он ее.

— До Мурманска.

— Значит, попутчики. А это ваши? — кивнул он на верхние полки.

— Мои. — Наталья хотелось поговорить, расспросить о Мурманске, узнать, что там и как. Одно дело — когда об этом говорил Никифор, и другое дело — посторонний человек. Никифор такой... ему везде хорошо. Но говорить сейчас ночью ей показалось неудобным, и она отложила разговор до завтра.

Утром, как только Наталья открыла глаза, ее взгляд встретился со взглядом морячка. Митька с Вовкой еще спали, и Наталья, потому что все равно делать было нечего, осталась лежать.

— Как спалось? — спросил морячок.

— Спасибо, выпалась. — И только хотела завести разговор о Мурманске, как морячок спросил:

— Как там жизнь, в Мурманске? Я вчера еще хотел с вами поговорить, да поздно было.

— А вы разве не тамошний? — удивилась Наталья. — Я-то думала вас порасспросить, сама первый раз еду.

— Да ну? И я первый. Вот кончил училище и еду.

— Говорят, холодно там, ночи длинные.

— Это что... Говорят, шторма там сильные. Ледовитый океан как-никак.

Оба задумались.

Целый день ребята не отрывались от окна. Удивляли сопки и то, что на сопках снег, хотя в этом году он еще не падал — значит, сохранился прошлогодний или вообще он здесь не таял. Удивляли болота, покрытые клюквой. Братъ, что ли, ее здесь некому? И лес — чахлый и только местами похожий на настоящий лес.

Вовка, хоть и давно это было, все же ездил в дальнем поезде, а Митьке довелось впервые, и поэтому он, стараясь, правда, не подавать вида, заробел и охотно подчинился Вовке. Тот ему показывал, и как двери открывать, и как свет гасить, и Митька овладевал всей этой вагонной наукой, а потом показывал матери, которая робела еще больше его. Она тоже никуда, кроме как в Орел, в своей жизни не ездила. А что Орел! Два часа на поезде — и все. Митька и то несколько раз туда ездил. И с матерью, и с классом на экскурсии разные.

Лейтенант их нашел себе товарищей и пропадал в чужом купе, и они всю дорогу так и ехали втроем. Наталья нервничала, часто покрикивала на ребят. А ребята ничего не могли поделать, хоть и старались не сердить ее. Они то громко хохотали, то затевали возню, а один раз

и всерьез наградили друг друга подзатыльниками. Ох, скорее бы приехать!

И вторую, последнюю ночь каждый из них не раз просыпался, боясь проспать, и, просыпаясь, будил других, потом снова все засыпали и опять просыпались, так что казалось, долгой бессонной ночи не будет конца.

Но утро все-таки наступило. А когда без всякого интереса и удовольствия напились чаю, поезд наконец стал подъезжать к Мурманску.

Ребята вышли в коридор и влипли в окно. Рядом с ними стоял лейтенант. Он то и дело вытирал лоб большим белым платком, и на лице его то появлялась улыбка, то непонятно почему он хмурился.

Поезд замедлил ход и подползал к городу так медленно, что можно было успеть рассмотреть его.

Дома здесь расположились на сопках один над другим. И так как еще не совсем рассвело и во многих окнах горело электричество, то невысокие дома казались гигантскими небоскребами.

На другой стороне, если смотреть в окно купе, виден был залив. Там стояли корабли. Трубы у них дымились, словно это тоже были дома, только морские. А на одном корабле ребята даже разглядели повешенное на веревках белье — полосатые рубахи, полотенца, трусы...

Для Митьки все это было так непривычно, диковинно, что он пришел в лихорадочное возбуждение и то и дело перебегал из купе в коридор, тормозил Вовку и не замечал, что мать сидит блее снега, покусывая ставшие синими губы.

Лейтенант зашел взять вещи и увидел ее.

— Ребята! — испуганно позвал он. И только тогда Митька увидел мать. Ему показалось, что мать сейчас упадет, что произойдет что-то ужасное, и он пронзительно, словно сзывая на помощь, закричал.

Забегали люди, запахло в купе мятой, и мать наконец улыбнулась бескровными губами:

— Ничего. Просто сомлела немного, новая жизнь испугала.

Дядя Никифор казался спокойным, но голос его вздрагивал, когда он командовал кому что брать, куда идти.

Вышли на площадь перед вокзалом, где стояла густая очередь на такси, но кто-то из вагона узнал мать, и их пропустили вперед.

— Улица Нагорная, — сказал Никифор водителю, и машина тронулась.

ХІ

Мурманск поражал широкими, открытыми всем ветрам улицами. А ветры в городе были часты. И если они дули с моря, от порта, то в городе остро пахло соленой рыбой и рогожей, как пахнет в очереди за воблой. Если же дуло с сопок, то нагоняло комаров и мошек, и город заманчиво пахнул ягодой морошкой.

— «Зов тундры», — назвал однажды этот запах Вовка.

— Почему?

— Мама так говорила. Никогда не помнил, а вот запахло — и вспомнил. Она у меня саами была.

— Это что такое? — не понял Митька.

— Народность такая. Не слышал, что ли? Их еще раньше лопарями звали.

— Не слышал.

— Здесь даже станция такая есть — Лопарская. А мама хоть и в городе жила, а все по тундре скучала. Меня все обещала в стойбище свозить... — глаза Вовки тоскливо побежали в сторону.

Митька ничего не сказал. Что тут скажешь.

Здесь в Мурманске у Вовки нашлись старые друзья, и он как бы заново знакомился с ними, проводил с ними целые дни. Митька не обижался, не до того было: он до гуда в ногах ходил по городу и все не мог найти.

Город вроде бы и не такой большой — Митька в первые же два дня обегал его, но...

— Город — это люди. Дома что — дома в разных городах могут быть разными, могут быть похожими, в одном из камня, в другом деревянные, в одном, как дворцы, в другом, как избы. Присмотришься к ним, привыкнешь... А вот люди — они живые, они бок о бок с тобой и сегодня, и завтра, и через год, и от них тебе хорошо или плохо в городе.

Вот выпорхнула из музыкального училища стайка девушек. Они всегда — заметил Митька — держатся особняком, смеются, что-то стрекочут и ведут себя так, как будто, кроме них, никого нет. Митьке нравились они — веселые, красивые.

То пройдет по улице группа ненаших моряков. И казалось странным, что вот ходят люди, вроде бы похожие на всех, а чувствуют и думают не так, как все. Это было видно по тому, как они вдруг все враз останавливались и рассматривали, а то и фотографировали какой-нибудь самый обыкновенный дом или старушку с кошелкой в руках. Или вдруг опять всей группой поворачивались за какой-нибудь девушкой и что-то, смеясь, кричали ей вслед на непонятном языке.

Люди, а не дома делают город городом. Город Мурманск делают моряки. Множество моряков. И военные с погонами на плечах; и торговые, дальнего плавания без погон, но с золотыми нашивками на рукавах; и моряки рыболовного флота — те уже без всяких знаков различия, но тоже в морских кителях; и курсанты мореходных учи-

лиц — их в Мурманске целых два: высшее и среднее. Митька успел это узнать.

Особенно нравилось ему, забравшись на сопку, где вилась шоссе́нная дорога под названием «тещин язык», рассматривать порт. Кораблей в порту было невиданное множество. На многих — иностранные флаги, и часто отсюда слышалась музыка. Заморские певцы все как на подбор были с хриплыми голосами, и Митьке казалось, что голоса эти простудились за время плавания. Ему хотелось говорить так же гортанно и хрипло, потому что это значило бы, что и он тоже побывал в дальних странах.

Словом, Митька заболел Мурманском. Он забыл сейчас все: уроки, деревню, ребят, Таю. Ему просто некогда было о них вспоминать. Мать не трогала его: она сама все никак не могла привыкнуть к незнакомой городской жизни, к тесноте квартиры. Она ходила какая-то потерянная, глаза у нее иногда были красные, как будто она плакала. Как нарочно, дядя Никифор, встретив их, через день ушел в море.

На лестничной площадке, кроме их, было еще две квартиры. В одной жила большая шумная семья. Вечно кто-нибудь из малышей барабанил в дверь или, дотянувшись до звонка, разыгрывал такие трели, словно где-то случился пожар.

Но в той квартире, что напротив, было малоллюдно. Изредка выходила молодая женщина с хозяйственной сумкой или портфелем, а один раз вышел военный моряк. И все. Больше из этой квартиры не выходил никто.

Митька уже про себя решил, что это бездетная квартира, и потому удивился, когда однажды он вышел на

площадку и увидел на пороге этой квартиры девочку. Девочка была очень бледная, очень высокая. Она взглянула на Митьку своими блеснувшими в полутьме глазами и спросила:

— Ты в этой квартире живешь?

— Да.

— Ты Дима?

Митька не сразу сообразил, что «Дима» — это тоже его имя.

— М... м-да, — ответил он.

— Ты не смог бы помочь мне? Если, конечно, не очень торопишься, — спросила девочка и отодвинулась в глубину квартиры.

— Пожалуйста, — Митьке захотелось быть таким же вежливым, как и она.

— Понимаешь, я долго болела, ослабла... никак не могу достать книгу, голова кружится.

В большой комнате, куда вошел вслед за девочкой Митька, вдоль всех стен от пола до потолка шли полки, и на каждой полке — книги. Пожалуй, Митька нигде не видел столько книг. Их, наверное, было больше, чем в их школьной библиотеке.

Возле одной стены стояла небольшая лестничка. Митька влез по этой лестничке и достал книгу, на которую ему указала девочка. Книга была очень толстая, тяжелая, с золотыми буквами на корешке и обложке и называлась «Всемирная история».

Он с уважением посмотрел на девочку. Надо же, никто не заставляет человека, а она сама добровольно читает такие книги.

— Спасибо, — сказала девочка. — Давай с тобой познакомимся: меня зовут Кира. Ты любишь книги?

Митька постеснялся сказать, что он абсолютно равнодушен к ним, и кивнул головой. Но кивнул так, что

это не было похоже ни на «да», ни на «нет». Кира сама решила, что это означало «да».

— Вот на этой полке — вся художественная. Выбирай, что хочешь. Наверное, не читал еще Жоржа Сименона: только что вышел.

Она предлагала ему и другие книги, говорила что-то, а он смотрел на нее, и, странное дело, она казалась ему почему-то знакомой. Он знал, что никогда не встречал ее раньше, и все равно казалось, что встречал. Кира говорила спокойно и рассудительно, как взрослая, и даже то, как она говорила, было Митьке знакомым. Удивительно!

* * *

Шло время.

Пообвыкнув, Митька уже реже носился по городу. Без завистливого гула в сердце смотрел и слушал жизнь порта. А двойка по алгебре напомнила ему вскоре, что есть такие дела, как домашние уроки, и заставила сесть за учебники.

Иногда вечером они втроем — с матерью и Вовкой — ходили в кино или смотрели телевизор, который мать недолюбливала, считая, что он портит глаза.

Она вроде смирилась с новой жизнью, похоже, думала, что осели они здесь надолго, потому что, когда вернулся с рейса дядя Никифор, стала уговаривать его устроить ее на работу.

— Да куда я тебя устрою, — отнекивался он. — Ты ж привыкла к вольному воздуху. На рыбзавод, что ли, пойдешь?

— А хоть и на рыбзавод. Не могу я сложа руки сидеть, сил нету, — сердилась Наталья.

— Как это сложа руки? — возмущались мальчишки. — Целый день работаешь.

— Разве это работа? Такую работу день и ночь работай, а все без толку. Нет, не могу я так, не по мне это...

— Побольше ей внимания уделяйте, когда меня нет, — наказывал дядя Никифор. — В кино ее хоть иногда водите.

— А мы водим, — отвечал Митька.

— Гуляйте с ней.

— Она в магазины ходит, на рынок.

— Надо как-то дотерпеть до весны, весной обещали мне путевку в санаторий для нее.

— Не поедет она, — сказал Митька.

— Знаю, потому и беру на двоих, вместе поедем. Не захочет — силой увезу. Полечиться ей надо.

— Вот хорошо! — обрадовался Вовка. — А мы вдвоем останемся. Правда, хорошо? — спросил он Митьку.

— Не надейтесь, — сказал дядя Никифор. — Я вам какую-нибудь старушку сосватаю, чтоб глядела за вами.

— Нашел маленьких, — обиженно загундосил Вовка. Митька рассудительно заметил:

— Старушка даром не пойдет. Что мы, обед себе не сварим? Или дверь запереть забудем?

— Через три года паспорт получать, а тебя все ребенком считают, — подсказал Вовка.

Дядя Никифор замахал руками.

— Погодите, погодите! Еще и путевки никакой нет, а вы уже... Вы вот что — старайтесь, учитесь как следует, за матерью ухаживайте, тогда и видно будет, какой вы народ — самостоятельный или не очень, можно вас одних оставить или нет.

Попозже спросил:

— Скучаете по деревне?

— Не-а, — за двоих ответил Вовка,

Без интереса, но Митька все же одолел Жоржа Симеона: надо же было отдавать книгу.

Кира предложила ему взять еще что-нибудь. Он не решился отказаться и попросил «про путешествия».

— Вот замечательная книга, — сказала Кира и дала ему книгу «По нехоженой земле».

Книга и верно оказалась замечательной. Митька не только сам прочитал ее, но предложил и Вовке. И когда снова пришел к Кире, уже сам попросил еще что-нибудь такое же.

Так он и не заметил, как стал постоянным читателем Кириной библиотеки.

Теперь бывало, что он не только слушал Киру, ее советы, но и спорил иногда с ней, доказывая, например, что книги стоит читать только о путешествиях, ну и некоторые исторические, вроде «Степана Разина».

— Нет, — не соглашалась Кира. — Ты рассуждаешь... по-детски. Тогда ничего не надо — ни музыки, ни живописи, ни кино. Ты же ходишь в кино? А зачем?

— Зачем... там жизнь показывают.

— Хорошие книги тоже жизнь показывают. Зато книга всегда с тобой — и когда ты болен, и когда в дороге. Нет, ты просто не думал об этом, потому так и говоришь.

Честно признаться, Митька был согласен с Кирой, но уж очень ему хотелось доказать ей, что у него тоже есть свое собственное мнение, чтоб она не считала его за глупого. По этой же причине ему нравилось рассказывать ей о том, чего она не знала. А не знала она порой самых простых вещей, которые у них в деревне знал любой малый ребенок.

Как она удивилась, когда узнала, что хлеб зимует

под снегом. Она сначала не верила, думала, что Митька смеется над ней.

— Ведь хлеб сеют весной, — стояла она на своем. — Вон и в газетах пишут: «Проведем весенний сев в срок». А никогда не видела «проведем зимний сев».

— Не знаю, как там в газетах пишут, а только яровые сеют весной, а озимые осенью. О зиму сеют, понимаешь?

И это объяснение как-то сразу убедило Киру.

— Надо же, я ведь сто раз слышала «озимые, озимые», а ни разу не задумалась, почему они так называются. А как же снег, мороз? Не вредно для зерна?

— Когда снег — это хорошо, он зерно прикроет — никакой мороз не страшен. А вот если снега нет, тогда беда. Вымерзает хлеб. Тогда весной землю под яровые перепахивают.

Однажды, когда они одновременно вышли из своих квартир, она спросила:

— Ты гулять или по делу куда?

— Так просто, — ответил он.

— Если тебе все равно куда идти, проводи меня. Мне надо к маме на работу.

Сначала Митька немного испугался: провожать девочку. Но она сказала об этом как о самом простом деле, словно это по-городскому ничего не значило, и, боясь показаться деревенщиной, а еще потому, что это было ему приятно — идти с ней, он молча зашагал рядом.

Они шли по сырому городу, по хлюпающему после первого снега асфальту. Было промозгло, и Митька поежился в своем коротком пальтишке. Кира после болезни была одета тепло, уже по-зимнему. Из-под капюшона,

отороченного белым мехом, виднелись темная челка и темные блестящие глаза. И Митька видел, как прохожие, все как один, смотрят на Киру, а некоторые даже поворачивают голову вслед за ней. А она идет себе и спокойно разговаривает с Митькой, как будто ничего не замечает. А может быть, и в самом деле не замечает. В общем, здорово это у нее получается.

У одной витрины с платьями Кира остановилась.

— Смешно, право: платья для взрослых, а фасон детский.

И вдруг в ушах у Митьки тоненько зазвучало: «Я когда вырасту, обязательно стану портнихой. Я всем-всем буду шить красивые платья». Сразу стало тревожно, словно обронил или потерял что-то очень нужное.

Но Кира позвала его дальше, потом они спешили перебежать дорогу перед колонной моряков, и Митька отвлекся, забыл минутную горечь...

Опять побежали дни за днями. Ребята втянулись в школьную жизнь, подружился со своими одноклассниками, приобрели врагов из параллельного седьмого, и не верилось, что учатся они в этой школе всего-навсего три месяца.

И вот тогда, когда начало казаться, что все прошлое давно позади, когда новое перестало быть новым, а стало привычным, будничным, тогда и случилось это...

После школы сидели за столом и, ожидая обеда, делали уроки. Вовка писал сочинение, что-то шептал про себя, черкал... Мать возилась на кухне, брэнчала посудой. А потом из кухни потянуло знакомым. Митька насторожился, приняухался. Пахло жареной рыбой. Но здешняя рыба пахнет по-своему, а у этой был нежный речной запах.

И сразу припомнилось, как, бывало, мать жарила на

загнетке карасей, которых приносил он с Вороны, как крутился возле его ног, жадно урча, Мурец, как отлично было, назябнувшись на реке, разуться, прошлепать босиком по чистым, сухим половицам, ощущая каждой жилочкой, как вливается в тебя домашнее тепло... И Вовка там был не такой, как здесь. Там они вместе гоняли по лесу, вместе с ребятами прятались вечером за гумнами, чтоб подольше не идти домой. Вспомнился Ваня, который всегда первым вылезал из убежища, а ребята всегда ругали его за это... Вспомнилась Тая. Как стояли они тогда на берегу ручья, и в ручье было видно царапину на коленке. Как вечерами загоняли они коров по домам. И воздух был теплый, пропахший парным молоком. А в сумерках светилось Тайно платье...

Он очнулся и увидел, что сидит, уставившись в окно. Вовка все так же строчит в тетради. А за окном небо — серое, низкое, как крыша. И как через худую крышу льет бесконечный тягучий дождь.

Откуда-то на Митьку свалилась тоска. Она ныла в груди, как ноет больной зуб. Он встал, прошел по комнате, заглянул к матери на кухню, выпил воды. Тоска не проходила. Тогда он вырвал из тетради листок и подвинул к себе чернильницу.

— Сочинение? — озабоченно спросил Вовка.

— Ага.

Здравствуй, Тая!

Как вы все там живете? Ты извини, что долго не писал, все некогда было. Теперь я уже на все посмотрелся и ничего мне уже больше не надо. Эх, были бы у меня крылья, полетел бы домой. Как там у нас все? Какие изменения? Ты мне все подробно опиши, мне здесь про все интересно знать. Вернулся ли твой отец? Еще тебя прошу — узнай у Вани, нашел ли он крючки в коробке от монпансье, которые я ему под крыльцо засунул, когда уезжал. А то, может, они там все заржавели. И еще просьба: сходи к бабушке Настасье, узнай все про Мурца, а то она письмо прислала, а про

него ни слова, как будто его и на свете нет. А может, он от нее сбежал? С ответом не задерживай и пиши побольше. Всем ребятам привет. А если кто хочет — пусть мне напишет, я сразу отвечу.

Дмитрий. 22 октября 1966 г.

Он выбежал на лестницу, чтоб поскорее отправить письмо. В это время на лестницу вышла Кира со своим отцом — морским офицером. И наверное, оттого что они были вместе, Митька вдруг сразу узнал их. Это были те пассажиры с поезда, которых он видел у себя на станции, когда торговал ягодами. Митька так растерялся, что забыл поздороваться, Кира сама сказала:

— Папа, вот это и есть Митя.

— Очень приятно, будем знакомы, — сказал Кирилл отец и протянул руку. — Михаил Николаевич.

— Дмитрий, — едва шевеля пересохшими губами, сказал Митька.

Они вместе вышли на улицу и тут расстались.

— Заходите в гости, будем рады, — приветливо сказал Михаил Николаевич. Они с Кирой свернули в боковую улицу, а Митька пошел прямо, к почте.

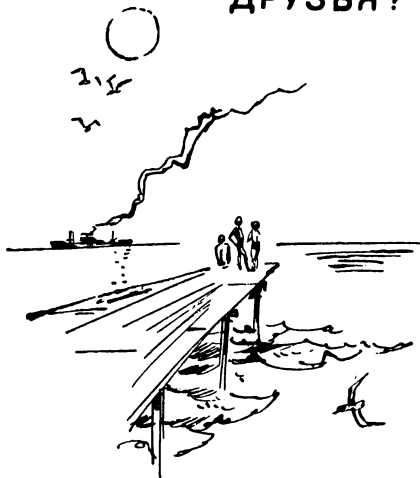
Но это только так говорится — пошел, потому что Митька не шел: его ноги едва касались земли. Он прекрасно понимал, что сейчас с ним случилось чудо. Думал ли Митька полгода назад, когда глядел на них с пыльной платформы, что будет жить с ними в одном городе? А теперь не то что в одном городе — в одном доме живет, дружит с Кирой, ходит к ней за книгами. Значит, не превелись чудеса на свете? Значит, впереди у Митьки возможны тысячи чудес? А может, они уже были, только он не понял, вот как с Кирой? Ну, конечно же! Разве не самое главное чудо, что ему повезло родиться здесь? А родись он в каком-нибудь Париже, разве знал бы он всех, кого он знает? Знал бы он, что есть такое место —

маленькая деревенька в Орловской области — Зелены Шум? Самое лучшее в мире место.

С завтрашнего же дня Митька начнет собирать макулатуру, кости там разные, чтобы летом во что бы то ни стало поехать туда.

И оттого что это непременно так и будет, ему захотелось закричать на всю улицу, на весь белый свет. Но... не больной же он — кричать. И тогда Митька свистнул, сорвал шапку, крутанул ею над головой и прямо по лужам помчался вперед, размахивая синим конвертом.

ГДЕ ВЫ,
ДРУЗЬЯ?

I

— Хоть свет мальчишка повидает, — укладывая в чемодан белье, сказала мать.

— Свет! Свет — это люди. А он с людьми жить не умеет.

— Интересно, что ты имеешь в виду? — подняла голову мать.

— Только то, что сказал.

Отец посмотрел на Генку:

— Ну-ка скажи, сколько у тебя друзей?

— Где, в классе?

— В классе, дома.

Генка стал вспоминать. В классе? В классе... был Юлиан Виноградов, вместе в шахматы играли, так он уехал. С Вовкой Козлом недавно поссорились. А про двор говорить нечего. С кем дружить? Взять того же Костьку — хулиган. Никита, тот вечно своими братьями занят. Остальные мелюзга, в счет не идут.

— Ну вот, — сказал отец, — а я о чем говорю? Парню двенадцать лет, а он вспомнить не может, есть ли у него друзья.

— Мне кажется, повышенное требование к дружбе у ребенка...

— «Повышенное»! — усмехнулся отец. — Ладно, пусть едет, может, чему-нибудь научится. Сомнительно, правда.

Станный отец. Сначала он ни за что не хотел, чтоб они на курорт ехали. «И здесь летом люди живут, не жалуется». Генка же, узнав, что они поедут к Черному мо-

рю, до смерти обрадовался. Только сейчас он понял, как скучен и неинтересен их маленький северный городок. Там пальмы, эти... как их, эвкалипты. А тут... Генка посмотрел в окно.

— Что ты все дома сидишь? — сказал отец. — Вон погода какая, иди побегай хоть.

— Мам, я пойду? — спросил Генка.

— Иди, только далеко не уходи.

Никитка со своими братьями, которые попадались на каждом шагу, так что Генка никак не мог сосчитать, сколько же их, сидел на лавочке и читал вслух. Двое малышей тесно прилепились к нему, остальные копошились в песочнице.

Огненно-рыжие, крапчатые от веснушек, они напоминали крепенькие грибы подосиновики. Никита был очень похож на своих братьев, только волосы словно выпцвели со временем, стали бледнее.

Тут же сидел Витька с третьего этажа, слушал Никиту. Генка подошел.

— Едешь? — спросил Никита.

— Еду.

— Моих бы тоже надо куда-нибудь вывезти. — И тут же крикнул в песочницу: — Не бери руки в рот — глисты заведутся!

Щуря глаза, руки в карманы, подошел Костька:

— Поехали на Ягры, купнемся разок.

— Холодное еще море-то, — несмело отозвался Витька.

— Эх, вы! — Костька сплюнул и опустился на скамью. — Едешь? — спросил он у Генки.

— Еду.

— Ну ехай-ехай.

Помолчали.

— Махнем завтра в лес, — предложил Костька Ни-

ките. — Забирай своих пацанов, чего хорошего им в песке возиться.

— Деревьев бы у нас насадить, кустов, — мечтательно сказал Никита. — Вон в тридцать третьем доме... как парк все равно.

— Неплохо бы, — поддакнул Витька и вдруг испуганно покосился на Костьку: может быть, что не так ляпнул.

— Все население на озеленение! — фыркнул тот. — Ну-ка, Генка, принеси капроновую нитку.

— Зачем?

— Значит, надо. Змей запускать будем.

Капроновую нитку. А если самому понадобится? Да и мать не даст для Костьки.

— Нету капрона. Весь вышел.

— Жадина. — Костька посидел, подумал и вдруг больно ударил Генку по затылку.

— Ты что дерешься? — вскочил Генка.

— Беги мамочке пожалуйся.

— Хватит, ребята, что вы как маленькие, — примиряюще сказал Никита.

Костька встал.

— Сидите как приклеенные, смотреть противно. Так поедем завтра в лес? — спросил он опять Никиту.

— Поедем. Сегодня все приготовлю с вечера, утром пораньше и поедем.

— Пока.

Костька овиствнул и куда-то умчался. На Генку больше не взглянул. А отец еще спрашивал, сколько у него друзей. С кем дружить-то?

Билетов отец не достал. Мать расстроилась и сама пошла к начальнику вокзала. Принесла два билета и торжествующе показала отцу,

— Вот. Все можно достать при желании.

— А что другие желающие сказали?

— А зачем я им буду докладывать? — вопросом на вопрос ответила мать.

— По-моему, если ничего плохого не делаешь, скрывать нечего.

— Ох, хватит! — Мать взялась за голову. — Как будто я для себя стараюсь. — Она посмотрела на Генку.

Конечно, мама для него старается. Всегда для него.

Не доезжая Орла, сошли на небольшой станции. Недалеко от нее жили мать и сестра отца. Генка не помнил ни бабушку, ни тетку: ему было пять лет, когда они вместе с отцом приехали сюда.

Вещи оставили на вокзале, а сами с маленьким чемоданчиком пешком направились в деревню. Узкая тропинка, бегущая в стороне от проселочной дороги, капризно изгибалась: то подымалась на пригорок, то сбегала в лощину, то подводила к дереву, у которого так и манило посидеть, послушать, как звенят кузнечики.

— Вон уже и деревня видна, — сказала мать.

— Где? — Генка видел впереди только кущу деревьев.

— В тополях спряталась. Домов там с десяток — не больше.

Скоро Генка услышал лай собаки, мелькнула среди деревьев белая рубаха или кофта. В самом деле — деревня.

Бабушка почему-то заплакала, утираясь концом головного платка, причитала:

— Большой какой Геночка стал. Маленький как ко-
лобочек был, а сейчас чего-то лядащенький.

— Возраст такой, — заметила мать. — Тянется. А Си-
ма где?

— На ферме, где ж ей еще. Там все пропадает.

— Я немножко пройдуся, встречу ее. А то голова с
дороги разболелась.

Мать ушла. А Генка сидел на лавке и не знал, куда
 деть руки-ноги от ласкового, внимательного взгляда ба-
бушки.

— А чего ж это Федор не едет? — тихо спросила она
у Генки.

— Папа? Он работает.

Бабушка засморкалась.

— Все работает, работает, и отдохнуть, поди, не-
когда.

— Нет, почему же, он только прошлый год отпуск не
брал, а в этом году осенью будет отдыхать.

— Сюда не надумал приехать?

— Не знаю, — Генка пожал плечами, — может, и при-
едет.

Бабушка с грустью посмотрела на него:

— Совсем ты на Феденьку не похож.

Вот те раз, а все говорили, что он вылитый отец.

...Словно ветром распахнуло дверь. Мелькнула и за-
мерла на пороге солнечная фигура. Горели волосы, пла-
тье, казалось — вот-вот вспыхнет, даже пальцы раскину-
тых рук светились, как раскаленные угли.

— Чего свет застишь! — прикрикнула бабушка.

Опустел залитый солнцем порожек. А перед Генкой
стояла самая обыкновенная девушка. Белесые волосы,
серые глаза и платье самое обыкновенное — желтое.

— Это кто ж — племянник мой? — пропел насмешли-
вый голос.

Неужели это его тетка? Еще не хватало, называть «тетей» эту школьницу.

— А мамка где?

— Она... вас пошла искать.

— Это я-то «вас»? — и залилась смехом.

Генка тоже рассмеялся:

— Все-таки... тетя.

— А раз тетя, нечего зубы скалить. — И неожиданно протянула руку: — Сима.

— Геннадий, — оробело сказал Генка. Он чувствовал, что у него от смущения словно бы распухают уши. Он не мог понять, как себя вести с этой «тетей».

Бабушка гремела чугунами в печи.

— Есть скоро будем?

— Поспеешь.

Неизвестно зачем Сима подмигнула Генке и пошла через комнату. Генка следил за ней во все глаза. Вот она замешкалась у печи, и — раз! — словно невидимая сила сдунула ее. Сразу поскучнело в избе. Даже вроде потемнело. Куда она делась?

И тут под окном послышался шорох, громкий шепот позвал:

— Генка.

Генка привстал, увидел хитрющие глаза Симы.

— Иди сюда да соль тащи.

Генка вскочил, засуетился, полез в кошелку, где лежала дорожная соль...

Цепкая рука стянула его с крыльца, потащила к огородам.

Торчали из грядок аппетитные луковые стрелки, розовела, проглядывая из земли, морковь.

Они уселись прямо на землю, и Сима отогнула подол платья, где лежали золотистые, пропеченные картофелины.

«Так вот зачем соль», — понял Генка. Он стал чистить тонкую кожицу.

— Нежный какой, — презрительно сказала Сима и прямо с кожурой откусила полкартофелины. — Мытые небось.

Генка покраснел и сердито откусил тоже с кожурой. Картошка сразу рассыпалась во рту и оказалась такой вкусной, какой Генка в жизни не едал.

Сима надергала луку и протянула ему хрустящий пучок:

— Вкусно?

— Очень.

— То-то же. Тетя Сима знает, чем дите накормить.

Генка чуть не подавился. Он обиженно взглянул на Симу и увидел, что та как ни в чем не бывало уплетает лук, беззаботно посматривая по сторонам. Вся его обида улетучилась, и он тоже стал прислушиваться и присматриваться. Густой воздух пропах укропом и смородиной. Солнце горячими лучами ощупывало землю, кожу на лице и руках. В зарослях грядок деловито сновали муравьи. С треском раскрыла свои жесткие крылышки божья коровка.

— Хорошо тут у вас, — с неожиданным для себя чувством сказал Генка.

Сима восторженно сказала:

— У вас, что ли, хуже?

— Ну, у нас... у нас город.

— А ты говоришь, — вздохнула Сима. — Кино, поди, есть.

— Кино есть, — подтвердил Генка. — Широкоэкранное. И театр есть.

— Расскажи.

— Чего рассказывать? Город как город. Ничего интересного.

— Я в Орле бывала. Пылищи там — ужас. И откуда, скажи, ее столько?

— Нет, у нас чисто.

Замолчали.

Из избы понесся над грядками напевный старушечий голос:

— Симка-а! Геня-я!

— Мамка зовет, — задумчиво сказала Сима, перебирая руками сухую землю.

— Пускай зовет, — откликнулся Генка. — Посидим тут.

Сима вскочила.

— Ты говори, да не заговаривайся, — срезала она. — «Пускай зовет»! И со своей матерью, поди, так?

Она рупором сложила руки:

— И-де-ом!.. — И побежала, прыгая через грядки.

За столом, выставленным на середину комнаты, сидела Генкина мать. Она расцеловалась с Симой, усадила ее рядом с собой.

— Выросла Серафима, совсем невестой стала. Замуж еще не идешь?

— Женихов нету, — скромно ответила Сима.

— Приезжай к нам — живо сосватаем.

— Кому нужна такая, — отозвалась бабка. — Любому скусят голову.

— Ну и что ж, что скушу, — возразила Сима. — Скушу да и выплуну. Не проглочу же.

Генка фыркнул. Мать нехотя посмеялась.

— Я думала, ты серьезно...

— Я и серьезно. Кому такая свинарка нужна?

— Кто свинарка? — спросил Генка.

— Я свинарка.

— Ты свинарка?

— Нет, ты, — сказала Сима и забарабанила ложкой по столу. — Есть-то будем сегодня?

— Цыть ты, — прикрикнула бабка и, виновато глядя на мать, сказала: — Вот и поговори с ней. Мужика-то в доме нет, и поучить некому.

Мать завертела кольцо на пальце. Генка знал, что она всегда так делает, когда волнуется.

— Мы с Федором говорили. Приехала бы к нам, устроили на завод. У нее же десятилетка.

Бабка потускнела.

— Ваше дело молодое. Пусть едет.

Генка представил, как они едут в поезде, выскакивают с Серафимой на станциях...

— Вот здорово бы! Поедем, Сим!

— Боюсь! — вздохнула Сима.

— Чего бояться? — загорелся Генка. — Знаешь, как хорошо будет! В кино будем ходить. У нас и телевизор есть.

— Да нет, я не про то... Мужиков-то с отцом двое вас... учить будете.

Генка ошарашенно отпрянул и взглянул на мать. Та опустила глаза в тарелку и закусила рубу. Серафима тоже взглянула на нее, вскочила, чмокнула в щеку:

— Я на ферму. Мы уже ели, спросите Генку.

Долго дрожали стекла в окнах.

— Балованная она у вас, — сказала мать.

— Молодая, — словно бы поправила бабушка.

Вечером Сима, тихая и присмирившая, сидела на табурете у порога.

Мать доставала из чемоданчика подарки. Бабушка получила теплый вязаный платок, в который она тотчас

завернулась, и, подрагивая плечами, по-молодому прошлась по комнате.

Генка от души веселился.

— Чего смеешься? Хороша молодуха? — спросила, посмеиваясь, бабушка. — Вот угодили на старость так угодили.

Она бережно свернула платок.

Серафиме мать протянула прозрачную капроновую кофточку.

— Это мне? — не поверила Сима.

— Тебе, тебе, примерь-ка.

— Ой, спасибо, — разглядывая кофточку на свет, сказала Сима. — Отродясь такую не носила.

— Примерь пойдя.

Сима вышла и долго не появлялась. Наконец вошла... строгая учительница, да и только.

— Сима, — убитым голосом сказала мать, — зачем же ты сразу две кофточки надела?

Сима удивилась:

— Ну а как же? Светится ж она вся.

— Хорошее белье вниз надо надеть.

— А тогда зачем кофточка? Можно в одном белье — все одно.

— В городе все так ходят, — сухо заметила мать.

— Да я что, я тоже буду. Кофточка замечательная. Можно под костюм носить. — Она посмотрела на Генку. — А можно под бельем.

Мать, кажется, ничего не заметила, а Генка отвернулся к окну, чтоб скрыть улыбку.

— Пожили бы у нас, — сказала бабушка. — Скоро вишни пойдут, сморода поспеет.

— Нет, надо ехать. У меня путевка. Три дня побудем и поедем.

Бабушка принесла кубан парного молока. Теплое,

оно пепилось, и вкус у него был слегка горьковатый. Генка взял горбушку от круглого каравая, хлебнул молока и привалился к стене, закрыв глаза.

— Опять полыни наелась,— слышалось ему откуда-то издалека.

— Полыни? Значит, опять на высылки гонял. Ужо погоди... — сказал кто-то бабушкиным голосом. А сама бабушка вдруг затопала сапожками и понеслась по комнате. Платок птицей взвился над ее головой.

Потом Генка куда-то шел на чугунных ногах и внезапно провалился в мягкое, темное. Больше он ничего не слышал.

Проснулся он от холодной воды, которой из рта прыскала на него Серафима.

— Эх ты, мужик... Здоров спать.

— Сама-то давно встала? — из-под одеяла спросил Генка.

— Давно не давно, а уж наработаться успела.

Весь день Генка провел с Серафимой. Вместе ходили на ферму. Там Сима заставила его рубить свекольную ботву. Сунула лопату в руки — чистить загоны.

— Ну как работка? — посмеиваясь, спрашивала она.

— Ничего, один день можно.

— А если не один?

— И... не знаю. А ты как?

— Надо же кому-то. Вот скоро и до нас механизация доберется, тогда полегче будет.

— А другой работы нет?

— Костяшками, что ли, в конторе щелкать? Нет уж! — Она посмотрела на свои часики. — Что-то Кузьминична не идет.

И вдруг лицо ее начало розоветь, словно падал на не-

го невидимый никому отблеск. Все ближе и ближе до фермы доносились потрескивания мотоцикла. Сима сбросила с себя черный халатик. И Генка только сейчас увидел, что она в шелковом платье с рукавами-фонариками.

Мотор заглох у самой фермы. Генка выскочил посмотреть, кто там. На мотоцикле, одной ногой упираясь в землю, сидел молодой парень. У него были большие, какие-то очень смешные уши и веселые глаза.

— Фьють — свистнул парень. — Это еще кто такой?

— Я тут, — забормотал Генка, — я с... Симой. А что, нельзя?

— Можно, — разрешил парень и посмотрел куда-то за Генку.

Генка обернулся. Сима, хмуря брови, смотрела на парня, а лицо ее светилось по-прежнему.

— Пришла Кузьминична?

— Нет еще.

— А ты оставь пока его, — кивнул парень на Генку.

Все так же хмурясь и светясь, подошла Сима к мотоциклу. Она уже занесла ногу, но нечаянно ее взгляд упал на Генку, и нога застыла в воздухе.

Генка, не отрываясь, смотрел на нее.

— Нет, не поеду, — сказала Сима и лицо ее потемнело.

— Чего ты? — удивился парень. — Ведь договорились. — Он тоже посмотрел на Генку. — Купишь туфли — и обратно, за два часа обернемся. А то, смотри, раскупят.

— Сказано — не поеду, значит, не поеду.

— Как хочешь, — протянул парень. — Он еще чего-то подождет и рывком нажал на педаль.

Сима повернулась и ушла на ферму, а Генка присел на бревно, стал палочкой счищать грязь с сандалий. Хотелось разобраться в том, что сейчас увидел.

— А Симка где? — слышалось у самого его уха.

Он не заметил, как к нему подошла уже старая женщина в чистом фартуке, чистом головном платке и с мешком на плечах.

— Там она, — кивнул Генка на ферму.

— А ну, подсоби.

Женщина передернула плечами.

Генка посмотрел на свои вымытые руки, поднялся и неловко взялся за мешок. Женщина села и стала разглядывать Генку.

— А ты что ж — племяш ее, Федора сын?

— Сын. А вы что, знали папу?

Женщина усмехнулась.

— Знавала. — Она посмотрела на его клетчатые гольфы, на то, как он тщательно платком вытирает после мешка руки... — Не похож ты на него.

Второй раз уже Генка слышит это. Но ведь не мог же он измениться за каких-нибудь два-три дня!

Спать легли на сеновале. Сима сдвинула в сторону почему-то не прибитые несколько досок на крыше, и стало так, словно спишь под открытым небом.

— Зачем ты это?

— Люблю на небо смотреть. Я в школе больше всего астрономию любила. Не то чтобы там формулы какие, цифры, а вот просто звезды: Вега, Ригель, Сириус. Красиво?

— Красиво. А что это значит — Сириус, вот, например?

— Не знаю. Имена такие. Почему людям не дают такие? Меня если бы Вегой звали, я бы...

— Что?

— Красивая, наверное, была бы.

— Серафима тоже красиво,

— Ну уж красиво, скажешь. В будущем у людей, наверное, будут только красивые имена: Аннтоооон,— сказала она.

— Чего?

— «Антон» тоже оставят. Послушай, как звучит. Как колокол: Аннтоооон.

— Ии-ванни,— сказал Генка.— Чем хуже?

— Ничего,— неохотно согласилась Сима.— Только Антон лучше.

— А Серафима — хорошее имя, зря ты. Вега хуже, вроде собачьей клички.

— Ничего-то ты не понимаешь,— вздохнула Сима.— Давай спать лучше.

Генка лежал, смотрел на звезды и думал. Почему так непонятно называли звезды? Назвали бы по-русски. Чем плохо «звезда Серафима»? Он обязательно бы так назвал.

Он уже стал засыпать, когда услышал шорох в том углу, где тихо до этого лежала Сима. Скоро шорох перешел в бормотанье. Генка приподнялся, напряженно прислушиваясь. Белела в темноте постель, и едва-едва слышные слова доносились до Генки. «Бредит,— понял Генка,— вот потеха».

— Уедет милый мой,— бормотала Сима,— далеко уедет... — и замолчала.

Генка ждал. И Сима опять забормотала:

— Уедет милый мой, уедет далеко он, а я останусь здесь...

Прошло еще немного времени, и Сима медленно, словно подбирая слова, запела:

Уедет милый мой,
Уедет он далёко...
А я останусь здесь...
Останусь одинока.

Передышка — и опять:

Слезинки не пролью
И ни за что на свете
Ни слова не скажу:
Не жаль меня — пусть едет.
Цветов ему в дорогу
В полях не соберу.
Не жаль меня — пусть едет,
Ни слова не скажу.

Сима пела. И то, как пела она, останавливаясь и часто спотыкаясь, делало эту невеселую песню особенно печальной.

Но если вдруг вернется,
Я все ему прощу.
Что не жалел — уехал,
Ни слова не скажу.

«Сима», — хотел позвать Генка. Но голос его дрогнул, сорвался. А в Симином углу вдруг заплескался, забился торжествующий смех. «С ума, что ли, сошла? — испугался Генка. — То чуть не плакала, а то хохочет».

А Сима во весь голос и теперь уже весело запела ту же самую песню:

Уедет милый мой,
Уедет он далёко...

Генка подполз к ней и увидел, что она лежит, высоко взбрыкивая ногами.

— Сим, ты что?

— Не спишь? — обрадовалась Сима. — А я песню сочинила. Вот послушай. Нравится?

Отчего-то Генке стало ужасно больно. Он разозлился на себя, на Симу:

— Орешь тут, спать не даешь. Я думал... Думаешь, не знаю, про кого поешь?

— Ну, про кого еще? — с угрозой спросила Сима.

— Про этого, лопоухого.

— Кто лопухий?
— Сама знаешь. И врет он все.
— Что врет?
— Все врет.
— А ты откуда знаешь?
— Да уж знаю.
— А ну иди отсюда! — закричала Сима. — Нашелся умник. Сам ты лопухий!

Наутро Генка встал с чувством непоправимой беды. Что это он наболтал вчера вечером? Теперь Сима и знать его не захочет. И вечно у него так: ляпнет что попало, потом не расхлебать.

Когда он по лестнице слезал с сеновала, увидел ее в саду выбирающей спелую смородину. Она тоже увидела его, позвала, протянула банку с ягодами:

— Еще не ел, поди, в этом году.

Генка обрадовался, что Сима забыла ночную ссору, взял и стал прямо из банки сыпать себе в рот смородину, скользкие от росы ягоды катились за ворот, падали на землю. Сима смеялась, а Генка делал вид, что никак не может ни одной ягоды поймать в рот. Незаметно пролетел последний день. Опять ходили на ферму. И Генка с удивлением заметил, что Сима любит своих поросят. Вот как другие, например, любят щенят или котят... Всем у нее находились какие-то смешные, ласковые клички: Мурзилка, Огонек, Ленивец, Копытик. Одного розового поросенка она поймала на руки, когда тот лез кусаться к своим братьям, и стала ему выговаривать. Поросяенок тыкался ей в шею своим любопытным пяточком, и хвостик закорючкой крутился у него безостановочно, как у настоящего щенка.

— Не подлизывайся, — ворчала Сима и легонько подшлепывала его.

Поросенок вырвался и помчался за коротконогим увальнем.

— Задиристый какой, — засмеялся Генка.

— А ему иначе нельзя. У него имя такое — Задира.

— Да ну? — поразился Генка. — А это кто? — попробовал угадать он. — Ленивец?

— Что ты, какой ленивец. Не видишь — слабенький он, потому и лежит. Сегодня пойдем в лес, я ему опять лекарства соберу.

— Какого лекарства?

— Травы. Думали, не выживет, а вот попил несколько дней, и уже ничего, гулять выпускаем.

Ходили в лес, собирали «лекарство» поросенку. Это была перистая травка, которую Сима называла гусиными лапками. Из нее Сима, оказывается, делала отвар и пила им поросенка.

— Откуда ты это узнала?

— Кузьминична научила. Она все травы знает.

— Не нравится мне эта бабка.

— Ох ты какой скорый, — удивилась Сима. — Кузьминична ему не нравится! Да добрее ее человека не сыщешь. Федю, отца твоего, от слепоты вылечила в войну. Слепнуть он начал, а тут немцы, врачей нет. Из других деревень и то к ней приходили.

— А чего она говорит, я на отца не похож?

— На Федора-то? Не знаю, мне год всего был, как он уехал, но говорят...

— Что говорят?

— Жалеют все, что уехал. Работник был золотой. Мальчонкой еще был вроде тебя, все умел, всякие машины правил, на работу везде первый, просить не падо.

Они шли по дороге, протоптанной среди высокой куд-

рявой конопли. И хотя солнце еще не село и небо на западе полыхало пожаром, здесь было таинственно-сумрачно, чуть-чуть страшновато и как-то по-особенному хорошо.

— Зачем папа отсюда уехал? — невольно вырвалось у Генки.

— Да, — задумчиво подтвердила Сима. — А ведь если бы не уехал, и тебя бы не было.

— Как не было?

— А так, — засмеялась Сима. — Женился бы на ком-нибудь другом, и был бы ты не ты, а какой-нибудь Колька или Юрка.

Генка даже остановился. Как это — его не было бы? Чуть какая! Ну... может, он немного другим был: глаза, может, не серые, а черные, волосы потемнее, ростом пониже. Вспомнился мальчишка, встреченный в лесу. Может, это и был бы он — Генка? Хм...

Генка так задумался, что очнулся, только когда Сима дернула его в сторону, а немного впереди, обогнав их, остановился мотоцикл.

— Садитесь, чего пешком идете, — как-то виновато сказал вчерашний парень.

— Такси не попалось, вот и идем пешком, — покраснев, с вызовом ответила Сима.

— Одному можно и на багажник, — продолжал парень, словно не замечая ее тона.

Генка посмотрел на ушастого парня и, радуясь, что Сима опять не хочет ехать с ним, насмешливо сказал:

— Сами не свалитесь со своего примуса. А мы и без вас обойдемся.

Злой Симин взгляд ожег его. Мотоцикл тут же рванулся, и вслед за ним рванулась Сима. Потом он увидел, как оглянулся парень, взметнулась рядом с ним пестрая косынка...

Поворот... И ничего не стало. Одна косынка запылоскалась на ветру, втягиваясь в полосу заката. Все меньше. она, меньше. И наконец исчезла вместе с солнцем.

— А ты где отстал? — спросила мать, когда он поднялся на крыльцо.

Над столом уже горела лампа в абажуре, и Сима, не глядя на Генку, процеживала молоко.

— Пей молоко и ложись. Завтра рано вставать, — напомнила мать.

Встали до солнца. Мать нервничала, торопила Генку. Бабушка вынимала из печи пирожки с луком и яйцами складывала в узелок.

— Пошли, что ли, а то мне на ферму пора. — Сима резко поднялась со стула.

— Ты иди, что нас провожать, вещей нет.

— До большака вместе дойдем, — строго сказала бабушка.

— Ну зачем вам беспокоиться?

Бабушка всхлипнула, отвернулась.

— Не надо, мама. — У матери тоже повлажнели глаза. — На будущий год, может, приедем. Федя возьмет отпуск летом, и приедем.

Мать с бабушкой под руку шли впереди, а Сима и Генка плелись сзади.

— Федору скажи, пусть мать не забывает, — сурово говорила Сима. — Не сто лет ей отпущено.

— Скажу.

— Могли бы сюда приехать, чего по морям-то делать. Здесь тоже река, если без воды не можете.

Откуда-то со стороны подъехала телега.

— На станцию? — спросила бабушка.

Возница, мальчишка лет пятнадцати, с интересом уставился на них.

— На станцию.

— Захвати вот пассажиров, — приказала бабушка.

Мальчишка остановил лошадей, слез с телеги и стал расправлять сено. Бабушка положила узелок с подорожниками, как она называла пирожки, и стали прощаться. Генка протянул руку Симе. Она взяла его руку, поймала убегающий взгляд:

— Сердишься?

Генка набрал побольше воздуха:

— Чего там...

Второй раз за эти три дня Сима мирилась первой.

— Приезжай. Мы с тобой за ягодами пойдем, за грибами. Я места знаю, везде вдвоем будем ходить, только ты да я.

— Ладно.

Сима ткнулась ему в лицо сухими пушистыми волосами, крест-накрест расцеловала бабушка. И они остались на пригорке, чтоб нескончаемо долго мог видеть их там Генка, в то время как тарахтящая телега увозила его в новые края.

II

Из санатория, в который у матери была путевка и где после дороги отдохнули и переоделись, отправились искать жилье Генке. Прошли набережную с белоснежными зданиями санаториев, пересекли шумную улицу с очередями за газированной водой и свернули в какой-то переулок. И сразу все изменилось. Ни сверкающих витрин, ни громкого смеха, ни разноцветных зонтиков. Тихая, уютная улочка с тихими домами, притаившимися в зелени. Казалось, и солнце не палит здесь так нещадно.

Редкие в этот час прохожие не поражали ни своими костюмами, ни загаром. Будто здесь шла совсем другая жизнь — трудовая, будничная.

Во дворе дома, куда они вошли, никого не было. Но на веревке висело только что развешанное мокрое белье. Значит, кто-то здесь был недавно, сейчас.

Постучали в одну из дверей. Никто не ответил. Толкнули дверь — она легко отворилась.

— Есть кто-нибудь?

Молчание.

Генка заглянул за пестрый полог и увидел... ноги.

— Можно? — спросила мать.

Ноги дрогнули, и из-под кровати вылез мальчик лет двенадцати-тринадцати. Оказывается, он мыл пол. Рядом стояло ведро с водой, а в руках тряпка.

— Я насчет комнаты. У вас не сдается?

— Нет, — ответил мальчик. С тряпки стекала вода, но он, видимо, нисколько не стеснялся, что его застали за таким «девчоночьим» занятием.

— Мне только сына. Я-то сама в санатории буду.

— У нас негде. Вы спросите в третьей квартире. Пойдемте, я покажу.

В чистой кухоньке резала лук городского вида кругленькая старушка.

— Ты, Сашок? — спросила она, протирая глаза.

— Я.

— Чего же ты рубаху на солнце повесил? Выгорит.

— Я, бабушка, жильцов к вам привел.

— А-а, — приветливо откликнулась старушка, — приходите, а ты, Сашок, покликай Тоню.

В комнате с нарядной мебелью было чисто. Висела на стене диковинная картина: не поймешь, что на ней — полоски и кубики; большая фотография с очень знако-

мым лицом и подписью чернилами: «Собратьям по искусству Петрушке и Юленьке от Ника».

Через минуту вошла девочка. Она поздоровалась и внимательно осмотрела Генку.

— Вот, Тонечка, постояльцы просятся.

— Я знаю, — ответила девочка. — Пусть. Наши не скоро приедут.

— Готовить ему или в едальню ходить будете? — спросила бабушка.

— В столовую? — не поняла мать.

— Ну да, по-вашему — столовая, по-нашему — едальня.

— Я была бы рада, если б вы смогли ему готовить.

— Только чтоб без заказа. Что нам, то и ему.

Мать посмотрела на румяную девочку, на приветливую, опрятную старушку.

— Я буду очень рада. Он в еде не капризный.

Потом договорились о цене, а Генка с тоской поглядывал во двор. Что он здесь будет делать? Мальчишка, как баба, стирает, пол моет, может, еще и обед варит, девочка из себя взрослую корчит.

Но вечером, когда он снова вернулся сюда, все оказалось совсем по-другому. На качелях, привязанных к высокому развесистому дереву, взлетал к небу Саша. А на дереве сидела и ела какие-то ягоды вся перемазанная от них, как от черники, небольшая девчушка. Саша, заметив Генку, остановил качели, подбежал к нему:

— Пришел?

— Пришел.

— На море уже был?

— Был. Только мы еще не купались.

— Мы завтра за мидиями идем. Пойдешь с нами?

— Какими мидиями? — спросил Генка. Он в жизни ни о каких таких мидиях не слыхивал.

Слезла с дерева и девочка. Она была в одних трусиках, и все ее смуглое тело было в черных пятнах, особенно перемазаны были руки и лицо.

Генка поднял голову и увидел, что все дерево усыпано ягодами, похожими на крупную малину или, скорее, ежевику, потому что они были черными.

— Это как называется?

— Что? Дерево? — удивился Саша. — Шелковица.

— Никогда не слыхал.

— Да ты что! Его еще тутовым деревом называют, а листьями шелковичных червей кормят.

— А-а, так это оно и есть?

— Ну да. Так пойдем завтра?

— А кто еще пойдет?

— Я, Алла, — показал он на перемазанную девочку, — Тоня.

— И она пойдет?

— Тоня-то? Конечно, пойдет.

Генка вошел в комнату и замер. Перед зеркалом, завернутая в пеструю скатерть, стояла Тоня. Волосы ее, подколотые гребнем, черной тучей вздыбились над макушкой. Она пристально следила за своим отражением. Поклонилась, вытянула руку вперед:

— Привет вам, сеньоры, — и увидела Генку.

Никогда не видел Генка, чтоб люди так краснели. Казалось, еще немного, и кровь брызнет с Тониных щек.

— Ты что подглядываешь? — закричала она

— Я не подглядываю, тебя Сашка зовет.

— Мог бы постучаться.

— А я откуда знал, мне бабушка сказала «иди в комнату», я и пошел.

— А чего Саше надо?

— Завтра за мидиями идем, договориться.

Раным-рано — солнце еще только подымалось над горизонтом — отправились к морю.

У дома с голубой черепичной крышей Алла остановилась и, открыв дверь, крикнула в подъезд:

— А-ууу!

Подъезд весело подхватил ее голос и гулко понес по этажам.

Город остался позади. Лишь изредка попадались маленькие деревянные дома, до половины скрытые розовыми мальвами.

Первой по кромке моря бежала Алла. Она то и дело наклонялась, подбирала умытую, чистую ракушку, обточенный морем осколок стекла, интересный камушек.

Последней степенно шагала Тоня. Она скинула сарафан, и голову держала высоко поднятой, чтоб лицо загорало ровно.

Саша вдруг поднял ржавое без доннышка ведро и понес его.

— Зачем тебе?

— В утиль, зачем еще.

— Сейчас ведь каникулы.

— А я для себя.

«Наверное, бедно живут, — подумал Генка, — денег не хватает». Он тоже стал оглядываться вокруг, не увидит ли еще что-нибудь подходящее. Но, как нарочно, берег был пуст. Золотился под солнцем песок и тянулся ровной полоской до самого горизонта. Ничего не было, кроме песка, моря и неба, бездонно синего и заманчивого.

— Вот почему, скажи, когда долго смотришь на небо, так и тянет полететь? — сказал Генка.

Саша подумал немного.

— Наверное, потому, что человек когда-то летал. То

есть не человек, конечно, а предки... вот те, от которых млекопитающие... Птеро... не помню, как называются, ну, в общем, птицы древние.

— Человек от обезьяны, — неуверенно возразил Генка.

— А обезьяны откуда? Сначала рыбы, земноводные, потом птицы, потом уже млекопитающие — обезьяны, люди, собаки...

Оба притихли и некоторое время шли молча.

— Откуда ты знаешь?

— Учили же, — с удивлением покосился Саша.

— А, ну да, конечно же, учили. Только... — Генке стало немножко стыдно, захотелось тоже сказать что-нибудь умное, чтоб Саша не думал...

Но может, оттого что он торопил свои мысли, они все разбежались, а в голове неизвестно почему осталось только «В лесу родилась елочка». «Я сейчас скажу, — лихорадочно думал Генка, — я вот сейчас тоже спрошу...» А на языке, хоть тресни, повисла проклятая елочка, и ни туда ни сюда...

Выручила Тоня. Она громко взвизгнула и помчалась вперед, оставляя за собой кружева брызг. За ней засверкала мокрыми ногами Алка. Как тут было удержаться! Генка и Саша побежали тоже.

В нескольких метрах от берега расположилась нефтебаза. Громадные цистерны высились над дощатым забором. На заборе метровыми белыми буквами надписи: «Не курить», «Не купаться».

От берега уходил в море и там неожиданно обрывался мост. Генка сам догадался, что это для кораблей. Ближе к нефтебазе они подойти не могут — мелко.

Мост держался на железных стояках. К стоякам гроздьями прилепились темные ракушки — мидии. Колеб-

лющиеся от воды водоросли то прикрывали, то вновь открывали их.

Саша сложил руки и нырнул с моста в прозрачную воду. Лягушатами попрыгали за ним Тоня и Алла. Генка тоже присел, ахнул и... отступил.

А внизу визжали, барахтались...

— Генка-а, — закричала Тоня, — чего же ты?!

Генка закрыл глаза и прыгнул. Тысячи острых иголок пронзили его. Он вынырнул и замолотил руками. Наверное, у него был очень смешной вид, потому что все захохотали.

— Обжегся? — спросил Саша.

— Угу.

Он подплыл к железному стояку и стал отдирать ракушки. И скоро согрелся. А когда набрали полную сетку-авоську, то уже и не хотелось вылезать из воды.

Потом валялись на песке, ели хлеб с черешнями и снова купались.

— Вы как хотите, а я буду загорать, — сказала Тоня и легла, раскинув руки, точь-в-точь чайка на ее купальнике.

Генка с Сашей ловили крабов, для которых Алла рыла колодец в песке, чтоб не подошли от жары.

— Дождя бы не было, — вдруг заметил Саша.

В самом деле, со стороны города плыла огромная, в полнеба, туча.

— Какой там дождь, — лениво ответила Тоня.

Она приподнялась, увидела бредущих вдоль моря курортников и села, завернувшись в полотенце.

Курортники с интересом уставились на Тоню. А один — толстый дядька в панаме — так зазевался, что нечаянно, прямо в туфлях забрел в воду.

Ребята расхохотались.

— Пошли, что ли, — резко оборвала их смех Тоня. — Сейчас польет, наверное.

Брови ее хмурились, черные глаза недобро следили за уходящими курортниками.

И сразу стало невесело.

Только встали, как начался дождь, крупный и сильный. Расхватали вещи и кинулись бежать.

Суматошно метались взъерошенные пляжники, прикрываясь от дождя зонтами, как только что ими же они прикрывались от солнца.

Генке давно уже хотелось пить. Он на берегу открыл рот и стал ловить ускользающие капли. И сразу вспомнилось, как весело смеялась Сима, когда он вот так же точно ловил губами из банки ягоды.

Генка скачками догнал Сашу, отнял у него дырявое ведро, напаялил на голову и подскочил к Тоне:

— А ну постой.

Та остановилась.

Генка, важно выпятив живот, косясь на нее, сделал круг.

Тоня пригнулась от смеха.

— Ты что?

Генка и сам не знал — что, зато все снова засмеялись, и Тоня тоже.

Вдруг, точно с неба, грянул оркестр. Сколько было людей на пляже — все повернулись в одну сторону.

На штабелях строительного ракушечника под проливным дождем, в одних трусиках разместились отчаянные музыканты и дули в свои серебряные и медные трубы.

Горохом покатилась к оркестру малышня. За ними — взрослые.

А через минуту уже шлепался волейбольный мяч, танцевали мокрые пары. Все радовались небывалому развлечению.

— Здорово!

Ища, с кем бы поделиться, Генка обернулся и увидел счастливые лица Тоши и Аллы. Сашки не было. Он стал искать его и не мог найти. Потом увидел маленькую одинокую фигуру на берегу. Она удалялась прочь от них, в руке у нее было ведро с оторванной дужкой.

Генка бросился догонять его.

— Сашка-а! — кричал он.

Сашка наконец остановился, ждал, когда подбежит запыхавшийся Генка.

— Ты что ушел?

Саша не смотрел на него.

— Не люблю я.

— Чего не любишь? Духовой оркестр? Вот чудак.

— У меня отца хоронили... с духовым.

Генка пытался представить, как его собственный отец... Нет, нет, о таком нельзя даже думать.

Они медленно пошли домой.

— Семь лет мне было, — говорил Саша, — не маленький, а вот почему, скажи, я его не помню совсем? Как хоронили, как музыка играла — помню, а больше ничего. И хоть бы одна фотография. Ничего нет.

— А почему он... Саш? — осторожно спросил Генка.

— Рак у него был.

Дождь кончился, но в городе на неровном асфальте поблескивали лужи. Саша неожиданно поскользнулся и выронил ведро. Оно загремело и покатилося по мостовой. Генка посмотрел, как Саша бежит за ним.

Наверное, трудно им без отца, одна мать работает. Вспомнил, что дома у него большая коллекция марок, которая валяется в шкафу никому не нужная.

— Саш, ведро-то зачем? То есть деньги... купить что-нибудь?

- На микроскоп я коплю.
- Что-о-о?
- Рот закрой, — засмеялся Саша. — Ну чего уставился? Микроскоп хочу купить.
- За-зачем?
- Так, — уклончиво ответил Саша, — проверить кое-что надо.
- Расскажи, а? Я никому, честное слово.
- Потом, может быть, расскажу.

На столе дымились целая гора блинов. Мать уже была дома. Она отругала Генку, что он ушел без завтрака. Генка съел штук десять блинов с творогом и, подумав, взял еще. Он ждал, что мать похвалит, потому что обычно она всегда жаловалась, что он мало ест. Но, к своему удивлению, услышал другое:

— Вот что значит с утра голодный ходишь, никак не наешься.

Вскоре пришла Тоня. Она тащила целую сетку мидий.

— Сами убежали, а я вам носильщик, — несердито сказала она и прожорливо набросилась на еду.

Под вечер, когда во дворе подсохло, стали варить мидии. Собрались все: Федя — брат Аллы, ученик городского ремесленного училища, Тоня, Алла, Генка и Саша.

Сначала поставили боком два кирпича и развели между ними огонь. На кирпичи пристроили чугунок с водой, а когда она закипела, всыпала туда рис, вымытые мидии прямо в скорлупе и соль.

Все с нетерпением ждали, когда сварится рис. Но когда чугунок сняли, к удивлению Генки, Тоня и Федя от своей доли отказались. Саша положил себе на та-

релку одного риса. Только Алла набрала мидий и стала их есть, причмокивая и пофыркивая.

— А ты чего не ешь?

Генка взял одну ракушку. Створки ее были раскрыты, и внутрь набился рис. Он осторожно сглотнул рис — вкусно. Под рисом что-то желтело. Генка поборол в себе брезгливость и, выковырнув, надкусил. Было что-то похожее на курицу, а в общем, кто его знает. Лягушка жареная, возможно, еще вкуснее. Он сплюнул.

— Не нравится? — разочарованно спросила Тоня. — Вкусно ведь.

— А сами чего не едите?

— Ну мы... мы раньше ели. Знаем.

Часто вечерами ребята ходили на набережную. Там они садились на парапет и смотрели, как от причала отходят прогулочные катера, переполненные нарядно одетыми, веселыми людьми. Один раз и они всей компанией — Тоня, Алла и Саша с Генкой — отправились на морскую прогулку.

Палуба под ногами слегка дрожала от двигателей, через борт долетали редкие брызги. Генка только засмотрелся на открывшуюся как в кино панораму города, как услышал позади себя громкие голоса. Он обернулся и увидел, что перед каким-то мальчишкой в коротких штанах и рубахе с диковинными птицами остановился матрос.

— Не хочешь билет брать — штраф будешь платить.

— Чего привязались, — нахально отбрехивался мальчишка, — проверяли у меня билет. Я на берегу покупал.

— Не было у тебя билета, — настаивал матрос. — Ты говорил, что с матерью. А где мать?

— Врете, не говорил я про мать. Сами отобрали билет, а теперь придираетесь.

Полная женщина с голой спиной и в бусах, похожих на грецкие орехи, вступилась за мальчишку.

— Выходит, если ребенок один, без матери, значит, каждый может оскорблять его? Раз он говорит, что был билет, значит, был.

— Да я ж его знаю, он в который раз мне так попадается, — заверял матрос.

«Ребенок» насмешливыми глазами поглядывал на женщину и матроса.

— Ну хорошо, — сказала женщина, — я за него заплачу. Сколько стоит детский?

Наконец мальчишку оставили в покое. Он сел на скамейку и, оглянувшись — не смотрят ли на него, — вытащил из кармана измятое, подтекающее молочными струйками эскимо.

И то, как он воровато вытащил его, окончательно убедило ребят, что он ехал «зайцем».

— Дает, — засмеялся Генка, — такой нигде не пропадет.

— Паразит он, — хмуро заметил Саша.

Генка удивился:

— Что особенного? Мы ведь, помните, из-за ограды кино смотрели, тоже вроде «зайцем» получается.

— Так если бы у него денег не было, а то... ловкач он, не видите, что ли. Сожрет свое мороженое — ситро пойдет пить. Спорим? Я таких знаю.

— Давайте, правда, проверим, что он будет делать? — загорелся Генка.

И все четверо, даже Алка, уставились на мальчишку.

Мальчишка ел свое мороженое, облизывался. Потом заметил, что на него смотрят и попытался сделать равнодушное лицо. Но не так-то просто это сделать. Мальчишка ерзал, мороженое текло у него по пальцам... Наконец он не выдержал, встал и ушел на другой конец

палубы. Ребята — за ним. И хотя мальчишка стоял у борта спиной к ним, видно было, по тому, как он ежится, что он знает — его преследователи здесь.

Вот он не выдержал, оглянулоя и пошел искать новое место. От жары, от сладкого мороженого мальчишке, видно, в самом деле захотелось пить. Стараясь не обращать внимания на ребят, он пошел к буфету.

— Что я говорил! — торжествующе сказал Саша.

Мальчишка сунул руку в карман, но ребята уже были рядом с ним. Сглотнув слюну, он все-таки не посмел купить воды: кто его знает, что задумали эти ребята. Тоскливо покосившись на бутылки, он пошел дальше.

До самого конца путешествия ребята не оставляли его в покое. Как охотники, стерегли каждый его шаг, не давали подойти к буфету.

Когда же катер прибыл в город, мальчишка первым сбежал по трапу и, втянув голову в плечи, юркнул в толпу.

— Ну вот, — меланхолично сказал Генка, — съездили, виды посмотрели.

— А я ничего не видела, — удивленно откликнулась Алка.

Ребята так и прыснули.

Дни катились за днями, как веселые Алкины камушки.

Как-то бабушка послала Генку за хлебом. У булочной была вырыта канава, и через нее перекинут почти новенький кусок рельса. Люди поругивались и осторожно ступали на рельс. Впрочем, канаву можно было и так перешагнуть, стоило сделать шаг пошире, но почему-то никто этого не делал. Генка машинально стал в маленькую очередь, образовавшуюся у рельса, потом, спохватившись, перепрыгнул канаву.

Когда он вышел из булочной, никто уже и не думал

пользоваться неудобной переправой, и почти новехонький рельс сиротливо поблескивал на солнце.

Генка посмотрел на рельс и... помчался к Саше.

Мать Саши — тихая женщина, с большими ласковыми глазами — сидела за столом, склеивала листы потрепанной книги. Она работала в детской библиотеке и часто приносила домой то одну, то несколько таких вот замурзанных книжек.

— Нет уж, Сашок, давай на этот раз договоримся: тебе надо новую форму, — говорила женщина.

— А на кой она мне, — отвечал Саша, — что я, по очереди то одну, то другую носить буду?

— Старая-то уже мала тебе.

— Скажешь — мала. Хоть еще десять лет носить, все впору будет. Купи вон себе кофту или туфли.

Женщина засмеялась. Смеялась она так, что не поймешь, если не видеть ее лица, смеется она или плачет.

— Да что ж это такое, а? Мать я тебе или дочь?

Саша тоже засмеялся.

— Внучка. Ну я пойду, мам.

— Иди-иди. — Она ласково посмотрела на обоих.

Генка рассказал о рельсе. Саша так и загорелся:

— Большой? Килограммов двадцать будет?

— Может, и больше.

Саша живо притащил из сарая доску:

— Подойдет заменить?

— Подойдет, велика даже.

С трудом подняли рельс, поволокли. В сарае у Саши в углу были свалены старые консервные банки, железные дужки от тележного колеса, знакомое ведро.

Саша подошел к клетке с двумя кроликами, бросил им капустных листьев. Кролики, поглядывая преданными глазами, принялись с хрустом разгрызать их. Генка

заметил, что один кролик странно острижен и один бок у него черный.

— Чего это он? — спросил Генка.

— Сажай я его.

— Покрасил, что ли?

Саша посерьезнел:

— Говорят, трубочисты часто болеют раком. Проверить надо.

Опять этот рак! Генка начал догадываться, что именно здесь где-то скрывается Сашина тайна.

У малюсенького, чисто промытого окошка стоял стол, на нем стопка брошюр. Генка взял одну, другую... «Ранняя диагностика рака», «Пособие для учебного микроскопа».

— А сколько микроскоп стоит?

Саша помрачнел.

— Разные есть. Простой школьный... Тут надо электронный... Ну ничего, у меня глаза хорошие, я даже в темноте, как кошка, все вижу.

Генка опять вспомнил про коллекцию. Ведь и в самом деле она ему не нужна.

— Сашк, — предложил он, — у меня марки есть... коллекция старая. Если продать...

— Ну?

— Моя, собственная. Если хочешь, я пришлю.

Саша помолчал.

— Нет, — сказал он наконец, — я сам.

Но Генке уже понравилась эта мысль. А вдруг Сашка и правда найдет этого рака? Тогда вспомнит, что помог ему в трудную минуту не кто-нибудь, а он, Генка.

— Да чего ты! Ведь она никому не нужна, все равно валяется. А там знаешь какие марки!

— А мать что скажет?

— Вот еще — она же моя, я ее собирал. А теперь валяется — ни себе, ни людям.

Саша пристально посмотрел на него:

— Ты только не думай... я ведь для дела.

— Ну, конечно! — Генка положил ему руку на плечо. — Врачом тебе надо стать.

— Сам, что ли, не знаю. Кончу восьмой — в училище пойду в медицинское, потом в институт.

— Хорошо тебе, — позавидовал Генка, — а я вот ничего про себя не могу придумать.

— Придумаешь, — успокоил его Саша.

А на другой день случилась беда. Пришла мать и заметила, что у Генки насморк.

— Купаться сегодня не смей.

Генка попробовал было спорить, но мать пригрозила:

— Выкупаешься — неделю будешь дома сидеть!

Не слишком весело сидеть на берегу, когда палит рас-
свирепевшее от жары солнце. Тонька на пляж не пошла,
видимо, опять задумала вертеться перед зеркалом, пото-
му что слишком уж нетерпеливо выпроваживала Генку,
а на столе у нее лежали Шекспир и ночная рубашка.

Алла взяла с собой автомобильную пину и сейчас за-
ботливо опустила ее в воду, чтоб та не потрескалась на
солнце.

— Ген, а у вас море есть?

— Есть. Белое.

— Совсем белое?

— Да нет, называется Белое. У вас Черное, а у нас
Белое.

— Лучше, чем у нас?

Генка вспомнил свое море. Оно, пожалуй, светлее
этого и мельче у берегов. Долго идешь, чтоб до колен
стало. И дно ребристое от плотного песка, смятого во-
дой. Идешь и чувствуешь ногами песчаные ребрышки.

Хорошо. И ничего, что вода холодная и много некупаешься: там ведь жары такой нет.

— Летом у нас хорошо.

— А зимой?

— Зимой еще лучше. Снег сухой, морозный, как стекло толченное, под ногами хрустит. На лыжах с горы — вазз! — катишься, не остановишься.

— А у нас снега нет, — вздохнула Алла.

— Совсем нет? — удивился Генка.

— Есть, — неохотно сказал Саша, — слякоть от него одна.

— Нет, у нас сугробы — во! — Генка поднял руки над головой. Ему вспомнилось, как барахтались однажды в таком сугробе Никитины братья, похожие на грибы подосиновики, а потом, заразившись их веселой возней, и он с ребятами. — Зима у нас что надо!

— Геночка, — уважительно сказала Алла, — ты посиди тут, мы недолго покупаемся.

Она бросилась в воду, и забрызгала, запенилась вода вокруг ее маленького, худенького тела.

Саша заходил в море иначе. Он подходил к воде, пригибался и с вытянутыми руками рывком кидался в нее.

Генка с завистью смотрел на них. Ну какой у него насморк? Разве это насморк? Один раз носом потянул, и готово — «купаться не смей».

Первым из воды вылез Саша. Он повалился на песок и долго лязгал зубами — никак не мог согреться. Генка накрыл его полотенцем, рубашкой.

— Грив схватишь — узнаешь.

— И... и... ничего, п-первый озноб не страшен, в кннн-иге написано.

И тут с моря донесся истошный крик. Генка вскочил и увидел, что двое каких-то мальчишек тянут в глубь моря шину с накрепко вцепившейся в нее Аллой. Алла то

высовывалась из воды, то совсем исчезала. Саша одним прыжком влетел в воду.

Он пытался отогнать мальчишек: то брызгал им в глаза водой, то молотил по рукам, но мальчишки только гоготали и тащили, тащили шину с замолчавшей уже Алкой. И вдруг она странно взмахнула руками и... пропала.

— Сашка! — заорал, замахал руками Генка. «Неужели Сашка не видит? Захлебнется ведь». — Сашка! — Генка изо всех сил вглядывался туда, где только что была Алла. «Ну же, ну оглянись!» — мысленно приказывал он Сашке. И облегченно вздохнул, когда Алла снова показалась из воды.

Саша подхватил ее и поплыл с ней к берегу.

Видно, ему трудно было после долгого купания и борьбы плыть с Аллой на спине.

Генка сочувственно смотрел на него. Если б не мать, которая всегда все узнает, он обязательно бы кинулся к ним.

Когда Саша подплыл, Генка бросился, чтоб помочь ему вынести на берег Аллу, но Саша неожиданно сурово отстранил его:

— Не трожь!

Совсем зеленая, Алла легла на песок, и сразу ее начало тошнить. Саша поддерживал ее за голову. А Генка стоял, переминаясь с ноги на ногу, и не знал, что делать.

— Ну как ты, Алк? — спросил он, когда девочка легла наконец на спину и утомленно закрыла глаза.

— Устала чего-то, должно, воды много наглоталась.

Мальчишки — те, что отнимали шину, — тоже вылезли из воды и остановились поодаль.

— Шину отдавайте! — крикнул им Генка.

Один из мальчишек поспешно подтолкнул шину, и она покатилась прямо к Генке. Он погрозил им кулаком.

Они никак не отзывались на это, все стояли и смотрели на Аллу.

— Саша, — слабо попросила Алла, — ты только маме ничего не говори. Ей нельзя волноваться.

Она с трудом поднялась. Саша взял ее за руку и повесил шину через плечо.

— Давай понесу, — предложил Генка.

Но Саша даже не обернулся.

Ну чего он злится? Что Генка в воду не полез? Так знает же, что ему нельзя. И Алла жива, и шину отдали. Но, хотя Генка не мог найти своей вины, чувствовал он себя все равно почему-то виноватым и несчастным.

У подъезда дома с голубой крышей Алла, как всегда, остановилась и покричала:

— А-а-а-у-у!

Но голос подъезда сегодня был тихим.

На качелях в белом платье с книгой в руках сидела Тоня. Она снисходительно проводила глазами Сашу с Аллой, посмотрела на Генку:

— Поссорились? Эх вы... дети.

— Сама ничего не знаешь, а говоришь.

— Ах, пустяки. — Она уткнулась в Шекспира.

Генке не терпелось рассказать ей, услышать, что все правильно, что он иначе и не мог поступить.

— Пустяки? — И он стал рассказывать.

Тоня слушала с небрежной улыбкой, но постепенно улыбка сползла с ее лица.

— А ты что? — быстро перебила она, услышав, что Алла исчезла под водой.

— А я что... сама слышала — нельзя купаться.

— «Купаться»! Да я бы... Да ты знаешь... У нас тут женщина тонула, так один безрукий кинулся спасать. Без-ру-кий! Он и плавать-то не мог, а кинулся за ней.

— Так тонула же.

— А ты откуда знал, что Алла не погонет?
— Там ведь Сашка был.
— Эх, ты... — Тоня отвернулась, словно ей противно было смотреть на такого человека.
— А ну вас всех, — сказал Генка, и ему, как маленькому, вдруг захотелось заплакать.

Вечером, как всегда перед сном, пришла мать. Она была уже совсем черная от загара, молодая, красивая.

— Лежишь уже? Молодец. А я тебе лекарство принесла.

— Какое лекарство?

— Вот это. Нюхай, и все пройдет.

— Да ничего у меня и нет.

— Есть или нет, а на всякий случай не помешает. Не купался сегодня?

— Нет. Мам... А сегодня Алка чуть не потонула.

— Господи, этого еще не хватало. Как же так?

И Генка опять стал рассказывать. Мать внимательно слушала.

— А ты что? — как и Тоня, спросила она.

— Ты же не велела купаться.

— Конечно. Тем более там Саша был. И кроме того, я тебе раз навсегда запретила лезть в драку.

— Я не лез, — угрюмо сказал Генка. — А если бы потонула?

— Но ведь не потонула же, о чем говорить?

Мать встала, легко прошла по комнате, заглянула в зеркало.

— Ну спи, я пойду.

Ушла и оставила в комнате только едва слышный запах духов.

Первый раз, сколько помнил себя Генка, он не смог удержать слез. А почему ему плакалось — он и сам не знал.

Скучно стало во дворе. Алла шла в своем палисаднике платья куклам. Сашка где-то пропадал, наверное, собирал свой утиль. Генка ходил один купаться, пересматривал от скуки альбомы с фотографиями разных артистов.

Тоня разговаривала с ним скупно и неохотно. И вообще она эти дни была какая-то странная — все словно прислушивалась к чему-то, слышимому ей одной, а сама была бледная, с чужими глазами в синих полукружиях.

«До обалдения зачиталась своим Шекспиром, — недружелюбно думал Генка. — А до людей ей и дела нет».

Только одна Алла сочувственно поглядывала на него, когда он проходил мимо. Один раз позвала:

— Гена!

Он подошел, стал разглядывать лоскутки.

— Вы с Сашей поскандалили, да? — спросила она.

— Нет. Просто он взъелся, что я спасти тебя не стал.

— Меня? — удивилась Алла. — Чего меня спасать.

Вот какая ерунда.

— Ну да, а он считает... Тонька тоже.

— Да чего меня спасать, — расстроилась Алла. — И все равно тебе нельзя было, у тебя насморк.

— Какой там насморк, — уныло сказал Генка. — Никакого насморка и нет.

— Так, значит, из-за меня поссорились?

— Из-за тебя.

Алка вскочила:

— Где Саша?

— Не знаю. Думаешь, он тебя послушает?

— Послушает — раз из-за меня. А не послушает, так

я... так я... вот и буду сидеть в своем палисаднике и никуда не пойду.

Голос у нее задрожал, и Генке захотелось сказать ей что-нибудь очень-очень хорошее. Но что он мог сказать? Он только спросил:

— Красивое платьице сшила, неужели сама?

— Сама. Только это не платье — брючки.

Все-таки она подстерегла Сашку. Генка видел, как они разговаривали. После этого она, так и светясь вся, подбежала к Генкиному окошку:

— Пошли с нами цирк смотреть.

Какой цирк, Генка не спросил, он быстро выскочил из дома.

Оказывается, на пустыре выстраивался цирк шапито. Скоро должны были приехать артисты из Таллина.

Генка ехал, шумно восхищался, как ловко пятеро рабочих сооружают каркас, какие громадные рулоны брезента привезли для покрытия этого каркаса.

Алла тоже ехала, заглядывала Саше в лицо и дергала за руку, чтобы он повернулся туда, куда показывает Генка. Вернулись домой, и тут их ждала новость.

— Алк! За тобой приходили! — крикнула Тоня.

— Кто? От бабушки?

— Ага.

Все знали, что Алла должна уехать на зиму в Харьков: ее мать ждала маленького, и дед с бабкой приглашали внучку к себе. Но весть свалилась неожиданно.

— Когда, Тонь, сегодня, да? — жалобно спросила Алла.

— По-моему, завтра едут.

И вдруг оказалось, что всем не хочется расставаться с этой маленькой тихой девочкой.

— Я тебя провожу, — сказал Саша.

— И я, — откликнулся Генка.

— С ночным уезжают, — заметила Тоня, поглядывая на Генку.

— Ну и что ж.

Провожали Аллу одни ребята. Полина Васильевна, мать Аллы, плохо себя чувствовала, и отец остался с ней дома.

Тусклые фонари неровно освещали платформу. Было многолюдно, и их все время толкали, задевали корзинами с фруктами, чемоданами.

— Саш, Ген, пишите мне, — просила Алла.

Она крепко держала их за руки, пока Тоня устраивала в вагоне ее вещички.

— Напишем. Ты тоже пиши, а мы обязательно напишем, — утешал ее Саша.

И Генка с благодарностью отметил это «напишем», объединяющее их.

Алла пожала всем руки и влезла в вагон. Она сразу же высунулась из окна. Ребята снизу смотрели на нее. Им видно было, как она изо всех сил удерживается, чтобы не заплакать.

— Скоро приедешь. Зима быстро пролетит, а там приедешь.

— Саш, — всхлипывая, спросила Алла, — а вы помирились с Генкой?

— Конечно, помирились. Завтра опять за мидиями пойдем. Пойдем ведь? — спросил он Генку.

— Пойдем, конечно, — заторопился Генка. — Знаешь, сколько наберем! А я камушки тебе буду собирать. Как попадется красивый, так и возьму. Матери твоей отдам.

— Камушки я с собой взяла, — печально отозвалась Алла. — Ты скажи маме, чтоб в синенькую коробочку складывала, а то потеряются.

Без сигналов поезд тронулся и медленно пошел вдоль платформы.

Алла наполовину высунулась из окна и двумя руками махала бегущим за поездом ребятам. Видно, ее кто-то тащил от окна, потому что она странно дергалась и все махала, махала...

Вот уже замелькал красный огонек последнего вагона.

— Пошли.

Они вышли из вокзала и по темным улицам молча зашагали домой. Когда поравнялись со знакомым подъездом, Генка отворил дверь и позвал:

— А-уу!

И подъезд невесело откликнулся: «У-у-у».

...Утром Генка с матерью пошли на рынок.

— Надо бы варенья абрикосового сварить.

Они подошли к грузовику, на котором сухая быстрая женщина продавала абрикосы.

— Мне килограммов восемь, — попросила мать.

Женщина взглянула на нее и тихо ахнула:

— Надя!

Мать подняла голову, стала всматриваться.

— Это же я... Дора.

— Не может быть, — прошептала мать. — Дора?

Женщина быстро прыгнула с машины, потянула мать в сторону. Смеясь и плача, они обнимали друг друга, целовались.

— Как же ты? Откуда здесь? — утирая слезы, спросила мать.

— В совхозе работаю, в Копанях.

— А дети? Как Игорь, Олег, Зиночка?

Дора потемнела.

— Не знаешь? Нету детей. Мальчиков в Германию угнали, так и пропали, а Зиночка умерла.

— Я не знала, — растерянно сказала мать. — Я ничего не знала.

— Я писала, да письма вертались обратно.

— Так дом-то наш разбомбило. А там я замуж вышла, уехала.

— Сестры живы?

Они начали рассказывать друг другу, как скитались, как жили во время войны. И все время повторялось одно и то же: Вася, Васечка.

Генка знал, что Вася — это дядя Вася, мамин брат, который погиб в войну. Он видел фотографии красивого молодого летчика. Смутно начал вспоминать, что у дяди Васи было трое детей и мать разыскивала их и никак не могла найти.

— Мама, — позвал он.

— Дора, — воскликнула мать, — это ж мой сын!

— Сын? — всплеснула руками Дора. — Батюшки, у тебя сын?

Она взяла Генку за плечо, подтянула к себе:

— Тебе как раз столько было, когда я тебя последний раз видела, а уже сын...

— Он немножко на Васю похож: глаза, губы. Правда? — спросила мать.

— На Игоря моего немножко...

Шершавой рукой она погладила Генку по щеке, прижала к груди.

— Время-то идет!

— Да, — вздохнула мать. — Я помню, какая ты в молодости была. Целый день пела.

— Помнишь? — обрадовалась Дора.

— Конечно, помню. Помню еще, как вы с Васей все боролись — кто кого. И всегда ты сильнее оказывалась.

— Счастливая я была. Ох и счастливая! — грустно сказала Дора.

— А теперь как? Так одна и живешь?

Тетя Дора неожиданно покраснела.

— Страшно одной было. Ни семьи, ни дома.

— Ну и правильно, — сказала мать. — Что же себя хоронить раньше времени. Прошлого не воротишь. Человек-то хороший хоть?

— Работающий, серьезный. Хороший человек. Дом у нас, сад... И словно спохватилась: — Поедем к нам!

— Куда?

— На Украину, в Копани.

— Да нет, я ведь лечусь, — с сожалением сказала мать.

— Так сынка отпусти. На этой машине и поедем. Чего ему тут делать? За фрукты вон деньги платите, а у нас сады ломаются — собирать не успеваем.

— За ним смотреть и смотреть надо, — возразила мать. — Он вчера что выкинул — ночью на вокзал пошел.

— Вона! Ты чего ж это? — улыбнулась Генке тетя Дора, и от этой улыбки потянуло к ней.

— Отпусти, мам.

— Отпусти ты его. Погостит и приедет, цел будет, не маленький. И тебе забот меньше.

Неожиданно для Генки мать согласилась:

— Поезжай, только слушайся тетю Дору.

Слезы то и дело набегали на ее глаза.

Кажется, еще никогда Генка не видел мать такой взволнованной.

III

В Копани приехали уже ночью. Долго ехали по пустынным улицам села. Генка поклевывал носом в кабине и очень удивился, когда проснулся вдруг в насквозь пронизанной солнцем комнате.

В открытое окно он увидел во дворе девочку. Она играла с двумя котятами в чепчиках.

— Девочка,— позвал Генка.

Девочка исподлобья уставилась на него, потом вскочила и убежала.

Генка полежал еще немного, встал и вышел.

Зеленели целые джунгли кукурузы.

До самой земли пригнулись под тяжестью ягод ветви низкорослой вишни.

— Выспался?

Тетя Дора, помолодевшая, свежая, стояла перед ним. Из-за нее выглядывала та девочка, что возилась с котятами.

— Я тут рядышком работаю. Томочка за тобой поухаживает, покормит тебя, усадьбу покажет.

Она ушла.

С другой стороны дома стоял вбитый в землю стол. Навес, оббитый виноградом, защищал его от солнца.

Томочка притащила миску вареников в сметане, молока.

Она села рядом и внимательно смотрела, как он ест.

— Чего смотришь? — не вытерпел Генка. — Тоже хочешь?

— Ни-и, — сказала девочка. — Не хочу.

— А котята твои где?

— Мабудь, спят в холодочке. — И неожиданно спросила: — А для чего хвосты котятам?

Генка чуть не поперхнулся молоком.

— Для чего! Ну... для этого самого... мух отгонять.

— Мух? — недоверчиво переспросила девочка. — А для чего мухи?

— Какая ты... Ни для чего, вредные они, уничтожать их надо.

— А для чего?

— Для того, — передразнил ее Генка. — Много будешь знать — скоро состаришься.

— Кто состарится?

— Ты состаришься.

— А ты?

Генка засмеялся. Девчонка начинала ему нравиться.

— А ну, пойдем посмотрим ваш сад.

Томочка прикрыла полотенцем еду на столе, и они пошли, взявшись за руки.

Генка пробовал с каждого дерева по груше, абрикосу или яблоку, с каждого куста по ягоде и скоро почувствовал, что наелся фруктов на целый год.

Понятно, почему Томочка ничего не ест. Ему предлагает, а сама пощипала одной смородины, да и ту не доела, бросила гусят. Подошли к высокой развесистой груше, на которой висело столько груш, что их хватило бы на целый город.

— Все. Навитаминизировался, — сказал, похлопав себя по животу, Генка.

Томочка, приоткрыв рот, загляделась на него, но переспрашивать не стала. Видимо, не смогла выговорить трудное слово.

Потом вместе купали котят, сушили их на солнце.

В полдень прибежала тетя Дора:

— А ну, Томочка, за работу, мужики сейчас придут. — Она порыла в земле под кустами картошки и вытащила несколько крупных синеватых картофелин. Растопила плиту, стоявшую тут же, во дворе, и захлопотала возле нее.

Генка от нечего делать зашел в дом.

На стене под зеркалом веером были развешаны фотографии. В центре — самая большая. Генка узнал дядю

Васю. Он еще раз подивился, какой дядя Вася был молодой. Интересно посмотреть, какой муж у тети Доры теперь.

Он увидел его, когда снова вышел из дома.

Это был бородатый, хотя совсем не старый мужчина. Томочка у плетня поливала ему из кружки. Мужчина крепко тер изрезанную морщинами, словно она у него потрескалась на солнце, шею.

— А-а, тетка, — скупно улыбнулся он, увидев Генку. — Будем знакомы.

Мужчину звали Генпадием Афанасьевичем. Он сел за стол, вытащил из кармана до смешного маленькую газету в один лист и принялся читать ее.

В арбе, запряженной волами, подъехал мальчишка-подросток. Он привязал волов к плетню и прошел мимо Генки, как будто его тут и не было.

— Ты чего ж это волов пригнал? — сурово спросил Геннадий Афанасьевич Миколу.

— Чего даром гонять-то, не близко. Поем и отвезу, заодно еще воз отвезу.

— А, ну-ну. Значит, не кончили еще?

— Трошки осталось.

Генке непонятен был весь их разговор, и он до боли чувствовал себя лишним.

Тетя Дора принесла дымящийся котелок.

— Ты чего ж это стоишь? — удивилась она. — А ну садись, ешь.

Генка сел и неловко взял ложку. Суп был какой-то незнакомый и очень вкусный. Тетя Дора заметила, как он разглядывает содержимое тарелки.

— Не нравится? — огорченно спросила она. — А мы, пока помидоры не поспели, с абрикосами варим.

— Нет, что вы, спасибо, очень нравится.

— А нравится, так ешь.

— Даша, а ты селедки-то привезла? — вспомнил Геннадий Афанасьевич.

— А как же, — засуетилась та, — сейчас принесу.

Непривычным было все: и суп с абрикосами, и то, что на второе ели селедку. Селедка была ржавая и сухая. Но все ели с аппетитом, и Генке казалось, что он еще никогда не пробовал такой вкусной.

— Ешь, Геночка, ешь, — уговаривала его тетка, замечая, что он стесняется.

После обеда, повалявшись под грушей, Генка заскучал.

— Mamka-to где работает, знаешь? — спросил он у Томочки.

— Абрикосы обирает.

— Пойдем посмотрим.

Девочка вскочила и, мелькая черными пятками, заспешила, оглядываясь на Генку, вперед.

Деревья были густо усыпаны желтыми абрикосами. Даже земля под ними и та была вся в абрикосах. Томочка сразу, как пришла, стала собирать их в подол.

Тетя Дора стояла на лестнице, прислоненной к дереву.

— Помощники пришли, — увидела она их. — А ну, Гена, отнеси в корзину.

Генка взял из ее рук тяжелое ведро и потащил к корзинам, стоявшим в стороне. Томочка, придерживая подол с абрикосами, пошла за ним.

Кто-то еще позвал Генку, и он таскал ведра от одного до другого дерева...

— Хватит, Геночка, поди, устал? — спросила тетя Дора.

— Ничего.

Не хотелось сознаваться, что у него уже ноет спина,

болят руки, что жарко и хочется пить. Другое дело, если б хоть Томочка не работала, тогда можно было бы сделать вид, что играешь с ней, или повести ее домой.

Одна за другой подъехали машины, забрали корзины.

— По хатам! — весело прокричала какая-то девчонка так, как кричат «по коням!».

Хозяин уже сидел на порожке дома, курил самокрутку.

— Наработались?

— Угу, — ответил Генка. Он подошел к столу, приподнял полотенце, отломил горбушку хлеба.

— Погоди, сейчас вечером будем, аппетит собьешь, — с улыбкой заметил ему Геннадий Афанасьевич.

На другой день Генка встал вместе со всеми — едва взошло солнце. Он хотел попросить Миколу взять его с собой на работу. Хотелось поездить на арбе — это поинтересней, чем возиться с абрикосами.

Но за Миколой прибежал мальчишка, вихрастый, с маленькими хитрыми глазками:

— Беги по цепочке. Срочный сбор дружины.

Микола побежал. А мальчишка остановился у плетня, рассматривая Генку.

— Дачничать приехал?

Неизвестно отчего Генка обиделся:

— Сам дачничаешь! Думай, чего говоришь.

Мальчишка подумал, почесал ногу об ногу.

— Табачку нема?

— Откуда? Сейчас спрошу у тети Доры.

У мальчишки испуганно округлились глаза.

— Тю, скаженный. — И, показав Генке кулак, он убежал.

Вернулся Микола сияющий, хотя и пытался это скрыть.

— Что это за сбор дружины летом? — полюбопытствовал Генка.

— Да так.

Ну, конечно, станет он рассказывать Генке о своих делах. Кто для него Генка? Так... дачник.

То ли Микола почувствовал, что Генка обиделся, то ли самому хотелось поделиться, стал рассказывать:

— Фрукты горят, не успевают обирать. Директор совхоза обещал премию: десять ведер соберем — одиннадцать нам.

— Здорово. А куда вам столько фруктов?

— Продадим и оркестр для школы купим. Я тогда на баяне выучусь. — Микола повел пальцами, словно трогая клавиши.

Значит, не придется на арбе покататься. Что же тогда делать?

— Микол!

— А?

— Можно мне с вами?

— Иди, если хочешь.

Множество ребят суетились в совхозном саду. Собственно, какой там сад — поле, громадное поле, еще вернее, фруктовый лес. Каждый захватил из дому ведро. Ведро было и у Генки. Он поставил его на землю и то и дело бегал к нему — ссыпать собранные в пригоршни абрикосы. Но ведро оказывалось все дальше и дальше. Приходилось таскать его за собой, каждую минуту наклоняться к нему.

Разъедало от пота спину, горели в обуви ноги, но разуться нельзя: тысячи колючек так и норовят виться

в подошвы. Руки со вчерашнего дня были и были тяжелыми, непослушными.

Генка сходил напиться раз. Вскоре ему опять захотелось пить.

Возвращаясь в третий или четвертый раз от бочки с водой, он поймал на себе насмешливые взгляды двух девчонок. Девочки что-то лопотали между собой, поглядывая на Генку. Одна из них — босоногая, стриженная наголо — оставила свое дерево и пошла впереди Генки. Она шла медленно, лениво переставляя ноги, явно переразвивая Генку.

Вторая девчонка давилась от смеха.

Вот как! Он старается, помогает им, а над ним еще смеются!

Генка повернулся и пошел прочь от ребят. Ладно, сами работайте, а ему оркестр не надо. И вообще он свободный человек: хочет — работает, хочет — нет.

Проходя мимо какого-то дома, Генка увидел в саду, в гамаке, мордастого мальчишку. Мальчишка лежал, плевался шелухой от семечек. Одна нога у него, толстая, со складками, свесилась к земле, словно у хозяина не было сил втащить свою ногу обратно в гамак.

Генка посмотрел на эту ногу, и ему сразу стало противно. Он брезгливо сморщился.

Мальчишка увидел, тотчас плюнул шелухой в его сторону.

Генка остановился.

— Ты чего?

— А ты чего? Что стоишь?

— Не твое дело, хочу — стою, хочу — иду.

— А ну проходи.

— Никуда не пойду. Твоя, что ли, улица?

— Сейчас встану, покажу чья улица.

— Встань!

— А вот и встану!

— Встань, попробуй!

Мальчишка смерил Генку глазами, с любопытством спросил:

— Нездешний?

— Твое какое дело?

— Я тоже нездешний. — И миролюбиво предложил: — Заходи, поговорим, а то тут со скуки подохнешь.

Мальчишка удивительно напоминал собой безбилетника на катере. Того, что лопал мороженое. «Паразит», сказала про него Тоня. А теперь... теперь такой же вот предлагает Генке «поговорить».

— На кой ты мне сдался, — прошипел Генка, — подыхай сам со скуки, — и пошел прочь.

— Цыган, Цыган, куси его! — истощно заорал мальчишка.

Позади загремела цепь, но Генка даже шагу не прибавил, не обернулся. На душе было муторно, как будто не с человеком поговорил, а пенароком отраву для мух выпил.

Что теперь делать, куда идти? Не возвращаться же к ребятам. Ох, и глупость он сморозил: подумаешь, девчонка посмеялась. Надо было самому тоже засмеяться и снова пойти работать. Другие-то работают, им легче, что ли? И, если по-честному говорить, вовсе он не из-за девчонки ушел...

Дома никого не было, даже Томочки.

Генка послунялся по усадьбе, сел за стол и приуныл. Зачем было сюда ехать? Пошли бы они сейчас с Сашкой купаться или, если он занят, с Тоней поговорили бы, почитать можно было. А здесь и читать нечего: все Миколкины книги на украинском языке. С самим Миколкой теперь не поговоришь — ноль внимания на Генку, фунт презрения.

Если бы он руку, ногу поранил — никто бы ничего, а так... Генка осмотрел свои руки. Как назло, ни одной царапины. Дурак, босиком не ходил, может, ногу занозил бы.

Генка поднял колючку с земли, поколол ладонь — больно. Еще нарываться станет, не обрадуешься. Может, сказать, что голова заболела? А что ответить, если станут спрашивать, где болит, да как болит? Почему он знает, как она болит. Это у взрослых только вечно голова болит...

От всех этих дум Генка так расстроился, что впору завывать. Он встал, не зная, куда деть себя, и вдруг увидел, что у плетня стоит она — та самая, стриженная. Генка застыл, не зная, что делать. А девочка смотрела на него очень странно — виновато и покорно.

От калитки же шел к Генке Микола.

— Звиняйся, — сказал Микола девочке, завидя Генку.

— Звиняюсь, — виновато и покорно ответила девочка из-за плетня.

Генка не сразу сообразил, в чем дело. А когда понял, сердце его подпрыгнуло от радости. Ну конечно же, все считают, что он только из-за нее ушел. Просто думают, что обиделся человек, и все. Обидеться ведь каждый может.

И оттого что все так легко и просто обошлось, Генка засмеялся и, чтобы объяснить причину неожиданного смеха, сказал:

— Я думал, что пацан стоит, платья не видно...

— Це Настька, — ответил Микола и ласково посмотрел на девочку.

Работа теперь совсем не казалась почему-то такой тяжелой. А когда запели песни, и вовсе стало легко. Генка тоже пел. И хотя многие песни были украинскими, незнакомыми, он все равно подтягивал, потому что невоз-

можно было удержаться, когда даже сдержанный Микола и то пел.

Относя ведро с абрикосами к корзине, Генка не раз сталкивался с Настей. Один раз она улыбнулась ему, показав мелкие, белые как сахар зубы. Генка торопливо улыбнулся ей тоже. Хорошая девчонка. Если б не она, что бы он сейчас делал!

Ужинали уже в потемках, хотя было всего часов девять. Геннадий Афанасьевич зажег керосиновую лампу на столе. И сразу на нее из темноты полетели мотыльки. Они с лихорадочной скоростью кружились вокруг лампы, ударялись об нее, падали и снова кружились, кружились...

— Чего они кружатся, интересно? Ведь горячо, — Генка дотронулся пальцем до лампы и отдернул, обжегшись.

— Я тоже как-то интересовался, — задумчиво откликнулся Геннадий Афанасьевич. — Не знаю, правильно или нет сообразил.

— Расскажите.

— Думаю так: земля-то вокруг солнышка вертится, ну и все живое с ней вокруг солнца вертится. А тут и светит и тепло. Поди объясни им, что это не солнце.

Генка подумал.

— Ну, а мухи, комары чего не летают?

— Комары солнца не любят, а мухам что — днем налетаются, ночью спят. Это вот мотылям всего один день отпущен, спать некогда. — И позвал: — Даша, где ходишь, иди к нам!

— Почему вас Дашей зовут? — спросил Генка после ужина.

— Была Дорой, стала Дашей, — грустно усмехнулась тетя. — Ну как тебе нравится дядя Гена?

— Хороший.

— Золотой человек, — убежденно сказала тетя Даша. — Боялась я за него выходить, думала, после Васечки не привыкну. Да Миколку больно жалко было: ходит сопливый, отец работает, присмотреть некому. А я одна...

— А чего он бороду носит, ведь не старый еще?

— Моложе он меня, вот и прячется, как будто люди не знают.

...Томочка уже спала. Микола в темноте слушал радио. Послушал и Генка, но скоро ему надоела передача на малопонятном языке, и он решил выйти, поискать тетьу Дашу.

Тетя Даша сидела рядом с мужем на порожке. Генка услышал ее неторопливый говор.

— Геша, вот племянник-то говорит, чтоб ты бороду обрил. Молодой, говорит, красивый, а бороду носит.

— И с бородой хорош.

Генка видел в проеме двери, как женщина положила голову на плечо мужчине:

— Васечка все хотел усы отрастить, я не давала. Дура была, молодая.

— А теперь мне хочешь бороду обрить. Тоже потом скажешь... глупая была.

— Так ты-то жив, а он... Так и не посмотрел на себя с усами.

— Полно, Даша, сколько лет прошло, все убивается.

— Дети у нас с ним были, — извиняющимся тоном сказала Даша.

— Теперь Кольку, Томочку растить надо.

Мягкие потоки лунного света освещали темные фигуры людей, неподвижно застывшие деревья, дома, дорожку...

— Господи, — простонала женщина, — хоть бы войны больше не было,

Генка любил фильмы и книги про войну. Он всегда жалел, что поздно родился. Интересное было время! Но сейчас, слушая тихий грустный голос тети Даши, он как-то очень отчетливо понял, что означает для нее это короткое, бухающее слово — война.

Война — это погибший дядя Вася, это пропавшие без вести Игорь, Олег. Как бы сейчас все было, если бы не война? Генке представилось, как вошли бы сейчас из-за калитки во двор его двоюродные братья, шумно смеясь, переговариваясь. «А ну, Генка, иди сюда, померяемся, кто из нас выше, каланча ты этакая».

Генка улыбнулся, расправил плечи, но тут же спохватился, что стоит в темных сенях один и никаких братьев нету.... И не будет.

Он неслышно повернулся и ушел в комнату.

Работа сдружила Генку с Миколой. Вечерами, принарядившись в белые рубахи, они шли на «базар» — так называлось место, где собиралась молодежь. Там они сидели на бревна, наблюдали, как танцуют под гармонь парочки. Или в тесном душном зале высиживали то и дело обрывающийся фильм.

В один из вечеров за ними увязался Митька — так звали вихрастого мальчишку, просившего у Генки табачку.

У каждой хаты Митька останавливался и слушал, как лает собака.

«Гав-гав», — надрывалась собака.

— Гав-гав, — отлаивался Митька.

У одной из хат собаки не было слышно: то ли спала, то ли ее просто не было. Но Митька зачем-то сунул палку в плетень и стал шуровать ею.

— Гав-гав, — вызывал он, а сам потихоньку пятился.

— Смотри, цапнет, — предупредил Микола.

— Не цапнет. Гав-гав!

И вдруг что-то темное бесшумно перемахнуло через плетень и повисло на Митьке.

Над селом понесся густой Митькин вопль...

Ребята с трудом отогнали разъяренную собаку, пошли дальше. Митька, прихрамывая, охал.

— Ну чего тебе от нее надо было? — выпрашивал Генка.

— Ничего. Голос охота послушать.

— Че-его? Собачьего голоса никогда не слышал?

— Слышал. У всех слышал, а у этой проклятущей никак добиться не могу. Бас у нее, наверное, — пасть-то большая.

— Она его который уж раз цапает, — посмеивался Микола. — Изорвет когда-нибудь.

— Не изорвет. Я ей теперь мослы носить буду, приручу.

Чем-то Митька очень напоминал Костыку из родного города. Может, своей непоседливостью, может, тем, что тоже что-то выдумывал, что-то искал. Эх! Знали бы там ребята, чем он занимается здесь, позавидовали бы, наверное! Генка сам теперь удивлялся, почему раньше он считал работу нудным и неприятным делом. Ведь работать хоть и не очень легко, зато здорово как! Вот одна машина ушла, увезла фрукты, вот другая. И каждая повезет по свету капельку твоего труда. А кто-то — может быть, у них же на Севере, может, те же ребята с его двора — будет есть фрукты и похваливать. И в голову им не придет, что это Генка для них старся.

Генку поражало, как много и щедро дарила украинская земля. Хоть бы чуть этого добра к ним на Север.

Идешь по улице села — иди серединой: во все щели плетня протиснулись, пролезли ветки крыжовника, смородины, малины, так и норовят вцепиться в одежду. Кажется, просят, требуют: «Ну остановись, попробуй, смотри, какие сочные, сладкие ягоды у нас».

Но редкие прохожие равнодушно проходят мимо. Разве это продукт? Так, баловство одно детишкам.

Идешь по улице — иди серединой, а то ненароком вцепит тебе яблоко по голове или груша перезрелая мазнет по лицу, долго не отмоешься.

На бахчах, прямо на земле, поджаривались на солнышке тыквы, арбузы, дыни. Всего вдоволь. Одно плохо — травы нет. Чуть свернул с золотистого песка дороги — колючки, колючки, хотя с виду и притворяются безобидной мягкой травкой. Ни посидеть, ни полежать. Совсем не то, что у бабушки в деревне — валяйся где хочешь. Удивительно, как коровы жуют эти зеленые иголки. Микола говорил, вывезли как-то отсюда коров на целину — подошли от настоящего сена, есть не могли. Не то что люди, ко всему привыкающие. Как он, например.

И тут Генка почувствовал, что ему сейчас больше всего на свете хочется своего, северного. Рыбы, кислой брусники, мягкой, с неуловимым вкусом морошки... прохладного ветерка.

...Генка, Митька и Микола сидели на песке у дороги: ожидали машину с корзинами.

— Во рту пересохло, — пожаловался Генка.

Митька, усмехаясь, вытащил из кармана три спелых помидора, дал Генке один, другой протянул Миколке.

— Где взял?

— Где взял, там нету.

— Сладкие, — сказал Микола, доев помидор.

— Ешьте, мне не жалко, — Митька вытащил из другого кармана еще два помидора.

Съели и эти.

— Хороши?

— Хороши. Одно плохо — мало.

— Пошли сегодня вечером, — зашептал Митька, — целую фуражку наберем.

— Вон что, — протянул Микола. — Своровал?

— Подумаешь, «своровал»! — огрызнулся Митька. — Две штучки и взял-то...

— А если ребятам сейчас рассказать?

Митька вскочил, злобно уставился:

— Сами сожрали, а на меня теперь валите! — и побежал от них.

— Дурной он какой-то, — сказал Генка.

— Да нет, ничего. Его дома много дерут ни за что ни про что. А так хлопец он ничего. — Микола приподнялся и стал звать Митьку. Но тот был уже далеко.

— Жаль, у вас моря нет или реки хоть какой, выкупаться бы сейчас.

— А у вас есть?

— Еще бы! Часть Ледовитого океана — Белое море. Слыхал?

— Проходили. Холодно небось?

— Летом, что ли? Нормально. Не жарко, конечно. Зато у нас солнце сейчас не заходит.

— Тоже проходили. Только не пойму — оно и ночью, как вот сейчас, светит?

— Нет, ночью над горизонтом плавает.

Микола хмыкнул:

— А как же спите?

— Так и спим. Привыкли. А некоторые окна завешивают.

— Чего только на свете не бывает, — вздохнул Ми-

кола. — Скоро вон на Марс полетят, тоже диковинок на-
смотрятся.

— На Луну сначала, Марс-то дальше.

— А чего на Луне делать? А на Марсе, может, кто
есть.

— Там атмосферы нет.

— «Атмосферы»! — хмыкнул Микола. — Вон у вас
солнце не заходит, — ничего, привыкли. А там, может,
люди... ну не люди, а эти, как их...

— Марсиане, — подсказал Генка.

— Ну да, марсиане. Может, они привыкли без ат-
мосферы, другое что-нибудь себе придумали, другим
чем дышат. А может, привыкли и вовсе не дышать.

— А правда, может, и в самом деле так.

Каждый вечер подсчитывали, сколько собрано за
день. Ребята шумели, спорили, много или мало, ругали
лодырей.

Один раз Генка услышал, как Настя выговаривала
Митьке:

— Вон человек с городу управляется, тебе бы впло-
винину так.

— А знаешь, — сказал Генка Миколу, — если бы вы
тогда не пришли с Настей, не знаю, что бы я сейчас
делал.

Генке страшно стало: представил себе, как бродит
он, точно сонная муха, по селу без дела, без цели.

— Ох, и тошно мне было, что ушел.

— Хиба ж я не знаю, — усмехнулся Микола. — Це
Настька придумала звиняться.

Генка оторопел:

— А... откуда ж она узнала?

— Дозналась, як ты с тем кабанчиком лаялся.

— С каким кабанчиком?

— В гамаке который. «Раз, — говорит, — с ним лае-ся, значит, сам не такой».

Генка вспомнил толстую ногу, похожую на окорок. Действительно, кабанчик.

— Там же никого не было, когда мы ругались?

— У нас тут все про всех знают, — серьезно ответил Микола.

— Плохо же так.

— Почему плохо? Плохое делаешь — тогда плохо, а так чего же скрываться?

Что-то очень знакомое сказал Микола. Погоди, погоди... Да ведь эти же самые слова говорил и отец. Надо же! Микола здесь, отец там, а думают совсем одинаково. Что он там сейчас один делает? Скучает, поди, без них. Придет домой, и поговорить не с кем.

— Микол!

— А?

— Я... что-то домой захотел. — Генка отвернулся.

Наверное, правду говорят, что мысли могут передаваться на расстоянии: на другое утро от матери пришла телеграмма.

«Поезд 23 вагон 5 едем домой».

Отец, похудевший и взволнованный, встречал их на вокзале.

— Ну и ну, словно из Африки — черные.

Он хотел взять чемоданы, но Генка не дал, сам поднял. Раньше бы такие чемоданы Генка не осилил: набитые фруктами и банками с вареньем, они были довольно тяжеленьки.

— Спортом занимался? — понимающе спросил отец.

— Работал.

— Господи, что же Дора смотрела? — ахнула мать.

— Я сам, тетя Даша смотрела, чтоб я ел побольше.

Мать засмеялась:

— Это она всегда умела. Меня тоже в детстве пичкала.

Во дворе уже знали, что Генка приехал. Когда, поужинав, он вышел подышать воздухом, ребята кучкой сидели на крыльце.

— Здорово! — весело крикнул Генка.

Никита улыбнулся своей мягкой, доброй улыбкой.

— Выросли твои за лето. На-ко вот винограду им дай. — Генка протянул ребятам большой, сделанный из газеты куль.

— Спасибо, а сам что же?

— Хватит с меня. Ешьте, еще принесу.

Ребята загорели за лето, как-то вроде изменились. У Костьки под мышкой потрепанный футбольный мяч.

— Сыграем? — спросил Генка.

— Ты, что ли, играть будешь?

— А что? Давай на пару. Никита с Витькой пусть вон судят.

— Интересно... — протянул Костька.

Генка взглянул в прищуренные глаза Костьки. Ну совсем как еж. Чего он, чудак, ерепенится? Генка улыбнулся. Костькины губы дрогнули и тоже медленно поплыли в улыбке.

Гоняли мяч до тех пор, пока чуть не высадили окно в Витькиной квартире.

— Хватит, — взмолился Витька, — лучше завтра на пустырь пойдем, там поиграем.

Потные, раскрасневшиеся, ребята сели на скамью.

— Давайте команду против тридцать третьего дома

организуем, — предложил Костька. — Давно пора им высыпать, чтоб не зазнавались.

С азартом принялись обсуждать состав будущей команды. Потом единогласно постановили: Генке быть вратарем, Костьке — нападающим, Витьке и Никите — защитниками.

— Как съездил, рассказал бы, — попросил Витька.

— Съездил... повидал.

— Хорошо?

Перед глазами встали Сима, Саша, Миколка с Митькой, Настя...

— Хорошо.

— А у нас?

— Куда уж нам уж, — ревниво сказал Костька.

Все взгляды уткнулись в Генку.

В это время на юге темно уже, звезды... А здесь... в открытые ворота — прямая как стрела улица. Улица туманно серебрится, строгие топольки на ней словно охраняют покой и прохладу.

Генка глубоко, всей грудью, вдохнул свежего воздуха.

— А что ж, у нас тоже хорошо. Может, даже еще и получше.

Северодвинск

СОДЕРЖАНИЕ

КРАСНАЯ РЯБИНА	3
ГДЕ ВЫ, ДРУЗЬЯ?	125

Аксе́нова А. С.
А42 Красная рябина: Повести.— М.: Сов. Россия,
1983.— 192 с., ил.

Написанные лирично, доброжелательно к людям повести А. Аксеновой посвящены морально-правственным проблемам; сложным подчас взаимоотношениям взрослых и детей.

4803010102—230
А М-105(03)83 224—83

Р2

Для детей среднего школьного возраста

Анна Сергеевна Аксенова

КРАСНАЯ РЯБИНА

Редактор Ю. Н. Афанасьева
Художественный редактор М. В. Таирова
Технические редакторы
Л. А. Фирсова и Г. О. Васькина
Корректоры
М. С. Никитина, Э. З. Сергеева

ИБ 3027

Сдано в набор 9.09.82. Подп. в печать 23.12.82.
Формат 70×108/з. Бумага типографская № 2.
Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая.
Усл. печ. л. 8,40. Усл. кр. отт. 8,66. Уч.-изд. л. 8,14. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1328.
Цена 25 коп. Изд. инд. ЛД-313а.

Издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25,

